

МИР

№ 2-1929

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЗД-ВО
"П.П.СОЙКИН"
ЛЕНИНГРАД

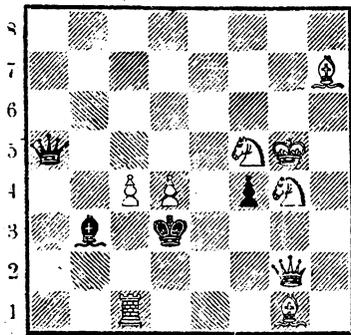

Под редакцией мастера *Арс. Ив. Куббеля.*

К О Н К У Р С № 13.

Задача № 25

Н. Е. Иванова (Москва).
Печатается впервые.

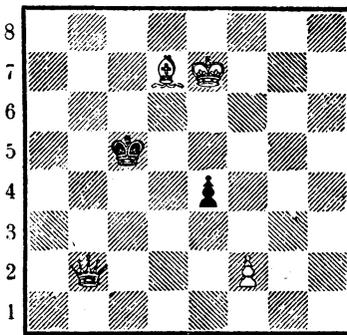

Кр. g5, Ф g2, Л e1, С g1, b7, К f5, g4, П c4, d4.
Кр. d3, Ф a5, С b8, П f4.

Мат в 2 хода.

Задача № 26

О. Фусса (Германия).
„Hannoversche Ztg“ 1928 г.

Кр. e7, Ф b2, С a7, П f2.
Кр. c5, П e4.

Мат в 3 хода.

За правильные и неочерывающие решения обеих задач подписчикам журнала „Мир Приключений“ будут выданы 5 призов: 1) В. Платов „150 избранных современных этюдов“; 2) К. А. Л. Куббель „150 шахматных этюдов“; 3) То же, что и 2; 4) С. Гараговер „Современные дебюты“; 5) То же, что и 4.

Решения следует направлять исключительно по адресу редактора отдела: Ленинград, Вас. О., 10 линия № 32, кв. 63, Арвиду Ивановичу Куббелю. Последний срок отсылки решений 15 апреля (по почтовому штемпелю). Право на участие в розыгрыше премий имеют только подписчики: индивидуальный, каждый участник коллективной подписки и каждый член семьи подписавшегося, нужно лишь наклеить ярлык с бандероли или склеить № подписки.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 9.

Задача № 17. Каценеленбогена. 1. К d1—c3.

Задача № 18. Сльсона. 1. Ф d2—f4.

Премия шахматную доску с комплектом фигур — по жребию получает подп. № 356. В. Самарина (Пенза).

Правильные решения обеих задач прислали: М. Леонтьев, Е. Лемешевский, Н. Орлов, А. Кириллов (все Ленинград), Т. А. Соколенко, Б. Смирнов (Одесса), В. Кожанов, С. Полетаев (Астрахань), В. Толстоухов (Гулауты), М. Обнин (пос. Яковлевское), И. Регельский (Донбасс), М. И. Адо (Сочи), А. Г. Кроков (Баку), М. Васильев (Мат. Вишера), Кабу Стронтейл (Петропавловск), В. Тащевский (Евпатория), В. Г. Трушин (сын) (п. о Чаплицка), В. Задеренко (Харьков), И. Плеско (м. Грунь), Г. Белоухов (Симферополь), С. А. Рабинович (Тульчин), Е. Петров (Урюпинск), С. А. Крайнов (Слухов), Ф. В. Митрофанов (ст. Сартана), Н. Е. Фридрих (Ташкент), И. В. Подлипух (Серпухов), В. Лазукин (Мелекесс).

Кроме того поступило 6 неверных решений.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 10.

Задача № 19. Е. Куббеля. 1. Ф b2—c1.

Задача № 20. Д-ра Бахль. 1. Л d2—d5. Кр.: e6; 2. Л d1—1...., Ф: e6; 2. С e2 1...., Ф a7; 2. Л c5. Пропаа 2. К d4X.

Премия — шахматную доску с комплектом фигур — по жребию получает подп. № 617 А. И. Звезд, Краснодар, ул. Седина № 60.

Правильные решения обеих задач прислали: И. А. Васильев, А. Кириллов, И. Печнижкин, М. Леонтьев, И. Егоров (все Ленинград), Т. А. Соколенко, Б. Смирнов (Одесса), И. Г. Рутко (п. о Николаевской), В. Г. Трушин (п. о Чаплицка), А. М. Смирнов (Ростов н. Д.), Н. Антонов (Архангельск), М. Васильев (Мат. Вишера), С. А. Крайнов (Гулауты), В. Задеренко (Харьков), В. Гончаров (Стародуб), В. Тащевский (Евпатория), Б. С. Щеглов, Х. Файфман (Киев), В. Толстоухов (Гулауты), И. Кириллов (Севск).

Кроме того поступило 5 неверных решений.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2 — 1929 г.

	СТР.		СТР.
«25 ЛЕТ ВМЕСТО БИЛЛИОНОВ ЛЕТ», — научное предисловие проф. П. Ю. Шмидта к рассказу «Чужая жизнь» . . .	2	«ОСТРОВ КРАСНОГО ХОЛМА» — рассказ Л. Шадурина, иллюстрации А. Саввина . . .	51
«ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ», — научно-фантастический рассказ Бориса Циммермана, иллюстрации Н. Ушина . . .	3	«ЖЕНЩИНА СИНЯЯ - БОРОДА», — исторический рассказ из времен Людовика XIV А. В., с иллюстрациями	55
«СОН И ПОДСОЗНАНИЕ», — научное предисловие проф. В. М. Нарбута к рассказу «Тайна одного сна» . . .	24	«ЖИВОЙ МЕТАЛЛ», — научно-фантастич. роман А. Меррита, иллюстр. Поля . . .	63
«ТАЙНА ОДНОГО СНА» — драма подсознательной жизни женщины, — Г. Дирдена, иллюстрации П. Картера . . .	26	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»: «БРЭМ и ЗООЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ», — очерк с иллюстрациями	74
«ГОРСТЬ ПУХУ», — рассказ С. Сивертса, с предисловием Редакции. Иллюстрац. И. А. Владимировой . . .	35	Три конкурса для подписчиков „Мира Приключений“ в 1929 г.	77
Систематический Литературный Конкурс 1929 г. — «ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ», — юмор. рассказ-задача № 4, иллюстрации Н. М. Кочергина	42	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» задачи и решения задач . . .	78
		ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ стр. 2 обложки.	
		ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК стр. 3 обложки.	

Обложка в 6 красок работы худ. Н. А. Ушина.

25 ЛЕТ ВМЕСТО БИЛЛИОНОВ ЛЕТ

Научное предисловие проф. П. Ю. ШМИДТА к рассказу «Чужая жизнь»

Происхождение жизни на земле — вот вопрос, наиболее захватывающий и интересный и, вместе с тем, один из самых трудных и, пожалуй, даже неразрешимых вопросов! Как, когда и почему зародилась жизнь? Что заставило мертвую материю превратиться в живое вещество? Что вызвало появление первых, простейших живых организмов и что побудило их затем развиваться, усложняться, совершенствоваться?

Наука стремится разрешить эти проблемы всеми доступными ей средствами и постепенно приближается к их решению, но приближается очень, очень медленно. Ведь в основе всех этих вопросов лежит один главный — что такое жизнь? На него же мы до сих пор не можем дать полного, исчерпывающего ответа, такого ответа, который вполне бы нас удовлетворил!

Трудность объяснить происхождение жизни на поверхности Земли при тех условиях, какие нам известны, заставила таких крупных ученых, как Г. Рихтер, Гельмгольд, Вильям Томсон, Сванте Аррениус, прибегнуть к смелой гипотезе — жизнь занесена к нам с других небесных тел, на которых условия иные. Зачатки простейших животных существ переносят метеориты, эти обломки небесных тел, носящиеся в мировом пространстве, или же, как предполагает Аррениус, ничтожно малые зародыши организмов могут переноситься просто благодаря давлению лучей света.

Гипотеза эта не разрешает загадки первого появления жизни — она лишь переносит ее на другое небесное тело. И все же в ней много заманчивого — она захватывает своей широтою и поэтическим полетом мысли. С теоретической стороны, против нее ничего нельзя возразить. Перенос зародышей по мировому пространству возможен, и все возражения против него, после тщательной критики, отпадают. Практически, однако, все старания найти живые существа в метеоритах или доказать существование зародышей их в мировом пространстве пока безрезультатны.

Но, если допустить занесение жизни с других небесных тел, то можно сделать и дальнейшее допущение. Скорость жизненных процессов на соседних планетах, а тем более на планетах других солнечных систем, может быть совершенно иною, чем на поверхности Земли. Ведь скорость эта зависит от внешних условий и приспосаблиется к ним, а условия тяжести, температуры, давления, химического состава среды на других планетах резко отличаются от земных.

Можно себе представить, что иною будет и скорость развития различных форм жизни и скорость превращения одной формы в другую — их эволюции... Автор рассказа «Чужая жизнь» исходит из этого интересного предположения и заставляя «чужую» жизнь на нашей планете совершить в 25 лет путь превращений, который совершался нашей жизнью в миллионы и миллиарды лет.

Трудно согласиться с его выводами относительно направления этого пути. Более вероятно, что «чужая» жизнь в условиях нашей планеты дала бы нечто, не имеющее даже и отдаленного сходства с теми формами, в какие вылилась жизнь при развитии ее на Земле. Совершенно невероятно, чтобы конечным звеном эволюции в этом случае явилось человекоподобное существо, хотя бы и с перепончатыми ножками и щупальцами вместо рук.

Все же основная мысль автора о возможности ускорения жизненных процессов на другом небесном теле не заключает в себе ничего противного нашим научным представлениям, а картина развития «чужой» жизни на нашей планете полна захватывающего интереса.

Проф. П. Ю. Шмидт.

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Научно-фантастический рассказ БОРИСА ЦИММЕРМАНА

Иллюстрации Н. УШИНА

«...Не рассеивают ли тела, пересекающие мир во всех направлениях, зародыши жизни на тех планетах, где стала возможна жизнь?...»

Гельмгольц.

«...Природа меняет свои формы и превращает одни образы в другие, различные по духу и по силе. Так растет неизмеримое богатство, и вечно видим мы другой, но в сущности все тот же мир...»

Кнебель.

«...Отныне пространство само по себе и время само по себе становятся лишь тенями, и только некоторое соединение их обих сохраняет независимое существование.»

Миньковский.

МЕТЕОР.

— Метеор! — не одна тысяча людей с удивлением и восхищением произнесла это слово, пригвожденная взором к черной мантии неба.

В провале Млечного пути, между бесконечно далекими грядами звездной пыли, заискрилась яркая точка и сияющей полосой мгновенно прокатилась по небу. Огненно-желтым раструбом, почти от зенита до горизонта, тянулся яркий след, оставленный быструлетным гонцом из далеких миров. Нежно-лазоревые, мягко застывшие в объятиях сонной ночи атмосферные волны, вдруг пробудившись, воспрянув, встретили пламенем и адским воем его вероломное вторжение. В непоколебимой стальной изготовке, недвижимым титаном приняла Земля его страшный удар.

Миг... и сразу исчезли, провалились в бездну прошлого и яркое, слепящее сияние, и вопль пронзенной атмосферы, и демонический скрежет, гневное содрогание нагло разбухнувшей Земли. В застывшей тьме таял белесый фантом, сквозь бестелую оболочку которого лукаво проглядывали яркие звезды. И лик Бесконечности, ненарушимый, спокойный, снова застыл в первозданном однообразии...

ОТЪЕЗД.

— Но... но, мистер Босс, почему такая поспешность? Чем объяснить такую перемену в вашем настроении? Только на прошлой неделе вы говорили совсем другим тоном, и в институте Карнеджи о вашем докладе шла речь, как о совершившемся факте.

— И, все таки, я не буду его читать, так как завтра уезжаю на тихоокеанском пароходе «Миовара» в Гонолулу.

Тэд Венслей тоскующим взором глянул сквозь пыльные стекла пенсия в глубь того неопределенного пространства, где огни фонарей, ряды автомобилей и тысячи плывущих шляп смешивались в одну клокочущую, многоцветную массу.

В блестяще скомбинированный план работ Объединенной Ассоциации астрономов, физиков и биологов врывалась неожиданность. Стоявший на очереди дня доклад профессора Уинстона Босса «Об анаэробных микроорганизмах, находимых в пластах эоцена» упразднялся вследствие неожиданного отъезда референта, — и душа почтенного секретаря ассоциации не была в должном равновесии.

— Я, конечно, не вправе требовать от вас отчета, но это так неожиданно... ваш отъезд в Гонолулу...

Уинстон Босс мягко улыбнулся и приятным грудным голосом ответил:

— Вы слышали, конечно, мистер Венслей, о метеоре в 258 кг весом, упавшим во Флориде, в 45 км к западу от Джексонвилля?

— Конечно! Я знаю даже, что этот метеорит в специальном вагоне был доставлен в Нью-Йорк и поступил в ваши собственные руки для исследований.

— Но о результатах этих исследований вы, вероятно, ничего не знаете?

— Абсолютно... так как вы не потрудились сообщить мне об этом. Наоборот, ваши опыты вы облекли завесой строжайшей тайны.

— Сегодня я приподниму краешек этой завесы. Дело в том, что во внутренних пластах аэролита из Джексонвилля я нашел одноклеточный организм.

— Нашли организм? — слегка недоверчиво и как будто даже испуганно вскинул стекла пенсия Венслей. — Вот так повезло!

— Да... Это представитель фауны какой-то далекой планеты. Вы понимаете, на осколке неизвестного нам мира он совершил путешествие в мою лабораторию.

Уинстон Босс снова улыбнулся и небрежно вскинул глаза к гигантской рекламе, бороздившей небо ослепительно-белыми огнями и затмевавшей робкий блеск далеких звезд.

Нью-Йорк бешено носился вокруг их и над ними. Свистки быстрого, как ракета, поезда электрической железной дороги падали на них сверху и мгновенно терялись где-то вдали. Непрерывная цепь таксомоторов ползла сбоку, оглашая воздух надоедливym звуком сирен. Лавина голов струилась плотным рядом вдоль сияющих витрин. Световые рекламы бесконечной вереницей терялись в недостижимой глубине, озаряя феерическими отблесками монолитные небоскребы Бродвэя.

— Но я не пойму, в какой связи находится ваше открытие и этот неожиданный отъезд?

— Дорогой Венслей... видите ли... сам факт открытия простейшего на метеорите ничего особенно ценного, на мой взгляд, не представляет. Но я уверен, что это неважное открытие приведет к целому ряду грандиознейших и удивительнейших явлений. Каких — я только догадываюсь. И вы простите мне тайну этих догадок! Я должен произвести ряд опытов... И мне так кажется, моя вила на Гавайских островах будет самым лучшим местом для опытов. Теперь вам понятен мой отъезд? Да? Я очень рад! Я хотел бы все таки, мистер Венслей, чтобы все сказанное сегодня осталось между нами!

— О-о, не беспокойтесь... Даю слово...

Венслей говорил не совсем спокойным голосом. Он был взволнован и рука его слегка дрожала, когда они прощались у Двадцать Первой авеню.

Рассеянно размахивая длинными руками, Венслей часто натыкался на встречаемых и тогда шопотом бормотал: — Извините, мистер!

Такси № 82 563 мчал Босса вольной прямой, как стрела, Парк авеню.

ЭКСПРЕСС.

Незримыми нитями прикованные друг к другу, бродили в пустоте вселенной Земля вокруг Солнца и Солнце вокруг Земли. Стрелка часов многократно повторяла свой скучный обход, и падали сорванные листки календаря. Час за часом, день за днем, год за годом уплывало время в безвозвратное прошлое. Более двадцати пяти лет прошло с того дня, когда Уинстон Босс и Тэд Венслей беседовали в сияющей огнями гуще Бродвэя.

И как многие тысячи раз раньше, мчался в этот день нью-йоркский экспресс по направлению к Трентону. В туманной дали позади, в облаках дыма, таяли вершины нью-йоркских небоскребов. Бесчисленные кровли пригородов однообразной чредой уносились валь.

Двое пожилых людей беседовали в отдельном купе первого класса. Венслей сгорбился и оброс густой бородой. Черные и густые волосы Босса стали белыми, как снег. Но каждый

из них в сильно постаревшем лице другого находили многие из тех черт, которые были основательно изучены ими друг у друга двадцать пять лет назад.

— ...И так, у нас три часа свободного времени. Я с удовольствием выслушаю вас, — сказал Венслей, закуривая сигару.

— Я готов, мистер Венслей! Но, боюсь, вы не поверите мне. Это удивительная история, и у меня нет никаких доказательств...

Венслей вскинул на него слегка усталые, напряженные глаза.

— Двадцать пять лет, проведенные вами в Гонолулу, — лучшее доказательство, — сказал он сквозь облако дыма.

КОСМОЗОИД.

— Это был маленький сморщенный комочек, величиною с бумажную головку. Я извлек его из небольшой пустоты в виде пузырька в самом центре метеора. Он был совершенно сух и весил около $\frac{1}{10}$ мг. Формою он несколько напоминал тихоходку, но только у него были свои мелкие особенности, хотя бы в виде длинных и узких присосок. Я назвал его космозоидом.

Искра жизни не угасла в нем. Жар раскаленного метеора едва коснулся его, так как он находился во внутренних слоях. Впрочем, как я потом выяснил, он был мало чувствителен даже к довольно значительным температурным колебаниям. В кипящей воде он чувствовал себя великолепно!

Я поместил его в питательный раствор. Он весь набух, складки расправились, и длинные щупальды ритмически закачались над его шарообразным тельцем. Через несколько минут я заметил в растворе множество змеящихся тускло мерцающих нитей. Это было его потомство. Еще на «Миоваре» мне пришлось завести большую цилиндрическую ванну, которая вскоре кишмя-кишела странными, невероятно быстрыми существами. Кое-где мелькали пузырчатые тельца космозоидов, но они были вялые и медленные в движениях и совершенно терялись в массе жгутико-

видных тел, опутанных длинными розовыми нитями.

Крошечный бассейн моей виллы в окрестностях Гонолулу не мог вместить всего множества странных существ, и мне пришлось хлопотать над постройкой другого колоссального бассейна, величиною с маленькое озеро. И там, в темной воде, мелькали длинные змеящиеся тела со множеством самых невероятных особенностей. Их были тысячи, миллионы, миллиарды, и число их увеличивалось с каждой секундой. Я пробудил искру жизни, и пламя ее ширилось с каждым мгновением. Слово бесконечной нитью, быстро и неумолимо, раскатывался задетый клубок.

Огражденный двойным частоколом и густой рощей, охраняемый дюжиной крепкотелых чистокровных конаков, часами просиживал я у этого колоссального вместилища жизни. И вместе с горячим, восторженным трепетом шемящее, обостренное чувство вползало мне в сердце. Меня пугал этот бурный, неудержимый рост, пугала быстрота и цепкость жизненных сил. Но все это было ничем по сравнению с той гордостью, которая наполняла меня: мой прогноз блестяще оправдывался. Поток жизни быстро и неудержимо проносился перед моими глазами. Я был свидетелем рождения и смерти множества поколений. Над горами мертвых трупов роились новые создания. Я замечал, как незаметные отличия становились с течением времени резкими, как стирались звенья, объединявшие отдельные виды, как из поколения в поколение менялись краски, форма, величина. И для всех этих изменений требовалось ничтожно мало времени: жизнь миллионов поколений втискивалась в узкие пределы двух-трех часов. Вы понимаете, как бесконечно коротко было существование и как бесконечно быстро было созревание каждой отдельной твари. Трудно было проследить за столь быстрым ростом. Жизнь каждого существа ускользала, растворяясь во мгновении, и не его изменения с возрастом, а изменения всей массы подобных ему от поколения к поколению улавливались глазами.

...Боролись длинные белые ленты и такие же, но окутанные массой тонких, острых, как иглы, волосков — жал.

угадывал многое. Я мог теперь сказать почти уверенно, откуда был занесен к нам джексовилльский болид. Это был один из астероидов, затерянных в пространстве между Марсом и Юпитером, — ничтожная крупичка по сравнению с гигантом-Землей.

ЭВОЛЮЦИЯ.

Несмотря на то, что каждый день в бассейн извергались груды измельченных питательных веществ, погоня за пищей вызывала ожесточенные побоища. Победенных сейчас же пожирали оставшиеся в живых. Такая же судьба ждала и всех тех, кто умирал естественной смертью, пройдя все ступени своей почти мгновенной жизни. Трупы и разложение были тут редким явлением.

С ужасом и отвращением видел я, как в темной, затаенной глубине мелькали гибкие тела, свивались в бешеный комок в дикой, напряженной борьбе за существование. Вода клокотала, и белые пенные вихри вырывались из ее недр. Но скоро прозрачная тишина снова сковывала спокойную поверхность, и только розоватое пятно медленно рассасывалось в жидкой толще, и тонкие струйки кроваво искрились на громадном однообразном фоне. Кто-то погиб, — к-

Это было странно, необычно, даже чудовищно. И можно было дойти до сумасшествия, если бы сознание не было подготовлено к происходящему.

Во всей цепи событий я видел блестящее подтверждение своих гипотез. Я пред-

угадывал многое. Я мог теперь сказать почти уверенно, откуда был занесен к нам джексовилльский болид. Это был один из астероидов, затерянных в пространстве между Марсом и Юпитером, — ничтожная крупичка по сравнению с гигантом-Землей.

угадывал многое. Я мог теперь сказать почти уверенно, откуда был занесен к нам джексовилльский болид. Это был один из астероидов, затерянных в пространстве между Марсом и Юпитером, — ничтожная крупичка по сравнению с гигантом-Землей.

один, конечно, — кто-то наслаждался его жизненными соками, дерзко и нагло похитил у него часть жизненной силы.

В такие моменты непонятная досада, смешанная с бессильной грустью, охватывала меня. Жуткие картины остервенелого побоища роились в моем сознании. Конвульсивные спазмы их отчаянной борьбы содрогали мое тело. Слово кровь, пролитая там, в холодной зеленоватой воде, проникла в мой мозг и давила на него. Почему все же борьба, кровь, смерть — источник развития и постепенного совершенства? Неужели нет других начал для совершенствования жизни, кроме этого жестокого начала, с которым не хотят мириться гуманные чувства? — жгучие недоуменные вопросы терзали меня. И каждый раз я убеждался, как неотъемлемо связана с жизнью и совершенствованием борьба, — жестокая, непримиримая борьба, в тех или других ее формах. Из холодных, скользких покоёв бассейна еще не оформленный и ясный вставал ответ на мой вопрос и все более и более сбрасывал с себя темную оболочку, чтобы предстать перед мною во всей своей неумолимой и твердой, как сталь, ясности.

Среди массы существ, мечущихся в ожесточенном пульсе жизни, я обращаю свой взгляд на два вида: длинные белые ленты с утолщением на конце, и такие же ленты, но окутанные массой тонких, острых, как иглы волосков-жал. И существа первого вида падают жертвами их смертоносных сородичей. Их белые скользкие тела совсем редко уже струятся под застывшей поверхностью. Но смертоносные сородичи? — они живут, умирают... Из поколения в поколение они переносят важные в борьбе признаки. Смертоносные волоски становятся все тверже, острее и гуще покрывают оболочку. Змееподобное тело теряет жидкую эластичность, становится гибким, напряженным. Но... и они исчезают. Их белые тела слишком привлекают внимание каких-то хищных существ, которые массами появляются из тьмы времен в темной воде бассейна. У этих — тело, покрытое твер-

Вода бассейна кишела тысячами фантастических существ, борющихся за жизнь.

дым панцирем, состоит почти из одной только громадной части и целого сплетения качающихся жадных и сильных щупальцев. Это — смена живым белым лентам. Новые создания бешено размножаются, заполняя скрытые уголки бассейна. И белые ленты, обреченные на гибель, сотнями погибают в их отвратительной пасти. Исчезают, беззащитные, несмотря на тонкие бесчисленные жала. Их род, медленно вырождаясь и угасая, уже достиг грани небытия. Время неумолимо плетет свою нить, и выжившие в яростной судорожной борьбе должны уступить место более сильным.

Медленные, словно утыканные иглами, серыми тенями колышутся под водою странные существа. Они очень походят на морских ежей, но только иглы у них значительно длиннее и тверже. Они уживаются с плоскими существами, наподобие голубоватых лоскутов мелькающими в водах бассейна; уживаются с длинными круглыми угрями, испускающими фосфорическое сияние во тьме ночи. Это — сильные из сильнейших, это прочные звенья, из которых куется крепость всей дальнейшей жизненной цепи. Они оказались равноправными в борьбе за жизнь. Это отдельные ветви, по которым разойдется в разных направлениях сила жизни.

Впрочем, борьба не всегда замкнута в узкие рамки грубых смертоносных сражений грудь с грудью. Постепенно она становится более тонкой, менее непосредственной и заметной. Эту незримую борьбу я научился со временем распознавать в тысячах мелочей. Вот вам несколько фактов. Прозрачно-голубые студнеобразные существа, проползая лохматыми тенями, держатся у поверхности и выставляют наружу скользкую влажную оболочку. Между ними плавают белые полуша-

рия, окаймленные кроваво-красной бахромой, — нечто вроде медуз. Широкие пасти временами высовываются из воды и, жадным зевком проглотив что-то невидимое, исчезают, разрезав воду острым кондом хитро изогнутого рога. Длинные и тонкие щупальцы-присоски вдруг просунутся где-нибудь у края, сквозь зеленоватую бахрому водорослей, и долго вздрагивают, вытягиваясь и вновь сжимаясь в комочек. Поверхность воды, ранее спокойная и неподвижная, теперь кишмя-кишит льнущими к ней фантастическими существами. Что заставило все эти создания собраться у поверхности? Почему из темных недр тянутся они массами наружу? — В воде бассейна, благодаря чрезмерному скоплению живых существ, мало кислорода. Несколько насосов, работающая неустанно, не успевают прогнать нужного количества воздуха. И вот те, что теснятся у поверхности, пробуют свои силы в борьбе за обладание кислородом воздуха, находящимся извне. У некоторых больше данных для приспособления к новым условиям существования, и они побеждают. Другие исчезают, бессильные в борьбе за жизнь. Ненужные жабры уступают место легким. Так появляется царство амфибий... Пищи мало, и вот я замечаю узкие розовые полоски, иногда свернутые спиралью, торчащие из водного лона. Это язычки странных созданий, круглых, как блин, черных, с массой колеблющихся зеленоватых плавников, с маленькой головкой на длинной изогнутой шее. Они вышли из пределов воды бассейна в поисках за пищей. На их липкие язычки садится множество насекомых. В этом их победа... А вот застыло, как ком водорослей, кошмарно-уродливое существо: это шар со множеством узких трубочек и двумя отверстиями в

Розовые шары, медленно пульсирующие... Змеиные головки с синими глазками, со спиральным язычком.

самом верху. Тонкими струйками ускользает вода в трубочках и белой пеной шипит и клокочет у отверстий, извергаясь наружу. Нелепая тварь цедит воду через свое нутро, и живая мелюзга, гнойная слизь выделений, споры растений застревают в ее чреве. Так борется она за свое существование, хитрым устройством жизненного механизма она обеспечивает бытие и выносливость своим дальнейшим поколениям.

...Время течет, длинной извилистой цепью тянется жизнь, меняя форму и краски, и над всем царит суровый закон борьбы. Он вливает в самую жизнь какую-то таинственную суровую сущность. Он направляет по строгому руслу ее неукротимую стихийную силу, крепкой рукой руководит ею, как умелый машинист руководит безумной бешено хаотической силой пара, преобразуя ее в ровный, строго предначертанный бег экспресса.

Это твердое веление, сначала тревожившее меня недоуменным беспокойством, в конце-концов сжилось с моим сознанием. Многократно видя его суровое отражение в клокочущей жизни бассейна, я развилал его до самых отдаленных пределов и подходил даже некоторую жуткую прелесть в широких и безудержно-смелых выводах.

КОШМАРЫ.

Дни уходили за днями. Бурный рост и смена поколений попрежнему текли неукротимым, бешеным темпом. Стоило мне пропустить два или три дня без обзора смутных тайников бассейна, и совершенно новая картина вставала перед моими глазами. Эта сказочная быстрота превращений положительно захватывала меня. Целыми днями, а часто и ночью, сидел я у холодной нецветливой каймы водного простора, пригвожденный к

тому бесстрастному чуду, которое совершалось там.

Любопытство и робость вначале — переходили постепенно в тягучее, напряженное ожидание новых превращений. Бесконечная цепь смел, как в калейдоскопе, сначала возбуждала, а потом слишком и напрягала нервы, грозя разрывом. Часто я замечал, что весь дрожу от усталости и нервного потрясения. Не редко я вдруг ловил хриплые фразы, слетавшие с моих губ, и неожиданно замечал, что руки мои повторяют с удивительной последовательностью движения какого нибудь из этих странных существ. Я замечал, что моя память иной раз оказывается слишком слабой, растворяясь в бессчетности событий, и смутно осознавал иногда те частые провалы внимания, начало и конец которых ускользали бесследно. И все время я не мог избавиться от странного чувства движения, планомерного неуклонного стремления вперед, в то темное, неоформленное нечто, из которого вырастают будущие события. Мне кажется подобное чувство испытывал бы человек, впервые проехавший на экспрессе тысячи километров пути, где каждую минуту ландшафт совершенно меняется. Это чувство вечного движения было томительно, невыносимо. Будто захваченная этим неугомонным вихрем кровь бурлила у меня в висках и туманила мысль своим шумом.

Быстрые и медленные разноцветные отвратительные тела мелькали перед моим взором даже в те часы, когда я был далеко от бассейна. По ночам дикие кошмары истязали мой мозг, и очень часто просыпался я в холодном поту. Уже проснувшись, я все еще видел мириады переплетшихся тел, ползущих, пожирающих друг друга в дикой, смертельной схватке. И холодные прутья кровати казались мне скользкими телами, а укусы moskitов мгновенно рождали содрогательные мысли о длинных и тонких, проникающих в самое сердце, жалах.

ПРОГУЛКА.

Помню, измученный в конце, я решил дать отдых своим чувствам, слишком обостренным густотой и разнообразием впечатлений. Я решил целую неделю не заглядывать в бассейны. Впервые со дня приезда меня осенила мысль пойти развлечься на улицах города или у моря.

Весна пропитала воздух особенным запахом жизни пышного расцвета.

Я брел мимо белоснежных вилл, нежно и легко разбросанных в ковры садов. Пятна прудов и озер мягко поблескивали в гуще зелени, под белым туманным светом солнца. Эвкалиптовые аллеи радушно расступались перед отдыхающим взором... Банановые рощи и тростниковые плантации уносили взор в беспредельность горизонта. Слева — море: вблизи — нежное, голубое, вдали — слепящее молочно-белым сиянием. Справа — неподвижные вершины, словно шепчущие лазоревому небу мрачную тайну: «Чаша Пунша» и «Даймон-Хэд». Прелестная картина!

Удивительно радостное чувство наполняло меня. Какая-то неожиданная легкость делала меня словно невесомым. По примеру городских жителей я украсил себя гирляндами приятно-желтых цветов «маили-илима» и, полузакрыв глаза, медленно шел вперед. Воля словно растворилась в необъятности простора и красок и, казалось, какая-то сила медленно несла меня вперед. Свежая, бодрящая струя вливалась в легкие, и тело наполнялось животворящими соками. Волны своеобразных запахов мимолетно, ласково окутывали со всех сторон и в блаженном успокоении нашептывали сонно о тепловатых терпко-соленых водах моря, мирно шелестящего вдали; о мягкой, едза загорающей

Черное тельце с плавниками на подобие крыльев летучей мыши... В громадной пасти за сверкали белые, словно стальные зубы...

сиянием, утренней лазури неба; о белоснежных и розовых цветах лотоса.

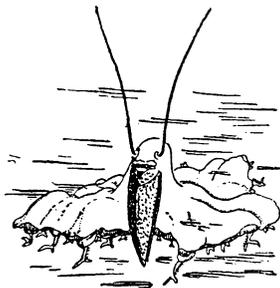
Я шел и, кажется, пел что-то, пел в восторженном, даже благоговейном экстазе. И со мною пели разноцветные птицы, порхая в кустах, пело солнце, горы. Вся вселенная, слившись воедино в тихих томных звуках радостного гимна весне.

Да, в этот момент непонятная жуть, сковывавшая меня, когда я стоял у парапета бассейна, наклонив голову вниз, была далеко от меня. Я всецело отдался волне чувств, без моей воли, благотворно, капля за каплей, пропитавшей все мое существо сладостным нектаром. В своей монотонной, однообразной жизни никогда, кажется, не испытывала я такого полного чувства довольства, как в то блаженное утро. Пусть это не покажется смешным — я, помнится, улыбался и в порыве всепрощающей доброты шептал ласковые напутствия пролетающим бабочкам.

Но это был только первый день полного отрешения от захватывающей и тягостной слежки за неведомой жизнью, все шире разрастающейся, все глубже пускавшей корни в глубине бассейна моей виллы.

На другой день прогулка не показалась такой освежающей, как в первый раз: наоборот, — несколько утомила меня. Все потеряло исключительную, захватывающую прелесть новизны, и мои мысли очень часто возвращались к тому месту, от которого я только что почти бежал. Я подбадривал себя и все дальше уходил вдоль берега, но какое-то глухое чувство шевелилось где-то в скрытом уголке сознания. Мне не доставало чего-то.

Я присел у одного из маленьких озер, воды которых зеленоваты у берега и мягко-лазоревого оттенка посреди; создается впечатление, будто смотришь в голубое зеркало, окаймленное зеленоватым бордюром. Я лег у самой воды и задумчиво глядел в ее спокойную глубину. Все было тихо.

Зеленовато-серое существо с одной громадной клешней между настороженными усиками... Многочисленные лапки перебирают песок.

Иной раз только мелкая рябь, как нервная дрожь, пробегала по гладкой, казалась, твердой поверхности. Но, наконец, взор мой проник под жидкий мутноватый покров. Я увидел длинное змеящееся тело и вокруг целую стаю мелких быстрых телец, вьюном сверлящих прохладную толщу. Мгновенно я вернулся мысленным взором к бассейну моей виллы...

Мне показалось, что это в него смотрю я сейчас... в его жуткие, пугающие воды... И тут я понял, чего мне не доставало... Меня потянуло обратно... Будто сильные руки подняли меня с земли, повернули... Я бежал... Можно было подумать, что случилось несчастье с кем-то самым дорогим для меня на свете. Я запыхался. Солнце не ласкало, а жгло. Удушливая испарина подкатывала к горлу. Почти задыхаясь, я потянул веревку гонга... Еще и еще. Лицо слуги-гавайца недоуменно, растерянно глядело в прорезе чугунных ворот.

Я принял душ и, спустя десять минут, был уже у бассейна. И, странно, только теперь я успокоился. Правда, зашевелилась сейчас же тоска смутного ожидания, похожая на страх, но, вместе с ней, выползшей из сумрака бассейна, потонула в нем наипь безотчетного беспокойства, незаметно долбившая хрупкую оболочку моего спокойствия в течение этих двух дней.

Совершенно новая неожиданная картина ждала меня. За эти полтора дня все переменялось совершенно, как будто страшная катастрофа смела все то, что было прежде, и создающая рука жизни вдруг сделала неожиданный и нелепый выкрутас в своем безумном творчестве. Цепь медленных изменений за эти полтора дня была выхвачена из моего сознания: поразительный, необыкновенный контраст был налицо.

Я ловил взором множество чудовищных, фантастических фигур. Как тети терзающего мысль гротеска проплывали они мимо. Призраками

туманных и жутких сказаний фантастического прошлого, злыми и уродливыми химерами пронеслись они перед моим взором.

РАЗГНЕВАННЫЕ.

Босс вдруг умолк, как будто резкая, передернувшая тело дрожь от вращения на минуту парализовала язык. Неожиданная и сильная судорога стянула ему губы и сейчас же трусливо отпустила. В туманных, невидящих глазах остановилась цепь видений, и картины прошлого сталкивались, громоздились в хаосе. Задержка была тягостна, и нужно было цепкое усилие воли... Но уже было сказано первое слово, и жуткая пелена молчания, смутения мысли, рвалась на клочки. Застывшие образы засуетились, поплыли вдаль и... Слова его, вырвавшись неприятным хрипом, потекли размеренно и плавно.

— Их было много, очень много.. Но не буду описывать всех, — не хватит жизни для этого, — укажу только на тех, чей образ оставил в памяти слишком глубокий след. Вы слышаете описание этих необыкновенных существ? Я вижу ваше безмолвное согласие... Вот они кружатся перед глазами... вот... вот...

Розовые шары, медленно, жадно пульсирующие. На тонких розовых шейках прорастают из них розовые головки с синими глазками. Настоящие змеиние головки, но только очень узкие и длинные с хищно извивающимся, раздвоенным, спиралью сплетающимся, язычком. Иногда в яростном испуге головы втягиваются в мягкую скользкую массу розового пузыря, и тогда он медленно колыхается, как гнилая сердцевина како-то плода.

Вот другое создание... Медленно, толчками длинных черных лапок с перепонками, оно движет черное тельце с едва колышущимися плавниками, наподобие крыльев летучей мыши. Маленькое личико на робко качающейся головке, хищные будто ухмыляющиеся черные глазенки. Тихо выслеживает оно кого-то.. Но вот оно нашло добычу. Раскрылись, вонзаясь, острые когти лап, бешено захлопали костистые крылья и в громадной скрытой пасти засверкали белые, изогнутые, словно стальные зубы. Белая пена.. Клокочет вода..

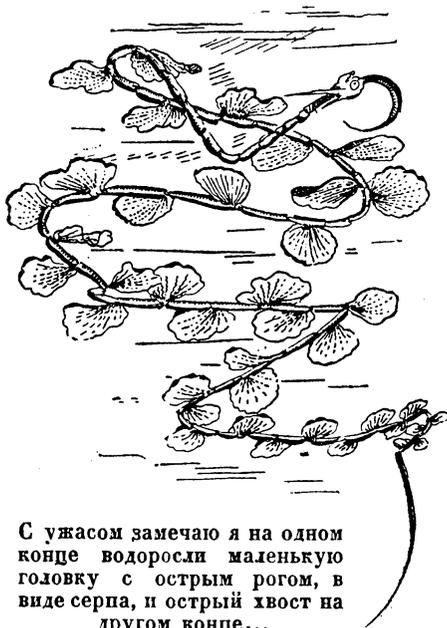
Розовый туман выползает снизу... Круги, волны... Рыбь, розовая, светлая... Опять тихо колыхается черное тело убийцы.. Насмешливые глазенки.. Но брюхо — откуда оно взялось? — раздулось, как черный мешок с камнями, тянет ко дну. Жадная утроба насытилась.

Зеленовато-серое существо с одною громадною клешнею между двумя настоженными усиками.. Мелкие лапки перебирают песок на неглубоком месте.. Шевелятся зубчатые створки клешни..

Длинная водоросль с ярко-зелеными пластинчатыми листиками — будто маленькие шелковые веера, навязанные на зеленый шнурок.. Но почему она так быстро движется, извиваясь и сплетаясь в комок? С ужасом замечаю я на одном конце водоросли маленькую головку с острым рогом в виде серпа, и подвижной острый и быстрый хвост — на другом конце.

А вот десятки белых, мутно-прозрачных тел — многоножки, бегущие, расплозающиеся, облепляющие ослизлые, тинистые камни на дне..

Взор скользит пугливо, не разбираясь в деталях.

С ужасом замечаю я на одном конце водоросли маленькую головку с острым рогом, в виде серпа, и острый хвост на другом конце...

Что-то прозрачное, какая-то голубая тень, смутно осознается взором у мшистой искусственной скалы. Это, верно,—слизь, может быть,—тина. Однако, должно быть, густая, как студень. Множество мелких созданий становится неподвижным, коснувшись ее. Голубая тень обволакивает их, и они словно растворяются в ней. Неужели, это—живое существо?

Я беру железный прут и протягиваю его туда, где просвечивает эта странная голубизна. Что это?! Минуту я сам не понимаю, что случилось. Тело еще дрожит от острого удара, мгновенно прозвизвшего его. Электрический разряд!.. Дикий плачущий крик, похожий на вопль раненой обезьяны, стоит в воздухе. Неужели это кричит голубая тень?! Я уверен, что она... Да, я знаю,—это кричала тогда голубая прозрачная слизь. Она исчезла вместе с яростным ударом, вместе с жалобным, испуганно-гневным криком. Только красные рыбки с голубыми вуалевыми хвостами и плавниками тихо и быстро буравили воду у скалы.

Не знаю, обезумел ли я от резкого, молниеносного электрического удара, слишком ли распалилась моя фантазия, или просто это было реакцией взвинченных нервов,—я стоял на граните парапета и длинным стальным прутом быстро и долго ударял по поверхности воды, обдавая себя брызгами. Вы не поверите, — это ужасно и дико, — бассейн застонал, заревел, завизжал, залохотал под этими неистовыми ударами. Будто все демоны ада, бесы многоликого пандемониума вырвались с хаосом чувств из разгневанных покоев этого поруганного водного святилища.

Я не в силах передать ужаса, который охватил меня. Я окаменел, похолодел, подхваченный, опуганный, обессиленный, почти парализованный этим вихрем дьявольских звуков. И вдруг сразу стало тихо. Это была тишина смерти, тишина могилы, тишина, бывающая только перед страшными катастрофами, в момент наивысшего, судорожного напряжения. И в этой тишине кто-то надрывно и тонко завыл, кто-то ответил

раскатистым, глушащим хохотом; кто-то жалобно тихо зарыдал; где-то серебристо разнесся смех, — как легкое дуновение, как звон почти невесомого серебряного колокольчика. Сердитое и глухое бормотание засустилось вот тут, у самых ног; вкрадчивый коварный шопот зашелестел у самого уха. Легкий ветерок пробежал в листве... И все стихло.

Солнце продолжало жечь, ускоряя бег к западу. У балюстрады, смутно мерцающей сквозь решетку стволов, зазвенел ведром старик-гаваец. Как проблеск из другого, светлого мира, коснулся обоняния знакомый и отрадный запах кухонной гари. Я стоял, оглушенный, не зная было ли все это в действительности или же это внутренний надлом, большая причуда чувств сыграла надо мною такую злую шутку. Не знаю я этого и сейчас. Впрочем, какое-то подсознательное чувство, скрытый инстинкт говорит мне, что в тот день я впервые слышал разгневанный голос чужой жизни, занесенной к нам из чужого мира.

ЛАГУНА.

Босс замолчал. Казалось, он сделал перерыв для того, чтобы привести в порядок сумбурные и неотчетливые мысли. Что-то новое появилось в его лице: глубокая сосредоточенность, напряженность человека, выскивающего в массу впечатлений одно важное, яркое. И потом в глазах его стала разгораться страстность, горячность, отразились те мгновения, когда победившая одна воля и речь одухотворяют истлевшее прошлое.

Венслей вскинул на него беспокойный, вопрошающий взор. Какая-то неясность возбуждала его. Жгучие вопросы шевелились на губах. Он притронулся ко лбу рукой, словно стараясь уловить что-то туманное, ускользающее. Губы его чужь-чуть приоткрылись для слов. Но Босс уже продолжал:

— Это не могло продолжаться долго. Жизнь так разрослась, что ей не хватало места в узких пределах бассейна. Умирало больше, чем рождалось, и не хватало хищных ртов,

Их кошмарные пасти жадно глотали теплый, насыщенный гнилью воздух...

чтобы пожирать мертвых. Тление, неизвестное здесь прежде, резко и глубоко вошло в свои права. Вода загнивала, покрывалась зеленоватою плесенью, чернела тиюю, и легкий ветерок разносил сладковатый, ужасный запах разложения. Тела живых существ становились вялыми, полумертвыми. Их жадно выгнутые пасти конвульсивно раскрывались и закрывались в цепких когтях удушья. Дышащие легкими создания словно старались выпрыгнуть, вырваться из давящих тисков медленной, терзающей смерти. Их кошмарно изогнутые зубы, пересохшие одеревенелые языки, узкие как тонкий прорез, широкие, как черная дыра—пасти остервенело тянулись из кружева плесени, жадно всасывая, глотая теплый, насыщенный гнилью воздух. Тело их то раздувалось, то безжизненно опадало. Чудовищные болезни распространялись молниеносно. Это был какой-то белый налет, словно мазок известью, какой-то грибок, от которого разваливалось еще живое тело, и кости становились мягкими и клейкими. Вялые и жирные спутники разложения, черви—наши, земные черви—гнездились в гниющих телах. Иногда мертвое тело казалось живым, так оно шевелилось и извивалось под натиском этих всепроникающих жадных питомцев смерти. Каждая капля воды, взятая из бассейна, под микроскопом оживала целым миром—мирадами гнидистых болезнетворных бактерий. Земля подарила чужой жизни быстрых могильщиков, ко-

торые торопливо и нагло добывали ее, ослабевшую, стирали ее призрачные следы. Опасность полного уничтожения повисла над бассейном. Напрасно непрерывно менялась вода, напрасно жгли костры, охраняя дымом воды бассейна от яростного вторжения паразитов. Конец был близок. С трудом добытая искра, разгоревшись в мощный очаг, угасала. Казалось, конец был неизбежен. И вот тогда-то старик-конак Чили-Лиму оказался во-стократ мудрее меня.

—Тесно, кахуна-хаоле,¹—бесстрастно сказал он, заглядывая в бассейн тем же взглядом, каким он глядел в котел с кипящим таро.—Все пропадает... все...—И вдруг, в порыве откровения, почесывая волосатую грудь крикнул:

—Отберешь, кахуна-хаоле, чистых, бросишь в большую большую воду... другую воду... будут жить...

Конечно, я понял его. Я глянул на него с восторгом и хотел радостно хлопнуть его по плечу... Но он уже мелькал среди серебристых стволов, и ведро его звенящим криком возглашало о мощи смуглых рук где-то у бадлюстрады... Природный ум помог мне... Бесстрастное лицо с слегка сплюснутым носом, окаймленное жесткой курчавой порослью, стало символом спасения чужой жизни.

И вот я стал ломать себе голову над тем, куда бы мне перенести уцелевших, не заваченных тлением, не зацементированных болезнью представите-

¹ Кахуна-хаоле — белый знахарь.

На тинистых отмелях ползали и лениво грелись на солнце чудовищные.

лей чужой жизни. В окрестностях было несколько озер. Но... ими нельзя было воспользоваться. Слишком много кругом нескромных глаз... А я не хотел огласки. Меня выручил тот же старик гаваец. Я спросил его, не знает ли он где-нибудь дикое, пустынное место, где есть вода. Он закивал головой, медленно закивал, не вынимая изо рта сигары. Да, он знает один остров — в шести часах езды от мыса Калуакоа. Он был на нем, когда плывал на шхуне паке ¹⁾ Ли-Фу-Чао. Там совсем нет людей — ни души — остров небольшой: миль двадцать в поперечнике. Но, главное, лагуна... Там — прекрасная лагуна с голубой прозрачной, как утренняя роса, водою... Как жаль, что кахуна-хаоле раньше не сказал ему о своем желании. Всего три дня прошло, как шхуна Ли-Фу-Чао стояла на рейде... А теперь она вернется только через неделю...

Да, срок был не малый. А меч разрушения все ускорял свою уничтожающую, дьявольскую работу. Почти в бреду... в отчаянии... в мучительном ожидании провел я это время. Но, волей-неволей, приходилось ждать: ведь только Ли-Фу-Чао знал тот остров! Как я не сошел с ума за эти несколько бесконечных дней, когда без сна, с мутным взором, сидел я у зловонного, отвратительного места смерти!

Кто-то тряс меня за плечо, но я не мог понять, не мог проникнуть сквозь завесу бесчувствия, оцепенения. Я был словно в трансе. И когда я

понял, наконец, скрытый смысл звуков, хриплые, срывающиеся слова показались мне ласкающей музыкой блаженного умиротворения.

Чили-Лиму волновался; на бесстрашном обычно лице разлилось нетерпение. Ведь он уже в десятый раз говорит кахуна-хаоле, что шхуна Ли-Фу-Чао стоит на рейде Жемчужной Гавани, а кахуна-хаоле не хочет слушать. Пора, пора!.. Ли-Фу-Чао ждет...

Я вскочил на ноги. Конечно, пора!.. Еще день — и все было бы напрасно. Скорее, скорей!..

Через несколько часов шхуна Ли-Фу-Чао распустила паруса, окрыленные несколько резким ветерком океана.

В чистой воде громадной дистерны плескались в трюме сотни две отобранных созданий, Их вырвали из ужасной клоаки, где смерть и гниение довершили свое жуткое дело. Их ждали голубые прозрачные воды лагуны. Они должны были продолжать цепь чужой жизни на Земле.

Я казался самому себе Ноем, в крепком ковчеге спасающим от потопа жизнь чистым и нечистым.

... И уже вдали смутно маячили зеленые своды долгожданной тверди.

НОЧЬ.

В новых условиях едва теплющаяся жизнь разгорелась ярким пламенем. Тихая лагуна стала источником бешеного роста. Жизнь выходила из пределов воды и густые заросли, непроходимые лесные дебри и темные пещеры острова уже ждали новых поселенцев. Под голубым покровом лагуны ронялся бурный очаг жизни и движений. Он давал о себе знать

¹⁾ Паке — китаец.

уродливые, с нашей земной точки зрения, комбинации природы...

всплеском, криком, бешеным клокотанием воды и иногда кровавыми пятнами. На тинистых отмелях, поросших тростником и жирной травой, ползали и лениво грелись на солнце тела пришельцев. Это были незнакомые формы жизни, иногда чудовищные, уродливые, с нашей земной точки зрения, комбинации природы. Густой и влажный воздух был наполнен незнакомым и странным многозвучием. Где-то в густых зарослях, в сырых зеленых недрах, звенели, тянули мелодичную нежную трель, трещеткой врываются в слух чужие голоса. То были крики гостей из Неведомого.

И будто испуганный, рассерженный этим наводнением, у темной гряды обелисков-скал разгневанно гремел океан. Скрежещущие взлеты и удары, содрогавшие весь остров до основания, врываются в глухое сердитое рокотание. В эти дни океан расширился, как никогда. Редко замирая он, угнетенный, подавляя в себе гнетущую злобу. А Солнце, равнодушное ко всему, светило ярко, знойно, взбираясь все выше и выше к зениту.

Одна ночь особенно врезалась мне в память. Ничего исключительного не случилось в ту ночь, но просто вся обстановка, все детали, гармонировав с настроением, так сочетались, что память почему-то из множества ночей выделила и запечатлела эту ночь. И не новизна восприятий тут имеет значение: эта ночь — не первая ночь моей удивительной жизни на затерянном острове: может быть, сотая или тысячная...

Белый рог луны повис концами к горизонту в синей беспредельности.

Тишина. Какой-то тихий звон сверлит сонные покровы молчания. Едва слышно рокочет океан, словно угасающая в бесконечности. Зачарованность висит в воздухе. В молочно-белом прозрачном сиянии застыли темные дебри. Ни шороха. И бесшумно ползут водяные струйки лагуны у моих ног. Как загадочно ее безмолвие!.. Лагуна манит к себе световые лунные лучи, топчет их в голубом зеркале. Неподвижными тонкими нитями тянутся они к ее водам, но, не достигнув темного дна, всплывают играющим серебряным разливом. Купается белоснежная луна в голубой прозрачной лагуне...

И вдруг разбуженно всплеснула вода лагуны. Световые круги, сшибаясь, понеслись к берегу. Мелкие волны раздраженно лизнули черную кайму. И вот уже клокочет, пенится голубая вода. Зеленоватые ослизлые щупальцы гавайского осьминога мелькнули и скрылись в пене. Мелькнула и скрылась громадная длинная пасть «чужого» — частокостных острых белых зубов. Маленькие выпуклые глазки тускло блеснули кровью и бешенством. Взметнулись каскады. Сноп брызг заиграл в белом свете. Лагуна расшумелась, разволновалась, задвигалась тысячами тел. Бойцов плотным рядом обступили любопытные. Их настоженные головы, жадные, ждущие пасти, темные тела с быстрыми хвостами переплетались, сбивались в темное пятно и расходились туманными, расплывчатыми призраками. Жадные и жестокие ждут они, победит ли чужая жизнь или земля. И победила чужая... Пена стала розовой.

Брызги искрились рубинами. И медленно... все медленнее ползли круги. Трепетали в агонии длинные щупальцы, иногда бессильно высовываясь из воды, как рука утопающего. Израненное тело терзали мелкие жадные прищельцы. В стороне обугленным бревном временами высовывалась морда победителя. Маленькие глазки искрились кровью и дерзостью сильного. Но время неумолимо глотало мгновения жизни, и уже призрак смерти сковывал его движения, охлаждал и останавливал ток крови.

Снова бесшумно всплывали тонкие светлые струйки. Попрежнему бесстрастно и слепо глядел белый рог в голубое зеркало, а в кольце бананов и древесных папоротников молчала тьма. Ярко-красные цветы огиа-легуа бесшумно расцветали в белом призрачном свете.

ЧУЖИЕ.

Это была затерянная в океане обитель чужой жизни.

Маленький островок сделался целой вселенной для тех, чей далекий предок совершил путешествие на Землю в недрах горящего метеора. И колесо жизни крутилось быстро-быстро, не останавливаясь ни на одно мгновение. Дух захватывало от такой быстроты!

Во все стороны тянулся безграничный гладью океан. Он рыдал и метался, неумолимый в своей тоске и злобе. Вечно настороженные скалы содрогались и скрежетали. Солнце выплывало из темных просыпающихся вод, отряхивало яркие слепящие искры, под которыми светлел и разгорался голубой простор, и снова пряталось в густую щуплую насуспенную тьму. Вчера, сегодня, завтра, как и сотни лет назад, как и через сотни лет в будущем!..

И здесь, в глубине ост-

рова, в зеленом оазисе, было шумно и беспокойно. Кто-то дерзкий, неугомонный ворвался в это тихое, сонное царство, упоенное извечным шумом прибоя. Не было уголка, где бы ни ползало живое тело. Каждая ветка под зеленым тяжелым сводом вздрагивала и шевелилась, каждый куст шелестел, покачивая яркими пряными цветами.

Чили-Лиму всегда сопровождал меня в моих странствованиях по лесу. Осторожный, опытный конак всегда запасался палашем, воинственно болтавшимся у пояса. Он брел впереди, отыскивая скрытые проходы в сырой темной чаще. Его руки умело раздвигали густые лиановые занавеси, и тело с природным проворством ползло в узких коридорах между воздушными корнями манговых деревьев. Эти прогулки захватывали новизной и яркостью впечатлений и пугали неожиданностью событий. На каждом шагу нас ждало необычайное.

Тихо зашуршала трава. Неприятным холодком пахнуло от неподвижной зеленой бахромы ползучих растений. Чили-Лиму насторожился. Рука схватилась за ручку палаша. Странный звук, будто стучит кто-то одной деревяшкой о другую...

— Вон!.. вон!.. Смотри, кахунахаоле...

Чили-Лиму с силой тянет меня за плечо. Я вижу два красновато-отсвечивающих горящих угля—это глаза... потом — серо-стальное тело с громадным длинным хвостом, как у аллигатора... ждущую пасть, длинную, как у пила-рыбы. Опять застучали деревянные. Это стучат костистые сочленения хвоста. Где-то в зеленой гуще

мелькнуло темное пятно, и костяшки загремели глухо отдаленно. Легкий переливчатый свист пронизал воздух и задохнулся в сыром сумраке.

Мы идем дальше, все

Горящие, как уголья глаза, серо-стальное тело с хвостом аллигатора, длинная пасть, как у пила-рыбы..

шаг моей жизни. Мне трудно было разобраться во всем. Мозг мой воспринимал, но не анализировал. Я не успевал угнаться за событиями: слишком быстро следовали они одно за другим.

Опять мой верный и сильный Чили-Лиму со мной. Опять тускло блещит палаш. И тяжелый зеленый свод давит нас сверху.

Мы привыкли уже к странным крикам, быстрым теням, хлопанью крыльев, хохоту, квохтанью, мурлыканью, свисту и стуку деревьев. Не удивляемся мы, когда с вершины дерева вдруг камнем падает мертвое тело и тут же с удушающим зловонием разлагается у наших ног.

Смерть здесь быстра и неожиданна. Умирают на лету, во время погони, умирают, подчас не докончив терзать свою жертву. Смерть нетерпелива. Тела разлагаются в течение нескольких минут. И белый скелет разрушается, исчезает так же скоро. Както в одну из наших экскурсий я собрал целую коллекцию любопытнейших скелетов и сложил их у себя в хижине. На другой день я обнаружил только кучку белой пыли. Я понял: химические процессы этих мертвых тел также протекают во времени той неизвестной планеты. Вы поймете теперь, почему я не делал больше ни одной попытки к коллекционированию. Чужая жизнь, в конце концов, обречена была на бесследное исчезновение.

Гонимые быстролетным временем, пришельцы спешили прежде чем исчезнуть навсегда раствориться во вселенной, продолжить свой род. Инстинкт размножения был силен и неукротим. Чужая любовь была своим многообразием и причудливостью нам в глаза. Как молния, налетал самец на самку, гонимый яростным инстинктом. Время не останавливало свой бег, и надо было спешить.

Однажды мы набрели на гнездо, где самка высидывала яйца. Мы прошли осторожно, провожаемые яростно раскрытыми зубатым клювом и злобно горящими глазами. Угрожающий крик, подобный стуку трещотки в соедине-

нии с воем сирены, гнался за нами, осатанело подстегивая своей яростной, незнакомой враждебностью. На обратном пути мы заглянули в гнездо; прошло не более пяти минут. Нас встретила дюжина вполне оперившихся птенцов. Жадные рты уже чуяли пищу. Внизу, под гнездом, валялась куча полуразвалившихся костей. Пройдет еще немного времени, — два-три часа, — и кости этих птенцов будут рассыпаться, а на их месте окажется сотня новых жадных ртов.

В другой раз мы нашли пару яиц в выстланном мохом углублении, под кустом. Мы принесли их в хижину, и я положил одно из них на теплую золу возле очага. Через несколько минут желтое крылатое создание, осатанело крича, носилось по хижине. Оно было голодно и требовало пищи. Я бросал ему куски мяса — большие куски. Оно глотало и росло на наших глазах. Такого аппетита я никогда не встречал. Оно ело, ело без конца. К середине дня оно наполнило всю хижину яростным хлопаньем крыльев и дикими воплями, похожими на пронзительные человеческие рыдания. Чили-Лиму бросал ему живых поросят, и оно на наших глазах терзало их. Скоро смерть сразила его. К закату кости совершенно распались, словно побывав в адском огне. Утром, на другой день, я не мог обнаружить ни малейших следов нашего питомца.

Так текла эта жизнь, быстрая, жадная, цепкая. Под сводами зеленого храма, в чадю разложения, роились тела живущих. Жизнь не шла, а бешено неслась вперед. Быстрокрылое время безжалостно подхлестывало ее. Голод, любовь и смерть властно и беспредельно руководили ею.

ПОЧЕМУ?

— Это чудесно!.. Но все-таки я никак не пойму...

— Что вам непонятно? — вскинул невидящие, далекие глаза Босс.

— Да вот эта быстрота превращений...

— Ах, ну так это же...

— Вы великолепно нарисовали картину эволюции живых существ... Но

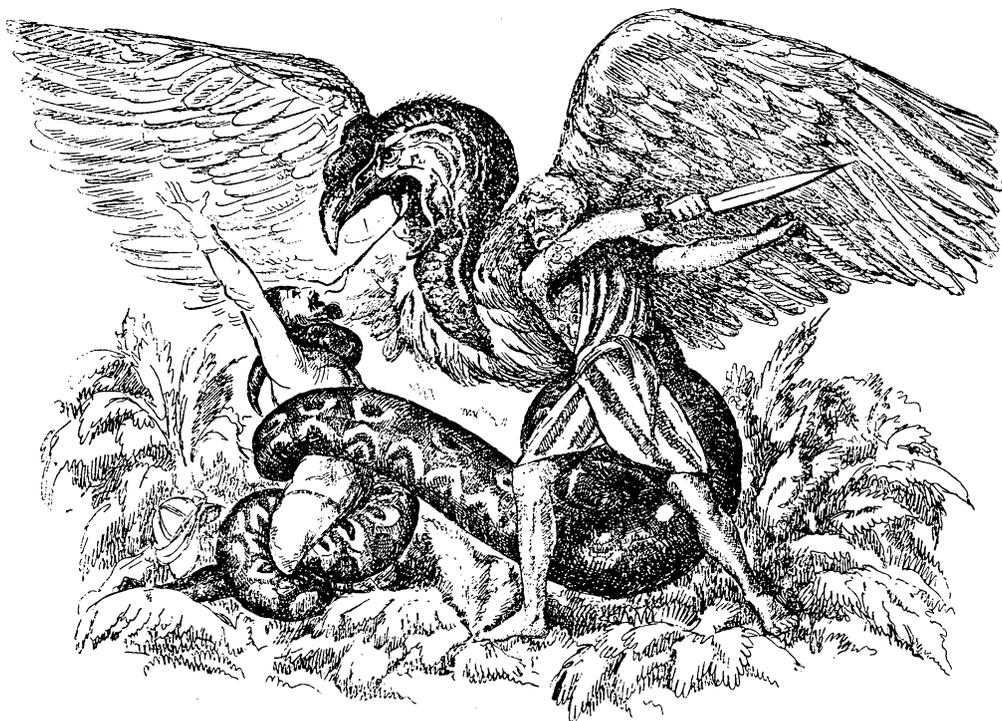
как это целые эры могли сузиться до каких-нибудь двух с лишним десятков лет?... — Венслей так разгорячился, что не замечал безуспешных попыток Босса что-то выговорить. Во всей его фигуре был скрытый протест, хотя природная корректность не позволяла ему быть слишком резким.

— Зародыш был занесен с астероида, неизмеримо малого по срав-

дят жизненные процессы. — Судорогой исказила догадка лицо Венслея. Мгновенно радостное, удовлетворенное сияние стерло ее. Он снова был спокоен. Он снова лениво откинулся на мягкую спинку купэ.

— Да, да... Вы видите, что все эти чудесные события в моей вилле в Гонолулу и в дебрях неведомого острова...

— ...Прекрасное подтверждение этого положения!... — быстро закончил

Чудовище—дикая комбинация удава и кондора, — крылатый змей, бил меня крыльями и приближал свое смертоносное жало..

нению с Землей, — тихо, размеренно начал Босс.

— Это вполне возможно... Но что же...

— Вы забыли одно из положений теории относительности, — вдруг поспешил Босс.

— Одно изложе...ний... Какое же? какое?... — в напряженном раздумьи повторил Венслей.

— О скорости жизненных процес-сов...

— Ах, вот что!... Чем больше масса планеты, на которой развивается жизнь, тем медленнее происхо-

Венслей его медленную речь. Босс утвердительно качнул седыми прядями.

— Этот принцип сразу вспомнился мне, когда я извлек из недров джэксонвилльского болида живой организм. Но я тогда же понял, что развитие живых существ этого родоначальника, дробление их на разновидности и виды, в общем вся сложная и многообразная цепь эволюции будет идти медленным, истинно земным путем, если только... — Он замолчал с полуоткрытым ртом, словно подыскивая подходящие слова.

Нетерпение всползло на лицо Венслея. — Что, если только?... Продолжайте, мистер Босс! — хотел он уже сказать просяще.

— ... Если только не будет убита приспособляемость ко времени, — закончил Босс.

— Ну, это для меня непонятно... — слегка шутливо сказал Венслей. — Впервые слышу такой термин...

— Я разъясню... Вы помните мой доклад «О дифференциации приспособительных функций хромозом»?

— Очень смутно... Впрочем, вспоминаю. Это тогда, если не ошибаюсь, почти вся биологическая коллегия отнеслась весьма недружелюбно к вашей точке зрения? Но этому, вероятно, уже лет тридцать?...

— Больше, мистер Венслей, в этом году ровно тридцать семь лет... Я был прав... Приспособлением организмов всецело ведают важнейшие ядрышки клеток — хромозомы. В хромозомах есть участки, руководящие приспособлением организмов ко всем особенностям пространства, в виде термических, химических и прочих его свойств. Есть также участки, которые приспособляют организм ко времени, то есть ускоряют или замедляют все жизненные процессы в зависимости от внешних условий.

— Почему же вы тогда не подтвердили опытом эти свои взгляды? — не удержался Венслей.

— Для этого пужно было иметь существо из «чужого мира»... А болид из Джэксонвилля попал ко мне через двенадцать лет после моего доклада на заседании биологической коллегии. Но, может быть, вы разрешите мне докончить мои пояснения?...

— О, пожалуйста!... Я страшно заинтересован...

— ... Воздействуя на хромозомы космозона особыми соединениями, я парализовал их приспособляемость ко времени. Миллионы существ, потомки комочка высохшей слизи, питались веществами Земли, дышали ее воздухом, но жизнь их текла во времени той ничтожно-малой планеты, с которой какая-то мировая катастрофа низвергнула их на Землю. Они жили чужим време-

нем. И это чужое время с безумной скоростью уносилось вдаль, оставляя позади бесконечно-медленное, словно застывшее земное время.

— Да, так и должно быть, — проворкотал Венслей. Он почти не слышал слов Босса и только глубинами мысли улавливал многообещающую сущность. Эта чужая жизнь нашла для себя все новое, кроме времени... время осталось для нее старым...

Он устремил глубоко внимательные глаза на Босса. Тот уже снова тихим, размеренным голосом продолжал свой рассказ.

ОНИ.

— Однако, конец уже был близок. Сложная цепь эволюции не могла продолжаться вечно.

Однажды, вернувшись в хижину, я почувствовал головокружение и тошноту; к ночи меня схватил сильнейший озноб. Я заболел лихорадкой, тяжелой болотной лихорадкой. Целыми днями лежал я в холодном поту, на границе жизни и смерти, и беззвучная тень Чили-Лиму делила со мною мои страдания. Старик следил за регулярным принятием пищи, кормил и поил меня. Весь день просиживал он около меня, и ночью, просыпаясь, я видел в дрожащем тусклом свете фонаря его настороженное, бодрствующее лицо.

Он уверенно заявлял, что вырвет меня из когтей смерти. И я знаю, — если бы не Чили-Лиму, мне не пришлось бы делиться с кем-нибудь моими переживаниями: те дни были бы для меня последними. Медленно, капля за каплей, возвращались ко мне утраченные силы.

С нежным добродушным следил Чили-Лиму за моими недолгими прогулками на поляне, перед хижиной. Он безжалостно пресекал слишком большое усердствование с моей стороны, и, замечая усталость в моем взгляде, заставлял ложиться в постель. Он знал причину моего нетерпения.

— Они подождут, — говорил он успокаивающе. — Не надо... Будет здоровье — все будет...

И я безмолвно подчинялся его разумительному доброму приказу. Ста-

В гнезде самка высиживала яйца. Через пять минут нас встретила дюжина вполне оперившихся птенцов. Жадные рты уже чуяли пищу. Внизу валялась куча костей...

рик был прав: надо было крепиться, сдерживать жгучее нетерпение. Сильное возбуждение могло стать роковым.

По ночам мне грезились темные, жуткие дебри джунглей, и не раз я в ужасе, весь обливаясь потом, вскакивал с постели. Мне чудились крепкие холодные кольца, хлопанье черных крыльев и пронзительный хохот. Но пробуждение всегда успокаивало мои взвинченные нервы. В мягком, бледном свете фонаря я видел знакомую участливую фигуру конака. Смуглое лицо приближалось ко мне и тихий, успокаивающий голос говорил:

— Не надо так кричать... все хорошо... все благополучно. Спи, спи, кахуна-хаоле...

И я засыпал под эту тихую, умиротворяющую речь. Но однажды, проснувшись, я с отчаянием и жутью увидел какую-то перемену в привычной обстановке. Фонарь скупо разливал бледный свет, и его тусклое пламя слегка вздрагивало. Но Чили-

Лиму не было. Дверь была раскрыта настежь. В нее заглядывали тусклые очертания деревьев и клоч неба, усеянный звездами. Непонятные протяжные звуки — словно жалобные вопли — вырвались в тишину хижины.

Я торопливо оделся и, чувствуя головокружение, вышел наружу. Стены хижины, стройные пальмы, звезды и вода лагуны все качалось в моих затуманенных глазах. Меня знобило, и я слышал мелкую дробь, выбиваемую монми же челюстями. Шагах в тридцати от хижины я увидел Чили-Лиму. Он стоял, повернувшись ко мне спиной, и пристально вглядывался в противоположный берег лагуны. Там, в белесой полсе лунного света, копошились маленькие фигурки. Это они издавали протяжные, вибрирующие звуки, пробудившие меня. Я бросился к Чили-Лиму.

— Кто там... кто это на берегу?! — хрипло, срывающимся голосом закричал я.

— Это они... — Он застыл, не зная, что сказать... — Они вышли из джунглей. Вот уже третий раз Чили-Лиму видит их...

Мистически-благоговейное, слегка затуманенное страхом сияние струилось из его широко открытых глаз и, как луч свечи в солнечном свете, таяло в безбрежном море лунного света.

— Идем, кахуна-хаоле...

Его рука уже протянулась, чтобы помочь мне возвратиться в хижину. Но я оттолкнул его. Смутная догадка кольнула меня. Я бегом бросился вдоль берега. Все запырало у меня в глазах. Луна криплась и то исчезала в волнах лагуны, то взлетала вверх. Фосфорические точки внутри лагуны металась, сгибалась и вдруг исчезая. Рядом со мною, словно тень, носся безмолвный Чили-Лиму.

Они увидели нас и испуганно, с пронзительными криками засуетились, разбегаясь по берегу в разные стороны. Их мокрые тела заискрились, засверкали падающими каплями в лучах луны. Через две-три минуты во

мраке джунглей растаяли их тонкие, протяжные голоса. Как будто жадная пасть поджидала их и сейчас же захлопнулась за ними. Но что то темнело, шевелясь на светлой прибрежной полосе. И тихие стоны доносились до нас.

— Он лежит там,—задыхаясь бормотал Чили-Лиму.

В несколько прыжков мы очутились возле него. Он лежал, извиваясь и скуля, у наших ног. Маленькое розовое тельце, слегка поросшее волосами, было жалко и беспомощно. Это был человек карлик, но не из нашего, из чужого мира. Маленькие ножки, перепончатые, с острыми когтями вместо пальцев, короткое туловище и длинная шея с большой головой. Вместо рук у него болтались два длинных и гибких щупальца. В одном из них он держал тростниковую жердь, размахивая ею. Он боялся нас и защищался, как мог.

Его лица я никогда не забуду. Оно всегда стоит перед моими глазами, озаренное желтым, немигающим светом. Узкий, длинный подбородок, как у гнома; гладкие, словно приплюснутые с боков щеки; большие, близко сидящие друг возле друга глаза. В этих глубоко запавших, воспаленно сверкающих глазах, блестели слезы. Длинный и тонкий, сильно заостренный к концу нос, наподобие клюва, заслонял узкое ярко-красное отверстие рта. Высокий лоб постепенно переходил в широкий совершенно голый череп, непомерно расширенный кверху. Его нельзя было назвать уродом, но вся его фигура могла внушить неподдельный ужас, если бы жалкое туловище лилипута не вызывало яркой мысли о тщедушии и слабости.

Мы стояли от него в нескольких шагах, а он размахивал палкой и издавал жалобные, бессильные вопли. Нам понятна была причина его беспомощности. Он сломал ногу, провалившись в глубокую каменистую выбоину. Поврежденная конечность безжизненно волочилась за его маленьким извивающимся телом.

Мы без труда прекратили все его попытки к защите, обезоружив его, и перенесли его в хижину. Чили-Лиму

заялся перевязкой его ноги, а я следил за ним, измученный напряжением, с туманом перед глазами. Он лежал тихо, бросая на меня печальный, мрачный взгляд. Слезинки одна за другой струились по его бледному лицу. Он старился на моих глазах,— может быть, отчаяние и боль ускоряли его кончину,— розовая кожа лица желтела и блекла, морщины росли, как тонкая сеть паутины у искусного и быстрого паука. Лик смерти, туманный и гнетущий, глядел из глубины безнадежного взора.

Лихорадка с удвоенным упорством затрясла меня в эту ночь. Красные кольца ползли у меня перед глазами, и временами мне казалось, что я бреду по Бродвэю и его огни бьют мне в глаза. То я видел сосредоточенное лицо Чили-Лиму, склоненное над мной, то вдруг маленькая головка с печальными глазами и заостренным носом выплывала из какого то густого мрака, в котором я беспомощно барахтаюсь. Меня пугала неподвижность и мертвенность взгляда чужих, незнакомых глаз. Жалобные, протяжные вопли врываются в мое сознание. Рыдал ли это Чили-Лиму над моим большим телом, или же пришелец в мучительной агонии прощался с чужим миром — не знаю. Всю ночь метался я в диком, кошмарном бреду. И только под утро наступило улучшение. Озноб прошел, сознание просветлело, тихое радостное бормотание Чили-Лиму нежной, охлаждающей струей окутывало меня. Я заснул.

Истомленный болезнью я проснулся слишком поздно. Солнце светило ярко. Было тихо. Ночь кошмаров осталась где-то позади. Сонное жужжание ползло в щели хижины.

Я осторожно приподнялся и сейчас же отшатнулся. Мгновение воскресило все прошлое. Он, наверное, здесь? Он смотрит на меня, и слезы блещут в печальных глазах... Где же он?

Я шарил глазами и не находил того, кого искал. Кроме меня и Чили-Лиму в хижине не было никого — живого или мертвого. Может быть, все это было выдумкой, нелепым кошмаром отравленного болезнью мозга?

— Где же он? — тихо, не-
решительно спросил я.

— Он?... Он умер... Его
нет... — сказал Чили-Лиму, но
вдруг, словно опомнившись,
он быстро добавил: — Вот он...

И Чили-Лиму указал паль-
цем на пол, где белели два-три
пятна известковой пыли.

КОНЕЦ.

Через две недели мы бро-
дили в лесу. Кругом была ти-
шина. Ни малейших призна-
ков жизни... Сырая, темная
джунгля насупилась и мол-
чала. Мы бродили целый день
и не услышали ни одного
звука, не заметили ни одного
живого существа. В лучах ба-
грового заката я заглянул в
воды лагуны. Холодом и спо-
койствием пахнуло на меня.
Все умерло... Все осталось по-
зади...

Молча сидел я, наклонив-
шись над застывшей, безжиз-
ненной толщей. Вместе с не-
подвижной тишиною ночи хо-
лодная, давящая тоска вползла
в сердце. Солнце быстро то-
нуло в волнах океана. Вот испуганно
скользнул последний луч светила...
И мы остались в тишине и тьме мо-
гилы, — громадной могилы, затерян-
ной в океане.

Рождение тайло в себе не-
избежную смерть.

Неумолимое время стерло все следы
чужой жизни на земле.

НЕВЕДОМОЕ.

... А поезд мчался вперед, и чер-
ным драконом гналась за ним тьма
ночи. Бегущая сталь колес задыха-
лась в бесконечной, скованной песне.

Люди молчали. Лица их были на-
пряжены и, как будто, печальны.
Общие мысли объединили их созна-

Это был человек-карлик из чужого мира...

ние. По какой то затерянной, таин-
ственной дороге уходил их взор в ту
бездонную тьму, где затерялись не-
давние события. Неведомое кос-
нулось их одним краем. Где то на
путях к Неизвестности вспыхнули за-
гадочные и туманные блики. Из скла-
док Времени выползло перед ними
Будущее. Но серая безликая и бессло-
весная пустота уже одолевала их.

Венслей вздохнул, нервно задвигался
из угла в угол. Босс окунул седую
голову в темноту окна. Мрак, только
мрак, и в бесконечной дали тонут, те-
ряются, светящиеся точки. И вдруг...
Сияющая полоса прорезала небо.

— Метеор упал... — беззвучно за-
шевелились губы Босса.

СОН И ПОДСОЗНАНИЕ

Научное предисловие проф. В. М. Нарбутова к рассказу «Тайна одного сна»

Автор рассказа «Тайна одного сна» стремится подвергнуть психоанализу содержание повторяющегося сна и выяснить значение подсознательных процессов в общем комплексе психических переживаний.

Психоанализ, созданный трудами Фрейда и Брейера и заявивший впервые о себе в 1893 г., скоро приобрел горячих сторонников не только среди специалистов врачей, но и в широких кругах европейской интеллигенции; многие литературные работники были также захвачены в общий поток увлечения фрейдизмом.

Волошинов в своем критическом очерке «Фрейдизм» (1927 г. Госиздат), пишет: «Сравнительно медленный, а вначале (до десятых годов нашего века) и очень трудный путь, приведший психоанализ к «завоеванию Европы», говорит о том, что это не скоро проходящая и поверхностная «мода дня», вроде шпенглеризма, а более устойчивое и глубокое выражение каких-то существенных сторон европейской буржуазной действительности. Поэтому, всякий, решающийся глубже познать духовное лицо современной Европы, не может пройти мимо психоанализа: он стал слишком характерной, неизгладимой чертой современности».

Каков же основной мотив фрейдизма?

«Судьба человека, — говорит Фрейд, — все содержание его жизни и творчества — следовательно содержание его искусства, если он художник, его научных теорий, если он ученый, его политических программ и действий, если он политик — всецело определяется судьбами полового влечения, и только ими одними. Все остальное — лишь обертоны основной могущественной мелодии сексуальных влечений».

Рядом с этим Фрейд выдвинул учение о наличии бессознательных душевных процессов, а также о «сопротивлении и вытеснении».

Учение о бессознательном является тем фундаментом, на котором основывается вся теория психоанализа. Под бессознательным не следует понимать нечто абстрактное. Известное представление, входящее в данный момент в сферу сознания индивидуума, может в ближайший момент оттуда исчезнуть; его место занимают другие, вновь возникающие. Представление сохраняет, однако, длительную связь с сознательной душевной жизнью, так как в силу какой-либо связанной с ним ассоциации оно может быть восстановлено и без нового чувственного восприятия; в промежуточное время данное представление находилось, стало быть, вне сознательной душевной жизни, но все-таки сохранялось в психике.

У каждого состояния сознания имеются определенные условия, регулирующие допущение или недопущение представлений; эти условия определяются в психике энергией, которая исключает из сознания непримлемые для нее представления или вытесняет уже имеющиеся. Действие какой-либо силы парализуется только другой силой, столь же могучей, действующей в противоположном направлении; психические процессы, которые мы можем наблюдать, являются таким образом результатом динамических отношений.

Вытеснение из сознательной душевной жизни зависит от состояния сознания и, так как оно изменяется, должно изменяться и бессознательное, совершенно независимо от индивидуальной изменчивости представлений, обусловленной изменчивостью переживаний.

Бессознательное, при всем его индивидуальном разнообразии, не является чем-то произвольным; оно проявляется вполне закономерно и снабжено определенными, постоянно возвращающимися свойствами.

Работа бессознательной сферы совершается с особенной яркостью в сновидениях. Фрейд, признавая, что мы живем богатой содержанием бессозна-

тельной жизнью, стремился установить психические механизмы взаимоотношений между сознательной и бессознательной сферами. С этой целью изучение сновидений, а главное—характер их возникновения, представляет прекрасный материал для понимания бессознательных процессов. Сновидение является как бы заместителем целого ряда мыслей или чувствований, открывающихся нам только при помощи анализа.

Каждый образ сновидения детерминирован несколькими моментами. Это явление Фрейд обозначает термином многообразной детерминации или сгущения. Механизму сгущения обязаны своим существованием причудливые образы сновидений, воплощающие в себе черты нескольких знакомых лиц или замену одного лица другим.

Вторым этапом механизма сгущения является воплощение мысли в зрительные образы, — то, что Фрейд называет драматизированием или инсценированием. Скрытые мысли, которые нам удастся получить при помощи анализа, являются в сновидении не в обычной словесной форме, а в символической.

На ряду со сгущением и инсценированием, третьим механизмом является смещение психической интенсивности, состоящее в том, что некоторые важные представления и мысли лишаются своего господствующего значения и на первый план выступают другие представления.

Анализируя сновидения своим методом, Фрейд пришел к тому заключению, что во сне мы видим исполнение наших желаний. Но желания могут быть разные,—часть их мы признаем законными, часть наш разум, наше критическое отношение отбрасывает, мы их вытесняем из нашего сознания.

Исследуя наши вытесненные или подавленные желания или вообще вытесненные из сознания душевные состояния, Фрейд устанавливает следующую гипотезу.

В душевной жизни человека существуют две инстанции, заведующие образованием мысли. Вторая из них имеет то преимущество, что продукты ее деятельности непосредственно проникают в наше сознание, тогда как деятельность первой инстанции протекает всецело в бессознательной сфере и становится нам известной только при посредстве второй инстанции. На границе между обеими инстанциями, при переходе от первой ко второй, находится своего рода цензура, пропускающая только то, что ей нравится, и задерживающая все остальное. И вот все то, что цензура не допустила, находится, согласно терминологии Фрейда, в состоянии вытеснения. Под влиянием известных условий, одним из которых является состояние сна, отношения между обеими инстанциями изменяется таким образом, что процесс вытеснения происходит с гораздо большей силой. Цензура во сне делается слабее; благодаря этому, многое, что раньше было вытеснено, находит себе дорогу в сознании. Но, так как цензура только ослабевает, а никогда вполне не уничтожается, то различные вытесненные состояния могут проникнуть в сознание только в измененном и смягченном виде. Содержание сознания получается в этих случаях путем компромисса между стремлениями одной инстанции и требованиями другой.

Теперь дело—за читателем.

Мы дали эту схему, как решетку для понимания шифра и объяснения рассказа. Отметим, что автор в значительной степени уже расшифровал все побочные картины сновидения героини рассказа.

Мы предоставляем самому читателю, внимательно изучив рассказ, произвести дальнейший психологический анализ данного сновидения (случая) во всем его объеме и сделать из него соответствующие выводы. Это очень интересная и не слишком трудная работа, если принять во внимание, при каких особых повторных условиях протекали переживания женщины.

Проф. В. Нарбут.

ТАИНА ОДНОГО СНА

ДРАМА ПОДРОЗНАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

Рассказ Г. ДИРДЕНА

Иллюстрации П. КАРТЕРА

Сначала, когда она проснулась, она была так объята ужасом, что не могла шевельнуться. Она минуту или две лежала неподвижно на кровати, сердце ее бешено колотилось, в горле перехватило дыхание и все тело было в испарине настоящего панического страха. Потом она сделала усилие, дотянулась до электрического выключателя над головой и залила комнату светом. Это была типичная комната английской гостиницы и вид ее успокоил женщину.

Она быстро встала с кровати. Дыхание ее все еще было прерывисто, а сердце колотилось, когда она неверными шагами прошла через комнату к двери. Ее руки так дрожали, что она сначала не могла открыть ее; но, в конце концов, ей удалось и она почти упала во мрак, открывшийся за дверью.

— Дерик! — позвала она, и снова: — Дерик! Дерик!

Мужской голос ответил сонно:

— Что такое?

Щелкнул выключатель и мгновение спустя она была в объятиях мужа.

Она крепко ухватила за него.

— Этот сон! Этот ужасный сон! Он снова вернулся! — задыхаясь говорила женщина. Глаза ее все еще были широко раскрыты и в них был ужас воспоминания.

Муж стал успокаивать ее, хотя сам чувствовал, как по спине его забегали мурашки.

— Не думай об этом сне, — убеждал он ее. — Завтра ты пойдешь к доктору Чэннингу и, если он только наполовину так хорош, как о нем говорят, он, конечно, положит этому конец.

Она еще крепче сжала его плечи.

— А если он не может? Если он не лучше других?

Голос ее дошел почти до крика:

— Я не в силах этого вынести, Дерик!

Она была на границе истерики.

Аркрайт содрогнулся. Эти сцены были ужасны. Он страдал от них почти так же, как она сама. Да и соседи по комнатам могли ее услышать; могли подумать, что они ссорятся. Эта мысль была для него пыткой. Он боялся сцен. Он ненавидел все беспорядочное и его недовольство делало его в такие минуты почти грубым.

— Это глупости, — резко сказал он ей. — Ты поддаешься смешной слабости, а при настоящем положении ты не имеешь права волноваться. Каждый доктор говорил тебе это.

Голос его был тихий и почти шепчущий, так он боялся, что его услышат.

Она с усилием овладела собой и они молча сидели некоторое время на краю

Так стояла она мгновение, чувствуя всем существом

его кровати. Она была высокая женщина с красивой фигурой и еще более красивым лицом. И казалось странно-несообразным, что она искала поддержки у этого слабого мужчины. Он был ее вторым мужем, был незначителен, любил порядок и внешность. Он соединял склонность к комфорту с полнейшим неумением заработать средства, дающие этот комфорт; и потому он испытывал к этой богатой женщине, на которой женился, искреннее чувство привязанности, не лишенное благодарности.

Из них обоих она, несомненно, была сильнейшей. Ее черные волосы спускались двумя толстыми косами, обрамляя мертвенно-бледное лицо с черными, глубокими, долгими жизни глазами, носом и подбо-

родком, более похожими на мужские по силе и смелости линиям.

Она продолжала смотреть перед собой неподвижным взором и постепенно обычное самообладание вернулось к ней и минутный ужас исчез. Но она не ушла назад в свою спальню. Она еще не могла заставить себя съезать это. Она провела немногие часы, оставшиеся до утра, лежа неподвижно рядом с мужем, надеясь с мучительной напряженностью, что в руках нового доктора, она, наконец, избавится от своих страданий.

Потому что не будет преувеличением сказать, что за последнее время сон этот съезал ее жизнь невыносимой. В первый раз он ей приснился вскоре после того, как она узнала, что будет матерью, а с

течением времени он стал повторяться, точный в каждой подробности, и промежутки между этими повторяющимися сном быстро уменьшались.

В этом сне она будто бы шла по длинной и пустынной дороге. Она была босая, потому что чувствовала под подошвами ног камни и щиколотки ей обвевал холодный ветер. Ей не было страшно, несмотря на то, что она почему-то знала, что сейчас должно случиться нечто ужасное. И описывая свой сон, она всегда совершенно отчетливо представляла себе эту его часть. Потом, после того, что казалось ей бесконечно длинным путем по дороге страданий, окруженной со всех сторон почти непроницаемым мраком, она доходила, наконец, до места, где слева мрак становился менее густым. Именно тут она испытывала первый приступ непобедимого ужаса. Через этот прорыв, далеко во мраке, она видела то, от чего застывала в ее жилах кровь и от чего на нее нападал совершенно неопределимый ужас.

бесконечное одиночество. И вдруг, точно по волшебству, исчезало отчаяние.

— Мечущаяся к небу огромные языки пламени и дым, — говорила она, когда позднее пыталась описать эту часть сна.

Казалось, точно перед ней раскрылась сама пасть ада. Она стояла так некоторое время, мучительно пристально глядя на это ужасающее зрелище, охваченная такими сложными чувствами, описать которые была бессильна. Ужас, одиночество и жалость к самой себе как будто боролись с чувством всеобъемлющей нежности к кому-то другому, кого представить себе она не могла. Наконец, она отворачивалась, чтобы не видеть этого ужаса. Так стояла она мгновение, спиной к мечущемуся пламени, и как-то чувствуя всем своим существом бесконечное одиночество и какое-то позорное пятно на себе. И вдруг, точно по волшебству, исчезало отчаяние. Казалось, она уже не боится больше, а вместо этого полна решимости и нежности, точно она защищала кого-то, кого она любила и кто был слабее ее. Ободренная, она поднимала голову и пред ее глазами вырисовывались очертания креста, освещенного гигантским пламенем за ее спиной. Не испытывая больше ни страха, ни одиночества, она снова начинала свой тяжкий путь по дороге и тут неизменно просыпалась.

Этот кошмар, как она сначала описывала его, был бы достаточно страшен как единственный случай. Но повторение его за последнее время отравляло ей часы покоя и довело ее до полного нервного истощения. От этого-то ужаса она и надеялась освободиться с помощью доктора Чэннинга и тут, он она рассказала ему свою историю. Впервые за все свои свидания с докторами у нее родилась настоящая надежда. Она слышала замечательные вещи про доктора от его прежних пациентов и к тому же его внешность и манеры внушали ей доверие. Кроме того, он был первый специалист по нервным болезням, к которому она обращалась, и она надеялась что то, что оставалось тайной для других, может быть разгадано человеком, почитавшим свою жизнь на изучение подобных случаев.

Чэннинг внимательно выслушал ее и сразу заметил волнение, которое вызвал в ней один рассказ о пережитом. Но, тем не менее, он затруднялся объяснить все это. Он помогал некоторое время после того, как она кончила. И когда он заговорил, он задал ей вопрос, который поразил ее.

— Вы теперь ждете первого ребенка, миссис Аркрайт?

Она колебалась минуту.

— Да, — сказала она, наконец. И Чэннинг сейчас же понял то, что она хотела сказать.

— Вы, может быть, потеряли ребенка? Да? — мягко спросил он.

Она кивнула головой, и он снова заметил, как ее взволновало воспоминание.

— У меня был ребенок от первого мужа, прошептала она. — Он умер при рождении. Я была очень больна и очень несчастна, — прибавила она.

Чэннинг следил за ней с тем скрытым вниманием, которое было ему привычно.

Эту женщину, думал он, не легко сделать несчастной. Он понял, что она в этом простом признании подразумевала свой брак. Иначе это признание было бы ненужным. Он должен больше узнать про этот брак.

Но он должен заставить ее говорить по собственному желанию, потому что только так он услышит всю историю. Он слитком хорошо знал увертки и замалчивания, такие обычные в формальных ответах на самые испытующие вопросы. Поэтому он никогда не задавал формальных вопросов, кроме тех случаев, когда хотел получить бессознательный ответ на какой-нибудь другой вопрос, который не решался задать. Для его целей обычно было достаточным заставить пациента говорить. Пациент, раз попав в русло разговора и умело направляемый, редко не выкладывал всей правды.

Поэтому он начал, совершенно не касаясь личностей. Ни одна женщина ведущая общий разговор, не может не коснуться личностей, и потому он начал с маленькой беседы о снах.

— Сны — просто месиво из воспоминаний, — сказал он, — точно на улачу перепорачиваешь листы записной книжки. Записная книжка вашей памяти — это то, что мы называем вашим подсознанием, и обрывки из этой книжки — сырой материал ваших снов. Вот почему вы всегда видите во сне такую чепуху и такую бессмысленную смесь глупостей.

Он ободряюще улыбнулся ей, но она не улыбнулась в ответ.

— Мой сон не простая смесь, — сказала она с содроганием. Он слитком ужасающе яркий и живой. К тому же он никогда не изменяется. Вот, что делает его таким страшным.

— Я знаю, — ответил Чэннинг, — мне это говорили так часто, что я в этом не сомневался.

Миссис Аркрайт быстро обернулась к нему.

— Так вы знали других, которые видели такие же сны, как я, и видели их снова и снова?

В первый раз в голосе ее послышалась нотка облегчения. Было нечто успокоительное в том, что не на нее одну свалился этот ужас.

Чэннинг повернулся на своем винтовом кресле и стал перелистывать толстую книгу с записями, полную скорбных историй его пациентов.

— Я мог бы вам прочесть отсюда множество точно таких случаев, как ваш, сказал он.

— И вы вылечили их?

— Я думаю, что могу сказать, что всем им помог вылечить самих себя. Но тут уж начинается хвастовство, которое я не желал бы себе позволить.

Он снова тепло улыбнулся ей и на этот раз он был вознагражден. Она села прямее в своем кресле и голос ее дрожал, когда она заговорила.

— Так, ради бога, помогите мне! — хрипло сказала она. Когда я теперь снова вышла

замуж, я думала, что навсегда покончила с ужасами!

Чэннинг никогда не говорил так небрежно, как тогда, когда говорил с целью. Теперь он играл со своими черепаховыми очками, точно вел легкий разговор за чайным столиком.

— Как правило, повторяющиеся сны резуль-тат того, что какое-нибудь впечатление было так сильно, что оно выплывает не в виде смеси, но как целое, с каждой подробностью происшедшего и почти так же ярко, как было само происшедшее. Так было с «боевыми снами» контуженных солдат. В вашем случае это, конечно, не может быть объяснением. Но повторяющийся сон может быть символом чего-то пережитого. Иногда, например, такой сон символ того или иного периода, когда человек, видящий сон, был глубоко несчастен, живя под гнетом ужаса перед кем-то или чем-то.

Глаза миссис Аркрайт горели и щеки ее пылали.

— Вы думаете, что вам помогло бы... вылечить такого человека... если бы вы это знали? — сказала она.

Чэннинг был равнодушнее, чем когда-либо.

— Это несомненно, — ответил он, продолжая играть своими очками.

Наступило долгое молчание. Он ни разу даже не взглянул на нее. Он знал, что слово ободрения было бы роковым для женщины ее типа. Если она доверится ему, она должна сделать это сама. Намек на ласку или симпатию навсегда отрезал бы ее от него. И он терпеливо ждал, как будто погруженный в свои мысли и в свою игру очками. Но он следил за ее ногой и надеялся.

Она положила ногу на ногу и поднимавшие и опускавшие лакированного кончика туфли говорили об ускорившемся пульсе. И это обнадеживало его. Он знал, что она приходит к решению, а решение в такую минуту могло означать только одно.

Вдруг она заговорила, и раз сдержанность покинула ее, слова полились потоком. Она говорила тихо, но скоро, почти в темле стоккато от волнения.

— Я должна буду рассказать вам про свой первый брак, — начала она. — После того, что вы сказали, я вижу, что для меня не может быть помощи, если я этого не сделаю.

Она помолчала минуту и Чэннинг взглянул на нее в первый раз прямо и открыто. Он знал, что теперь нечего бояться, что она не изменит своего решения.

— Я думаю вы поступаете умно, — спокойно сказал он и стал ждать, чтобы она начала рассказ.

Она смотрела в сторону и сидела очень тихо, сложив на коленях руки. Но он увидел, как ее прекрасные глаза стали жестокими, как будто бы то, что она видела, было омерзительно. Потом она рассказала ему свою историю, отчетливо и точно, тщательно выбирая слова и только по временам выдавая взглядом или тоном дей-

ствии, которое ее рассказ производил на нее самое.

— Мой первый муж был низкий человек, мистер Чэннинг. Я была совсем девочкой, когда вышла за него замуж, но даже я уже слышала про него рассказы, которые, хотя я и понимала их только наполовину, сделали из него нечто вроде легенды в наших краях. Но отец мой хотел, чтобы я вышла за него замуж. Мы сами были небогатыми фермерами, мой отец был расточителем и тщеславен и брак этот в материальном отношении был для меня блестящим. Поэтому я вышла замуж за этого богатого человека и раскаялась в этом почти с первого дня. Он был большим земельным собственником в нашей части Ланкашира, а к этому еще ему приносили очень большие доходы его каменноугольные копи и сталелитейные заводы. Каждое пенни он тратил на удовлетворение своих пороков. Он был распутник и негодяй; некоторые из его низких поступков были возможны только в таком диком краю, как тот, в котором мы жили. Ему было пятьдесят лет, а мне двадцать, и отец на своем смертном одре просил у меня прощения, что оставил меня выйти за него замуж.

Она повернулась на мгновение к Чэннингу и глаза ее были полны ненависти.

— Я не хочу преувеличивать, — сказала она, — но если дьявол принял когда-нибудь человеческий облик, он явился бы именно в оболочке этого человека.

— Он, вероятно, плохо обращался с вами? — спросил Чэннинг.

Миссис Аркрайт угрюмо усмехнулась.

— Да, — спокойно сказала она, — это было один раз. Он пыл. И как-то раз, когда он не мог меня довести до слез словами, он ударил меня.

Косточки побелели на ее сильной правой руке.

— Он был маленький мужичина. И я хлестала его собачьей плеткой, пока он не отрезвел.

— Это была большая храбрость, — сказал Чэннинг. — Но почему вы его не оставили? Она сразу ответила ему.

— Я была слишком горда. Мы — странный народ в том краю. Есть поговорка, что мы хорошие друзья, но — худшие враги. Но больше всего мы не выносим быть побежденными. Я знала, что говорили другие, когда я выходила замуж, и я твердо решила не сдаваться. Но он как раз этого-то и хотел — сломать мою волю. Вот почему у меня были все причины оставаться.

Она так спокойно говорила это, что слова ее были убедительны, и картина этих двух людей, страстно ненавидящих друг друга, но живущих под одной крышей и делящих одно ложе, была не из привлекательных.

Миссис Аркрайт снова заговорила и тон ее был самым обыкновенным.

— Он никогда больше не поднимал на меня руки после этого первого случая, но я знала, что он ненавидел меня за это еще больше. Он был образован, а я — нет; и он никогда не пропускал случая, наедине и

при других, уколоть и принизить меня. И он умел это делать так, что виноватой всегда казалась я. У него была насмешливая манера говорить, которая была отвратительна, и для него было каким-то диким наслаждением находить дурные стороны во всех людях.

Волна краски залила ее шею и лицо, исчезая быстро и оставляя ее еще бледнее прежнего. Мгновение было ясно, что она не может продолжать и ее нижняя губа побелела, когда она прикусила ее зубами. Никогда, подумал Чэннинг, не видел он такого железного самообладания. Было почти больно видеть женщину с таким самообладанием.

— Он был низок и в других своих поступках, — сказала она, наконец. И Чэннинг не торопил ее. — Такова была моя жизнь в продолжение трех лет, доктор. И каждый день я благодарила судьбу, что у нас не было детей. Я сама постелила себе постель и готова была лежать на ней, но я даже боялась думать о том, что ребенок может стать жертвой его жестокостей. Поэтому вы можете себе представить, что я испытала, когда после трех лет этой жизни с ним я почувствовала, что буду матерью.

Голос ее задрожал и оборвался. Но глаза были сухи и жестки.

— Это переполнило меня отчаянием, — продолжала она. Я, ведь, больше всего боялась этого. До сих пор я была победительницей, потому что ни слова его, ни поступки не могли мне сделать больно. Сердце мое было.

как камень. Но ребенок смягчил бы это сердце. И тогда он сломил бы нас обоих. Он сам мне это сказал. Он никогда не притворился со мной.

Чэннинг молчал. В этой комнате, уставленной полками с книгами, он видел много разбитых жизней, много человеческого позора и безумия, но хуже этого — он не видел ничего. В ее правдивости нельзя было сомневаться. В ее словах была холодная и ужасная искренность обвинительного акта. Он слышал безыскусственную правду и должен дослушать ее до конца.

— Не знаю, как я прожила следующие несколько месяцев, — продолжал спокойный голос. — Он не переставал следить за мной своими блестящими маленькими глазками. И у него всегда было готово какое-нибудь злое замечание, чтобы показать мне, что он ждет. Он был теперь больше, чем когда-либо. Вечер за вечером я должна была сидеть против него за обеденным столом

и смотреть, как его подергивает от судорог. И вечер за вечером я оставляла его там и он все продолжал пить.

Несколько часов спустя я слышала, как он шел, спотыкаясь по дубовой лестнице, в свою спальню, которая была в дальнем конце

-- Мой муж никогда больше не поднимал на меня руки после этого первого случая, но я знала, что он ненавидит меня за это еще больше.

корридора. Он всегда плохо спал. Он имел обыкновение выпивать большие дозы бренди, просынаясь в ранние утренние часы. Результатом было, конечно, то, что он спал до позднего часа и мы старались быть возможно тише по утрам, чтобы не разбудить его.

Она замолчала и повернулась к Чэннингу с выражением искреннего удивления и заинтересованности.

— Знаете, — сказала она, — оглядываясь теперь, я думаю, что эти утра были хуже всего.

Чэннинг понимал. Он мог себе представить напряженное состояние, овладевавшее этим домом, пока хозяин не спускался — бледный, одуревший и озлобленный, чтобы начать новый день. Но безличный интерес главного страдальца был слишком ненормален.

— Вы говорили мне про вашего ребенка, — сказал он. — Все было лучше, чем такое состояние отупения.

Она прижала к глазам кончики пальцев. Она сделала это не так, как плачущий человек, а как человек, глаза которого невыносимо устали. Все время она казалась именно усталой. Усталой.

— Я потеряла его, — просто сказала она. — Он родился слишком рано. Я не знаю, что случилось. Я, вероятно, была тогда в бреду. А когда я поправилась, мне сказали, что и муж мой тоже умер...

— Ваш муж... — начал Чэннинг. Но она едва умолкла, как уже снова продолжала.

— Он лег спать, — по обыкновению, пьяный и, очевидно, сам задохся в подушках.

— Да, — подтвердил Чэннинг, — я знаю подобные случаи.

Она продолжала, точно он и не сказал ничего.

— Его нашел там утром слуга, когда ему пошли сообщить обо мне.

Она снова прижала пальцы к глазам.

— Я думаю, что это и все, — спокойно сказала она. — Я всем существом желала тогда только одного: чтобы тот или другой умер. Но, конечно, не было нужды в том, чтобы умерли оба.

Она снова уронила руки на колени и посмотрела на Чэннинга. Она была так спокойна и полна достоинства, как в ту минуту, когда впервые познакомилась с ним. Ясно было, что она кончила свой рассказ.

Он сразу же стал объяснять ей ценность того, что она ему рассказала. Он не выразил ни одним словом сочувствия, потому что знал, что она не нуждалась в этом да и не ждала сочувствия. Она искала помощи и было похоже, говорил он себе, что он первое человеческое существо, к которому она прибегала за этой помощью.

Он стал ей объяснять ее сон, пуская для этого в ход все свое искусство и убедительность.

Тяжелая, мучительная дорога, по которой она шла, была, вероятно, жизнь, которую она ему описывала, с ее безнадежным и ужасающим будущим, какое она сама себе представляла в то время. Через этот просвет во мраке она заглянула в это будущее, освещенное пламенем, которое всегда связано с крайней степенью психических и физических страданий. Он разбирал сон в деталях. Он говорил ей, что если бы она так усиленно не старалась похоронить воспоминание о той ее несчастной жизни, воспоминание это давно бы померкло. Ее же собственное нежелание думать о прошлой жизни заставляло эту жизнь искать тайного хода в ее сознании и возникать в виде сна. Она пыталась подавить неподдающееся и она, конечно, должна была пострадать от своей неудачи.

Совершенно ясно было то, что ей нужно теперь делать. Она должна извлечь из тайников памяти все детали этих ужасных лет, как бы они ни были мучительны. И она должна заставить себя вызвать их не с каменной и безличной холодностью, а с естественными для всякого живого существа чувствами. Она должна плакать над тем, что было тяжелого в этих воспоминаниях, и слезы магически растворяют их, воспоминания уйдут, наконец, на свои места в тканях ее мозга. Тогда и только тогда найдут они покой и не будут больше бродить, как страшные существа, на гранях ее снов.

Она согласилась принять его совет. День за днем по его предписанию она являлась к нему и раскрывала ему полностью тот период своей жизни. И постепенно, исполняя это, она стала поправляться и ее возрастающее доверие к доктору помогало этому. Правда, она продолжала видеть все тот же сон, но постараясь он реже и воз-

вращение его уже не приводило ее в такой ужас. Наконец, после нескольких месяцев такого лечения, Чэннинг посоветовал ей прервать его.

— Теперь вам нужен отдых, — сказал он. — Вы так усердно работали, что заслужили его. Поезжайте куда-нибудь и наслаждайтесь покоем.

Была осень и над западной частью Лондона висел густой туман. Но для миссис Аркрайт день казался ясным и приветливым. Она смотрела на Чэннинга глазами, в которых не оставалось и следа затравленности и бессонных ночей. Закутанная в меха, со стройной фигурой, она была великолепна. Она была похожа на римлянку, крупную и полную жизненности.

— Да, — сказала она звучным голосом. — Я свободна. Я в этом уверена теперь. Но знаете, что я хочу сделать, чтобы доказать это?

Чэннинг, улыбаясь, слушал ее. Это были редкие мгновения, ради которых стоило работать. Он освободил рабу. И свободная женщина была прекрасна. Мог ли человек желать большего в туманный октябрьский день?

— Что же вы хотите сделать? — спросил он.

В его голосе была почти страстная нотка. Он даже поймал себя на том, что одно мгновение пожалел, что все, что предпримет эта красавица, она предпримет с аккуратным маленьким человечком, которого он раз видел с ней.

— Проявление самца, — автоматически сказал он себе. — Я освободил ее и, значит, она моя! Какие мы, все-таки, непривлекательные существа...

Ее слова прервали его мысли.

— Я еду в Ланкашир и открою старый дом. Это будет моим первым посещением со времени смерти моего мужа. Я проведу там рождество. И мой ребенок родится там. Это для того, чтобы доказать и вам, и себе, что я больше не боюсь своего прошлого.

Она протянула доктору руку и глаза ее смотрели тепло и приветливо.

— Я не могу вас отблагодарить за все, что вы сделали для меня!

Он взял ее руку, и минуту спустя миссис Аркрайт уже не было в кабинете.

Два месяца Чэннинг ничего не слышал о ней. Но он обычно был слишком занят, чтобы много думать о пациентах, уже прошедших через его руки. Он знал и то, что благодарность пациентов, — вообще редкая сама по себе, — таких, как его пациентки, еще реже влекла их снова повидать врача. Он слишком много знал про них, чтобы общение с ним было бы для них приятно. Сплошь да рядом, в ресторанах и других местах он с грустью замечал, что при появлении его тот или другой из публики сейчас же торопливо удалялся. Но в начале декабря он был удивлен, получив дружеское письмо от миссис Аркрайт, приглашавшей его провести с ними в Ланкашире рождество.

Он принял приглашение с готовностью, поразившей его самого, потому что он был по природе одинокий человек, несмотря на множество знакомых, и в пять часов 24 декабря он приехал к Аркрайтам. Он был поражен красотой местности. Дом стоял на высокой горе над долиной, где поля переходили в ственные пространства. На мли во все стороны местность осталась такой же точно, какой она была до того, как могучая волна промышленности поглотила всю сторону. Только над краем долины висела тяжелая завеса дыма, обозначающая город угля и сталелитейных заводов, копи и доменные печи которого днем и ночью изрыгали деньги для этих, живущих в отдалении, владельцев. Чэннинг был единственным гостем, так как миссис Аркрайт ожидала ребенка в самом начале нового года.

Чэннинг с интересом наблюдал перемену, происшедшую с хозяйством и хозяйкой. Она была совершенно удовлетворена своей настоящей жизнью. Сон не повторялся, и успокоение предстоящего материнства окутывало ее, как мантией. Она была, как прекрасная нива, согретая и созревшая под лучами солнца и спокойно ожидающая жатвы. Но изменился сам Аркрайт. Насколько она затихла, настолько тон его превосходства усилился. Он был теперь членом магистрата и он только и говорил, что о своих обязанностях и о своем положении. Его любовь к внешнему и к условиям делали его обязанности удовольствием для него.

— Я думаю, что теперь нас хорошо узнали в этих краях, — говорил он Чэннингу, показывая ему его комнату. — И надеюсь, что и дом этот, и его хозяев здесь уважают.

— Да, ведь, прежде всего, у дома теперь совсем другой хозяин, — сказал Чэннинг.

Маленький человек весь просиял от этой любезности.

— Надеюсь, — сказал он с деланной скромностью, восхитившей Чэннинга. — Во всяком случае в моей жизни нет ничего такого, что я должен был бы скрывать от людей.

Сравнение с человеком, место которого он занял, доставляло ему большое удовольствие.

— Между прочим, он умер как раз в этой комнате, — вдруг сказал он. — Я надеюсь, что это не имеет для вас значения?

Доктор усмехнулся.

— Ни малейшего, — ответил он. — Это прелестная комната.

После обеда миссис Аркрайт оставила их вдвоем. Она устала, — сказала она. И почему-то, как она призналась Чэннингу, она чувствовала себя немножко нервной.

— Это глупо с моей стороны, — шутливо сказала она, — но в первый раз со времени нашего приезда я раскаиваюсь в том, что сделала это.

Она огляделась кругом почти с ненавистью.

— Прошлое точно сожнулось вокруг меня, — медленно сказала она. — Вероятно, наступление рождества делает меня сентиментальной.

Она закончила свои слова достаточно мужественно, но Чэннинг все же понимал, что нервы ее были возбуждены.

— Или то, что я тут, сказал он, — и приготовление для меня комнаты, — многозначительно добавил он.

Она слегка покраснела, потому что всегда быстро понимала его.

— Во всяком случае, что бы это ни было, это — глупости!

Ей было стыдно сознаться, что она возвращается к прежнему.

— Я живу в своей прежней комнате и останусь в ней. Спокойной ночи. Я не изменю вам.

Она героически улыбнулась, покидая их, но Чэннинг видел, что улыбка эта далась ей не без усилия. Он теперь желал только, чтобы посещение его не принесло с собой несчастья.

Но Аркрайт не испытывал таких сомнений.

— Она сама над собой будет завтра смеяться, — уверял он Чэннинга, — я всегда говорил ей еще задолго до встречи с вами, что смеяться — лучшее средство.

— Женщина предпочтительно слушает чужого человека, а не мужа, — заметил Чэннинг. — Я иногда думаю, что моя специальность говорить женщинам неприятные истины.

Аркрайт с чувством довольства попыткавал сигарой. Что касалось его, так мир был в великолепном порядке.

— Она придавала одно время этому несчастному сну какую-то таинственность. Говорила о предзнаменованиях и, знаете, о всяких таких глупостях.

— Сказать вам правду, — заметил Чэннинг, которого раздражала самоуверенность Аркрайта, — в некотором отношении сон этот все еще остается тайной и для меня. Я дал вашей жене объяснение, которое ее, к счастью, удовлетворило. Но его может раскрыть любой другой психиатр.

— Да, ведь, оно же возымело действие, — сказал Аркрайт. — В конце концов, только это и важно.

Наступило молчание. Но Аркрайт все же был смущен. Он ненавидел все неопределенное, незаконченное.

— А что же вы не поняли в этом сне? — вдруг спросил он, точно разговор и не прерывался.

Чэннинг не мог ускользнуть от такого прямого вопроса.

— Я скажу вам, — произнес он, помолчав. — Главная трудность для меня в том, что сон периодически повторялся. Большая часть снов отражает душевное состояние спящего, потому что сны являются его собственной переработкой незначительных событий. Но повторяющиеся сны стоят в особой группе. Тут имеется дело с возникновением в мозгу спящего не мешива от-

дельных воспоминаний, но одного дельного воспоминания, дельного происшествия, бывшего в действительности.

— Бывшего в действительности? — перебил Аркрайт. — Но вы же не хотите сказать, что в действительности произошло то, что видит во сне моя жена? — В голосе его даже звучала обида.

— Вот в этом-то и заключается трудность, о которой я вам говорю, — спокойно ответил Чэннинг. — Нет сомнения, что ничего такого никогда с вашей женой не было. Но мы имеем дело с повторяющимся сном и, значит, это должно было бы быть, — упрямо закончил он. В коротких словах он объяснил своему собеседнику значение повторяющихся снов солдат, побывавших в бою.

Чэннинг заметил, что разговор этот был неприятен Аркрайту. Ведь его жена нормальный и приличный человек, и поэтому сны ее так же должны быть нормальны и приличны. Чэннинг понял мелочное недовольство своего собеседника и, уважая в нем хозяина дома, искусно сумел перевести тему разговора. Дружески беседуя, они поднялись по лестнице и остановились наверху ее, чтобы проститься на ночь. Комната Чэннинга была справа длинного коридора, в противоположном конце от комнат Аркрайтов. Хозяин с типичной для него церемонностью ждал, пока Чэннинг шел по коридору в свою комнату.

Вдруг Чэннинг остановился и позвал:

— Мистер Аркрайт! Будьте добры, придите сюда на минуту!

Голос его был тихий, но взволнованный. Аркрайт догнал его и, повинуясь его движению, взглянул налево в окно в стене коридора, из которого был вид на долину.

— О, да, — сказал он небрежно, — это наши доменные печи. Они, знаете, никогда не гасятся, ни днем, ни ночью.

Чэннинг заговорил, как будто разговаривая сам с собой:

— Мечущиеся к небу огромные языки пламени и дым... — Аркрайту послышалась в этих словах доктора нота почти страха.

— Что вы хотите сказать? — спросил раздраженно Аркрайт.

Но фраза, произнесенная Чэннингом, была ему слишком знакома, и он снова заговорил уже другим тоном:

— Чэннинг! Ради бога! Что вы хотите сказать?

Но Чэннинг еще не кончил.

— Оглянитесь назад, — сказал он. — И теперь в голосе его было нечто такое, что привело Аркрайта в ужас.

— Взгляните на стену позади вас, — повторил Чэннинг. И с этими словами он повернул выключатель и погрузил коридор во мрак.

— Видите? — продолжал он почти шопотом. — Тень от переплетов этого окна образует на стене гигантский крест.

Аркрайт посмотрел и содрогнулся. Потом обернулся и, как человек в летаргическом сне, молча стал смотреть вдоль длинного коридора по направлению своей комнаты и комнаты жены. Голова его была вытянута вперед и застыла, точно он смотрел на что-то страшное.

И Чэннинг тоже смотрел. Потому что и ему казалось, что он видит, как из той отдаленной двери выходит женщина. Женщина непобедимой решимости, во власти бреда слепо покоряющаяся какому-то поведению, которое в сознательном состоянии переполнило бы ее омерзением и ужасом. Ему казалось, что он видит ее с широко раскрытыми глазами, шепчущую что-то, медленнодвигающуюся к тому месту, где стоят теперь они. Он видел, как она с ужасом отшатывается от окна. И он видел ее, эту римлянку, как она вошла в комнату, которая была теперь его комнатой, чтобы заставить руки, однажды державшие собачью плеть, выполнить ужасное, но более верное дело... «Я всем существом желала тогда только одного: чтобы тот или другой умер» — вспоминал доктор..

Он слышал возле своего локтя шорох чего-то падающего и обернулся как раз вовремя, чтобы подхватить Аркрайта.

Рассказ СИГФРИДА СИВЕРТСА

Со шведского перев. Р. КУЛМЭ

Иллюстрации И. ВЛАДИМИРОВА

Сигфрид Сивертс (р. 1882) справедливо считается величайшим прозаиком современной Швеции. Его славу составляют как романы, так и новеллы. Пишет Сивертс во всех жанрах, но последний его авантюрный роман «Пираты озера Мамер» имел наибольший успех, и заглавие этого романа стало нарицательным именем, вошло в речь и закрепилось в новейших словарях.

Начав в 1905 г. с лирических стихотворений, Сивертс перешел на прозу и занял в ней первое место. Большой психологический и бытовой роман Сивертса «Селамбы» охватывает целую эпоху и повествует о рождении целого поколения. Из других романов Сивертса заслуживает упоминания переведенный на русский язык «Универсальный магазин».

Внимательный наблюдатель жизни, тонкий аналитик, Сивертс неутомим в поисках материала для своих книг; он хорошо знает Европу, совершил несколько больших путешествий, из которых одно нашло закрепление в своеобразной и весьма интересной книге «Путешествие в Абиссинию». Здесь Сивертс показал свой талант с новой стороны, как автор изумительных очерков и беглых зарисовок.

Однако, главная сила Сивертса все таки в «малой форме» новеллы.

Никто из современных шведских писателей не умеет так сжато и так насыщено подать тему в небольшом рассказе, как Сивертс. В его новеллах играют яркими переливами все элементы: он в меру психологичен, он заимателен фабульно, неистощим сюжетно и всегда свеж и оригинален по стилю. Несколько сборников его новелл свидетельствуют о многогранности интересов и разнообразии наблюдений их автора.

Ниже мы предлагаем вниманию наших читателей одну из лучших новелл Сивертса, отмеченную особо скандинавской критикой и появляющуюся в переводе впервые. Богатство красок и естественное нарастание событий из ничтожного повода показаны здесь с большой полнотой и убедительностью.

Далеко выдаваясь в море, расположились Шельботна и Альботна. Многие мли болот и перекрестков отделяют их от церкви, полицейского управления и булочной. В действительности они образуют всего лишь один остров, разрезанный надвое

своеобразным узким и неглубоким каналом, постепенно переходящим в илстую полосу шириною в сажень, через которую перекинут деревянный мостик.

С каждой стороны этого мостика были некогда расположены маленькие фермы

Нордана и Эберга и на каждой стороне острова у самого берега моря находились их баркасы, их сараи для лодок и подставки под сети.

Оба старика поддерживали приличные добрососедские отношения, которые порой подогревались до большой дружбы, особенно в праздничные дни, когда оба отправлялись на поиски бутылок. В случаях нужды они помогали друг другу и удачно обменивались в хозяйственном обиходе, ибо Альботна Эберга обладала лучшим пастбищем, тогда как самые рыбные воды и наиболее выгодные островки принадлежали Нордину на Шельботне.

В один майский день старики встретились по обе стороны канала и вступили в беседу, шагая по убитой камнями дороге, тянувшейся вдоль их полей. Этой весной была ужасная засуха, и поэтому настроение у обоих было не из лучших. Шагая и жалуясь друг другу на погоду, они вдруг заметили гагачье гнездо посреди канала. По каким-то неизвестным причинам их остров не изблювал птицами.

Первым бросился вперед Нордин. Этот Нордин всегда пелосвал первым! Примостившись на каменном выступе над водой, выпятив вперед свою бородавку, усеянную рыбьей чешуей, и растопырив штаны, запачканные смолой, он сощурил глаза, чтобы хорошенько рассмотреть пух в гагачьем гнезде.

— Это очень кстати!—пробормотал он.— Ловисса сможет добавить пушку в мою подшуку...

Но тогда выступил в свою очередь Эберг.

В это время гагачья самка высунула голову из гнезда и с беспокойством посмотрела на того и на другого.

— О, ведь и ребенку ясно, что камень находится на моей стороне!—ответил Нордин.

— Нет, я этого совсем не вижу,—отрезал Эберг.

К несчастью, камень находился как раз по самой середине канала, но с какого бы берега ни посмотреть, казалось, что он ближе к смотрящему. А люди никогда не бывают более опасными для себя и для других, как тогда, когда они чувствуют себя совершенно уверенными в своих правах.

— У тебя тупая, как булыжник, башка!—закричал Нордин,—но ты должен тем не менее понять, что это—мой камень.

— Нет, я этого совсем не понимаю,—зарычал Эберг,—ибо он мой, он мой! И на этот раз тебе выгоднее спрятать руки подалее...

Так началась ссора. Сначала они оба теснились к каналу, но по мере того, как их крик рос, они инстинктивно отступали, чтобы не испугать гагачей самки. Однако, стараясь перекричать друг друга и вернее втемляшить свою правду в голову соседа, каждый из них все более распалялся от крика, а у людей, живущих одиноко и имеющих привычку говорить мало и тихо, крик возбуждает приступы ярости. И вот они в своем неистовстве начали выкладывать друг другу всю грязь и горечь, которые до сих пор сдерживало миролюбие. Нордин припомнил историю с парой весел, которые он одолжил и которые были ему возвращены расколотыми, но Эберг тотчас же вспомнил вины, к которым ему пришлось приделать новую ручку после того, как ими пользовался Нордин. Затем появились 80 сардинок, которых на самом деле было только 70, потом ведро молока, синего как телячий глаз и со вкусом чистейшей воды. Но когда заходишь так далеко, то ничего уж не стоит называть друг друга вором и контрабандистом. Когда они дошли до этого, гагачья самка внезапно раскинула с шумом крылья и улетела по направлению к морю. Тогда старики быстро подбежали друг к другу, продолжая орать, и кончилось все это тем, что они поклялись в вечной вражде и послали друг друга в преисподнюю.

К этому нечего было уже прибавлять. Поэтому каждый отправился во-своеяси. В общем, это была обычная ссора, и она в конце концов закончилась бы примирением, если бы ее не

Камень, где сидела гага, находился как раз по середине владений...

Он был крупнее и походил на зажиточного крестьянина.

— А почему ты знаешь, что этот пух твой?—спросил он.

стала подогрывать злоба старух.

Женщины не умеют жить без сплетен. Ловисса, служанка Нордина, козынула своего хозяина сообщением о тех неприятных вещах, которые говорили о нем Эберг и его Кристина. Вот, например, она сбегала под окно их хаты и слышала, как Кристина таякала, что у Нордина, должно быть, и пальцы испачканы смолой только для того, чтоб к ним все приставало. Эти предательские слова, всколыхнувшие мирное прошлое, имели действительные яды и раздражили Нордина гораздо больше, чем недавняя перебранка. А у Эбергов Кристина, немощная и не покидавшая постель в течение десяти лет, была исключительно хитрой и умела рассказать о сарказмах Нордина, будто бы он ей сам говорит, что ума у Эберга не больше, чем у его коров, и что он непропорционален его аппетиту. По тону Кристины, когда она это говорила, можно было догадаться, что она сама думает, что Нордин не совсем не прав. Так и получилось, что старухи жили с утра до вечера, как на горячих сковородках. Однажды доведенные в конце концов до чертиков, они оба, как по сигналу, бросились с топорами к мостику, соединявшему их фермы, и разбили его вдрызг. Нордин взял себе четыре доски, столько же забрал себе Эберг, ибо каждый при постройке поставил половину материала.

Так порвались их отношения, а Альботна и Шельботна стали двумя отдельными островами, вокруг которых кипело море ненависти.

Первое время это производило впечатление почти праздничное, жить вот так, в атмосфере вражды, довольствуясь собою. Эберг ходил доить коров на лужок, что обычно делала для него Ловисса за полпинты молока в день. И ему казалось, что коровы Висса и Самарлеф теперь принадлежали исключительно и по новому только ему, Ларсу Эммануэлю Эбергу. Что касается Нордина, то он теперь брал гребцом на рыбную ловлю Ловиссу. Она, правда, не умела так хорошо гребти, как Эберг, ибо мужчина—всегда мужчина, но зато Нордин чувствовал себя настоящим хозяином, мог командовать и покрикивать в свое удовольствие, и ему незачем было больше молчать из вежливости или правил обхождения.

Да, это был период чванства и самодовольствия. Но вскоре наступили ужасные события на суше и на воде. Ненависть имеет свои приятные стороны, как остатки от хорошего мирного пира, но, когда они съедены, наступает нужда.

Смерть свиньи вызвала большую и жестокую печаль...

Нордин и Эберг, в общем, служили друг другу опорой и бок о бок боролись со скупой землей и морем, полным предательства. Теперь все кончилось,

они были каждый отдельно поставлены лицом к лицу с врагом, более мощным, чем человек.

Когда мппуза половина лета и трава была скошена, Эберг сидел высоко на своем возу сена, пощелкивал бичем, подгоняя свою старую клячу, и смотрел сверху с выражением дьявольского торжества, как Нордин с помощью Ловиссы с трудом перетаскивал свое сено на жерди. Но когда пришло время конать картошку, Нордин испытывал жалкое удовлетворение, ибо у Эберга не было моты: и, и он должен был ценюю огромных усилий проделывать лопатой то, что раньше казалось легким, как игра, при помощи лошади одного и машины другого.

Если Эберг владычествовал на земле, Нордин одерживал победы на воде. Эберг был теперь не только лишен лучших мест для ловли окуней, линей и угрей, но он с трудом справлялся без помощи Эберга со своею лодкой. Во время плохой погоды Нордин вытаскивал порой длинные лаги исключительно ради удовольствия видеть, как Эберг, относимый беспомощно в своей лодке течением, тащит драную сеть, полную водорослей. В общем, один был ничтожен на земле, другой—на море. Пришло время, когда Нордин вынужден был питаться одной рыбой, так как его корова перестала давать молоко, а он не мог отвести ее к быку, ибо паром принадлежал Эбергу.

Если бы не свинья, черные дни наступили бы для него еще до зимы. Но и напротив, в Альботне, не слишком пировали, ибо, отказавшись поневоле от рыбы, приходилось питаться хлебом и молоком. Конечно, мало удовольствия войти в спальню и услышать, как больная старуха требует рыбы. Ей ведь больше ничего не оставалось, как думать о пище. Ну, конечно, еще и о великой вражде. Ненависть раскаляет тех, кто сидит дома, сложа руки. Несчастье

было в том, что Кристина не видела живой души, кроме Эберга, не имела никого, кому она могла бы высказать свои горчечины. Вот почему вся ее злоба часто падала на его голову.

Да, дела скоро так сложились, что нужда стала прорезывать скопившиеся тучи этой грозной вражды.

При таких обстоятельствах победил бы в конце концов тот могущественный здравый смысл, который имеет свою резиденцию в желудке человека, и примирение несомненно состоялось бы, если бы не случилось большое и ужасное событие. Свинья Нордина внезапно подохла. У Ловиссы было совсем особое обхождение с животными, такое, как если бы она имела дело с себе подобными. Она ходила за свиньей, как за ребенком. Она до такой степени боялась, чтобы животное не простудилось, что никогда не открывала окна в хлеву, так что несчастная свинья задыхалась в своем грязном логове. И вот однажды утром ее нашли с вытянутыми кверху ногами.

Это вызвало большую и жестокую печаль, которую скрывали, чтобы не давать Эбергу повода порадоваться. Но на следующий неделе Ловисса протворилась, что она сама видела в корыте свиньи что-то странное и белое. И это сразу убедило в том, что тут проется злодеяние людшек из Альботны.

Два дня спустя, собака Эберга валялась на картофельном поле с разможенной головой. Она была, правда, дворнягой, но, несмотря на это, обнаруживала все качества охотничьей собаки. В своих трудах Эберг не имел иного товарища и любил ее больше всего на свете. Он ушел за дом, чтобы Нордин не мог ни видеть, ни слышать, сел на чурбан и заплакал с причитаниями.

С этого момента ненависть сделалась дикой. Соседи начали наносить друг другу вред всеми способами. Нордин проводил большую часть своего времени в чирканьи по дну в поисках сетей, у которых Эберг обрезал веревки, а Эберг должен был стеречь своих коров, которые возвращались с поля хромые, с кровавыми ранами от ударов камнями. Ни один из стариков не решался больше оставлять без присмотра все, что ему принадлежало. Они бродили по острову, изнуряемые голодом, ненавистью и страхом, шпионили друг за другом, забывая об истинном поле битвы, которое было обращено к морю и жестокой природе.

Однажды в декабре, когда дул сильный ветер, Эберг расставил в заливе свои жалкие сети: слишком тяжело было обходиться без рыбы. Но, как мы уже сказали, он не решился удалиться со своего места, и потому захватил с собой ружье, чтоб убить тюленя, и Нордин никак не мог подобраться и порвать его сети, что он имел намерение сделать. Он также не мог тайком подоить коров Эберга, ибо они его так боялись после угощения камнями, что бежали в лес при его появлении.

Но огромные тучи набегали и тьма наступила скорее, чем этого ожидал Эберг.

Он был охвачен смертельным страхом и ждал, что вот-вот увидит языки пламени, вырывающиеся из его дома. В таком волнении и страхе он уронил весло и, пытаясь его изловить, от усталости и напряженности не удержался и упал в воду. Зацепившись за край лодки, он понял, что его унесит ветер и течение в море.

Нордин услышал крики отчаяния в тот момент, когда он вносил в свою кухню охапку дров. Он с грохотом бросил дрова к печке и стал ходить взад и вперед, нелепо суматошась. Но вдруг он остановился и стал прислушиваться с ужасным напряжением нервов. Ловисса тоже слушала с содроганием. Затем они оба начали ходить и производить шум. Однако, беспокойство Нордина росло. Он топтался на месте, вздыхал, корчился, как червяк на крючке. И вдруг он вспомнил о большой рыбной ловле: сам он стоял на носу и вытаскивал из воды большие сети с блестящими при луне петлями, на веслах сидел Эберг, прекрасно знавший, как надо править на этих опасных глубинах... Нордин вспомнил и о тех утренних часах на острове Гельпан, когда они вместе ожидали перелета гаг. Пловучий лед поблескивал белыми искрами между скал, но вода была синей, как весной. Итицы, приготовленные, как приманка, прыгали, и наконец стая гаг пролетела. Раздавался выстрелы его и Эберга.

Нордин сделал большой шаг к двери. Но тогда Ловисса посмотрела на него снизу и ее бледное лицо приняло еще более неуловимое выражение, чем обычно. Оно корчилось, бросало взгляды во все углы и выплевывало слова из беззубого рта:

— Это кричит наша свинка... Она, белая, возвращается... Этой зимой мы часто будем слышать ее крики, когда ничего не будет в хлеву...

Нордин опустился на стул перед столом в своей жалкой и грязной кухне, где давно уже поселилась нужда. Он заткнул себе уши и просидел так, пока не наступила вновь тишина.

Хозяин Шельботны не спал всю ночь, но он не мог решить, дрожит ли он от ужаса или от радости. На заре он вышел. Да, лодка Эберга все еще не вернулась, и никто не двигался в молчаливом и мрачном доме. Нордин испытывал странное ощущение холода и в нем царил какое-то настороженное спокойствие, как в море перед штормом.

Утро проходило, а Эберг не появлялся. Да, справедливый суд свершился.

Тогда он начал бродить вокруг дома соседа, постепенно к нему приближаясь, пока он не услышал слабый и робкий голос изнутри:

— Это ты, Эберг? Где ты, несчастный, пропадал всю ночь?

Нордин убежал и отправился к лодке, ибо ветер стал спадать. После долгих часов берегового ветра он не нашел никаких следов ни судна, ни весел. Но он заметил поплавок Эберга и поднял сети. Улов был довольно хороший: больше трех тысяч

сардинок. Однако, он не притронулся к рыбе, оставив ее на скале.

Втечение всего остального дня Нордин и Ловисса не обменялись ни словом. Оба бросали беглые взгляды на соседний дом. Он был молчалив, пуст и темен. Казалось, вся жизнь в нем угасла.

В сумерки Нордин пересек канал, чтобы слотить высохшие сети в сарае Эберга.

Несколько раз ночью он вставал и прислушивался к ветру, который теперь начал дуть с моря.

На другой день была снежная буря, но Нордин выходил из дому от времени до времени. Беспокойство грызло его сердце. Он хорошо понимал, что ему следует пойти к немогущей Кристине, но он чувствовал, что какая-то непреодолимая стена преграждала ему дорогу. Наконец он услышал среди бури мычание коров в хлеву, томимых молоком. Он прохрипел Ловиссе приказание взять ведро и следовать за ним. Подойдя к коров, они вошли в кухню Эберга. Ловисса хотела убежать, но он удержал ее за руку. В кухне было темно и холодно, дверь, ведущая в комнату, была закрыта, и они остановились перед ней в нерешительности. У Нордина вертелась на языке слова, которые он должен был бы произнести, подавая парное молоко той, которая находилась там. Наконец, он открыл дверь, но ужасное зрелище заставило его отступить. Больная сползла со своей постели, дотянулась ползком до окна, и ей удалось подняться, опираясь на стол. Она висела на раме мертвая перед разбитыми стеклами. Это окно не выходило на их сторону, и поэтому они не слышали криков Кристины о помощи. Она, должно быть, потеряла сознание и замерзла без чувств, или, может быть, она и пришла в себя перед смертью и кричала слабющим с каждой минутой голодом от страха, голода и одиночества.

Они перенесли ее на кровать и надели на нее чистую рубашку. Затем хозяин и служанка вернулись к себе.

— Это ты, падаля, заставила меня сделать это, — сказал Нордин, падая на свою постель, как мешок с грязным бельем.

Ловисса пожала плечами, посмотрела по углам, и ее лицо приняло еще более неудовимое выражение, чем всегда.

— Разве можно было знать, что это Эберг? — пробормотала она. — Разве можно было знать?!...

В эту ночь они не гасили лампы.

Затем пришло снова утро. Свет с трудом пробивался сквозь зимний мрак. За окном море ревело, как бы злобствуя на людей. Никогда до того Нордин не испытывал

подобных чувств, глядя на волны. Была ужасная погода. Буря неслась теперь против земли и Нордин бродил по берегу, как бы ожидая, что увидит выброшенный волнами труп. Но море не выдавало своей добычи. Неподвижно стоял он и смотрел на золотую, как поле ржи, полоску берега, колосья которого дрожали под напором шквала. И он чувствовал пустоту в груди, пустоту, из которой вытеснялись вздохи. Это было полнее ничто после ненависти, столь же великое, как и после утраченной любви. И Нордин чувствовал себя до жалости маленьким.

Быстрое наступление темноты его испугало. Он видел, как ночь надвигалась с востока. А там, на той ферме лежал другой труп. Он туда не решался идти. Во имя Христа, что делать с этим трупом? С минуты на минуту начнется его разложение. Но он не может его закопать так просто. Это пахнет жандармом и тюрьмой. Но разве и без того жандарм не сидел во всех его мыслях? Два покойника зараз—разве это не покажется странным?

Пришла ночь. Никогда Нордин не думал о таком множестве вещей, как в эту ночь. Под утро он заснул и проснулся только в полдень. Буря продолжала реветь.

К вечеру он принялся сколачивать гроб для Кристины. Он провел всю ночь в сарае, прикованный к этой работе. Порывы шквала разбивались, как волны, об углы дома. На заре он окончил работу и разбудил Ловиссу.

— Вставай, мы поедем к пастору с Кристиной.

Ловисса поставила на огонь дикорный кофе и переоделась. Она дрожала всем

Большая Кристина дотянулась ползком до окна и замерзла, вися на раме.

телом. Они уложили покойницу в гроб, заколотили крышку и отнесли его в лодку. Ловисса стояла на мостках, нервно перебирала пальцами и пристально смотрела в воду.

— Ты поедешь со мной, несчастная!— крикнул ей Нордн.

— Да, но... коровы...— простонала Ловисса.

— Коровам я задаю корму на три дня...

— Да, но какая собачья погода... Можно утонуть, Нордн, можно утонуть.

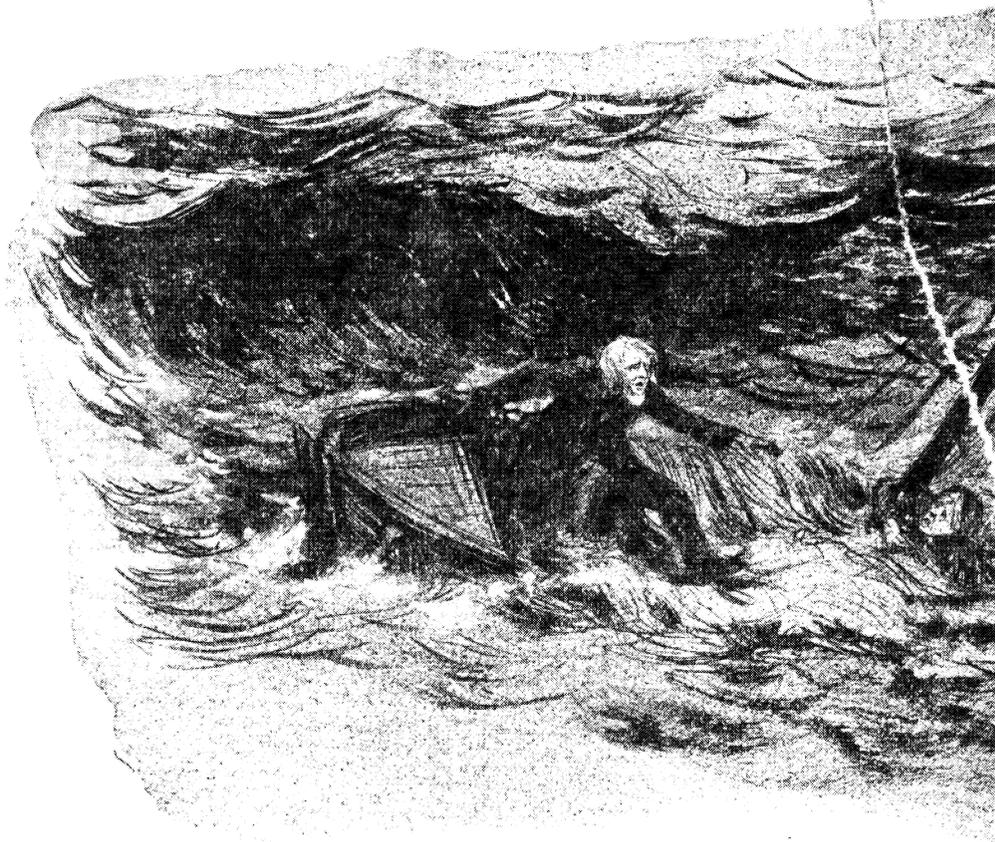
— Это необходимо сделать,— пробормотал Нордн.— Нужно, чтоб она успокоилась в освященной земле. Эта мысль сверлит мне мозг.

— Это Эберг нас туда зовет... Это Эберг зовет..

— Может быть, но нужно ехать... Судьба решила так...

— Нет, я не решаюсь войти в лодку, Нордн, я не решаюсь...

— Тогда и оставайся здесь, проклятая!

Оставайся здесь! Я довольствуюсь обществом этого гроба...

Он оттолкнул лодку от берега, но она успела еще в нее вскочить. Она не решалась оставаться одна в Шельботне, ставшей слишком ужасным местом.

Переезд через залив прошел благополучно и они без труда обогнули мыс Фрикволен, находившийся под защитой островков Свартфлик. Затем они очутились под ветром в открытом море. Волны стали огромными и вода казалась одновременно и белой, и черной.

Нордин осторожно сжимал перекладную руля и впивался глазами в морскую зыбь, по своей обычной оборонительной манере. Он думал только о лавировании и от этого ему было

легче. Но Ловисса дрожала и казалась более безумной, чем когда-либо.

На самом открытом месте руль сломался. Его как еще раньше дал трещину, но за нуждой по последнему времени Нордин не успевал что-либо починить. Не успел он еще вытащить запасное весло вместо руля, как лодка оказалась под волной и зачерпнула воды. Прежде чем он успел ее выправить, она была наполовину залита водой и больше не резала волну. А до земли было еще далеко-далеко... Гроб плавал в воде вокруг них и стучался об их колени. Ловисса, бледная, как мертвец, прижалась к мачте и стонала. Она ни на что не была пригодна, эта Ловисса!

Тогда Нордин произнес великое слово:

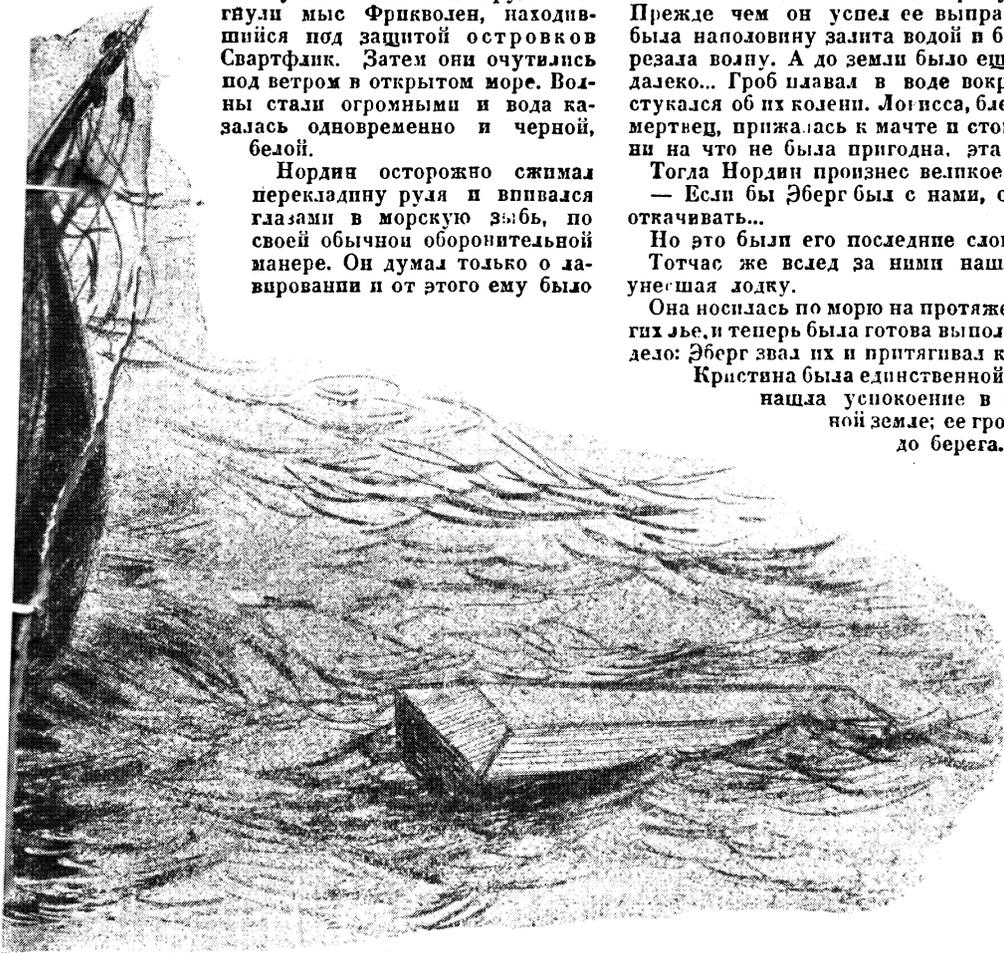
— Если бы Эберг был с нами, он мог бы откачивать...

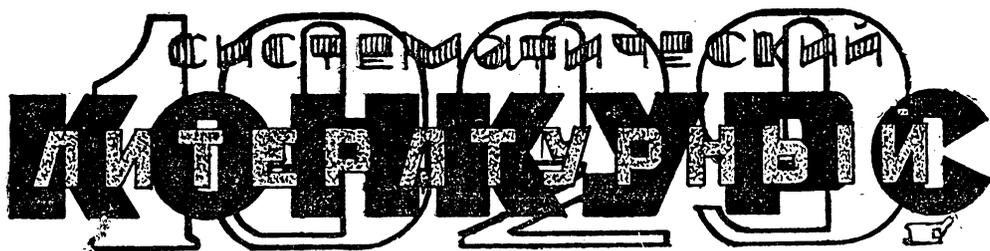
Но это были его последние слова.

Тотчас же вслед за ними нашла волна, унесшая лодку.

Она носилась по морю на протяжении многих лет, и теперь была готова выполнить свое дело: Эберг звал их и притягивал к себе.

Кристина была единственной, которая нашла успокоение в освященной земле; ее гроб доплыл до берега.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА № 4

В помещаемом ниже рассказе умышленно допущено много разнообразных ошибок. Некоторые из них чуть-ли не сразу бросаются в глаза, иные—нужно поискать, и еще думать хорошенько, где они скрыты, а может быть понадобится навести и кое-какие справки... Значит, от читателя, решающего задачу, требуется прежде всего пристальное внимание, затем сообразительность, некоторая начитанность и известная степень образования. В общем же—задача не трудная.

Решение нужно излагать так. Разделить страницу пополам. Слева, в порядке течения рассказа, писать неверную фразу, как она напечатана, справа—указывать ее в исправленном виде или пояснять, что в тексте неправильно.

За верное решение задачи будут выданы ТРИ ПРЕМИИ: 1-я — 50 р. деньгами; 2-я — Сочинения А. И. Куприна (8 кн. в переплетах) и 3-я — Сочинения А. С. Грибоедова (3 кн. в переплетах).

В случае поступления нескольких одного достоинства решений, будет брошен жребий между равными конкурентами.

УСЛОВИЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ № 4.

В Систематическом Литературном Конкурсе могут участвовать все граждане Союза Советских Социалистических Республик, состоящие подписчиками „Мира Приключений“. Рукописи должны быть напечатаны на машинке или написаны чернилами (не карандашом!), четко, разборчиво, набело, подписаны именем, отчеством и фамилией автора и снабжены его точным адресом. На первой странице рукописи должен быть приклеен печатный адрес подписчика с бандероли, под которой доставляется почтой журнал «Мир Приключений». Примечание. Авторами, состязующимися на премию, могут быть и все члены семьи подписчика, а также участники коллективной подписки на журнал, но тогда на ярлыке почтовой бандероли должно значиться не личное имя, а название учреждения или организации, выписывающей «Мир Приключений». Последний срок доставки рукописей—1 мая 1929 г. Поступившие после этого числа не будут участвовать в Конкурсе. Во избежание недоразумений рекомендуется посылать рукописи заказным порядком и адресовать: Ленинград, 25, Стрелянная 8. В Редакцию журнала «Мир Приключений», на Литературный Конкурс.

Всёдневник без головы

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ-ЗАДАЧА

№ 4

ТРИ ПРЕМИИ

Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

В столовой Управления Фряжско-Пряжской жел. дор., во время перерыва, шли завысокие разговоры:

— Петрова посылают в санаторий в Ставрополь.

— Который это Петров? Из службы сборов? Коренастый такой? Белобрысый?

— Ну да, а то какой-же еще?

— Есть другой Петров, из Финчасти.

— Тому лечиться поздно, еще умрет дорогой.

— Так, на кумыс значит? Какая ему бабушка воровит? В прошлом году попал в Ялту...

— В Ялте были оба Петрова. Петров из Финчасти там заболел — схватил злокачественную лихорадку, а потом — туберкулез.

— Вот и лечись тут!

Петров, Петр Петрович, когда ему сообщили о выпавшем счастье, не только не обрадовался, а даже приуныл. Дело в том, что его отпуск начинался в половине июля, а он в мае только женился. Везти с собой жену средств нет, оставить ее в Ленинграде — бесчеловечно. Когда Петр Петрович сообщил жене о предстоящей поездке, она надула губки:

— Поезжай, развлекайся... Что-ж, пожили довольно, насладились...

— Дорогая, я еще не решил. Подумаю. Вернее всего, откажусь.

— Ах, нет, нет! Я не желаю лишать тебя заслуженного отдыха, ведь он тебе так необходим... — она пронзически оглядела крепко сколоченную фигуру мужа и усмехнулась.

— Чтобы сказать — да, так — нет, — попробовал состричь Петров.

— Словом, поезжай. Я даже настаиваю на этом. Кавказ, природа, воздух... Когда еще представится такой удобный случай. А я, быть может, к маме в Москву съезжу. Жаль, мы не успели те две комнаты сдать...

— Я еще подумаю, Софочка.

В среду, 18 июня, Петров все таки уехал. А в воскресенье, 21, когда Софья Ивановна торопилась в Актрат на «Демона» с Собинным в заглавной партии, в передней позвонили и чей-то густой раскатыстый голос потряс всю квартиру:

— Где он, Петька-подлед? Дайте мне его, негодяя, я его до смерти заделую!

Софья Ивановна сильно спешила, боясь опоздать к началу. Она, как была, с раскатыстыми щипцами в руках, выскочила

в полутемный коридор и очутилась в объятиях какого-то гиганта. Пара неустовых поцелуев в губы, букет табаку в коньяком, возмущенный возглас Софьи Ивановны и пронзительный крик незнакомца...

— Как вы смеете!

— Тысячу извинений, гражданка. Я думал, вы — Петька-подлед. Вот, действительно, горячий прием — вы мне руку до кости прожгли.

— Что вам угодно? — возмущенно спросила Софья Ивановна.

— Вот странный вопрос! Ведь это квартира Петрова?

— Да, это квартира моего мужа.

— Так Петрушка женат? Ах, подлед! Отчего же он мне не написал? Разрешите представиться: Семен Семенович Серeda. Сводный брат и закадычный друг вашего мужа. Еще раз прошу извинить смешного и неуклюжего провинциала.

— Мой муж два дня как уехал на Кавказ лечиться.

Голубые глаза гостя удивленно раскрылись.

— Уехал? Это довольно странно... Пишет: приезжай, отдохни, есть комната свободная, а сам удрает. Впрочем, я рад, ему не мешает полечиться — заключил гость, протискиваясь в комнату.

— Это вышло довольно неожиданно, как бы оправдываясь сказала Софья Ивановна.

Серeda хлопнул себя ладонью по лбу:

— Припоминаю! Петруша еще в прошлом году писал, что собирается жениться. Мы с ним, впрочем, довольно редко переписываемся.

— Мы поженились в мае, а познакомились лишь в апреле.

— Поздравляю и вполне одобряю выбор моего братишки. Когда он вернется?

— Только через месяц.

— Ничего. Я пробуду здесь дольше. Остановился я в «Москве». Только что был в Управлении. В личном столе мне дали ваш адрес и вот... Извините за бесцеремонное вторжение... Честь имею кланяться.

— До свидания.

— Простите, уважаемая Софья Ивановна. Не найдется ли у вас какого-нибудь масла? Дело в том, что от вашего горячего приема у меня на руке вздулся огромный волдырь.

Софья Ивановна заметила, что она все еще стоит с завывальными щипцами в руках. Она попросила гостя пройти в комнату и перевязала ему сильно обожженную тыльную часть правой руки. Они беседо-

вали часа два и расстались настоящими друзьями.

— А что, Петрунька все такой же рассеянный и нелепый? Мы его еще в детстве прозвали: «Всадник без головы», с тех пор эта кличка так за ним и осталась, — смеясь сказал Середа.

— Мой муж очень сдержанный и хорошо воспитанный человек, — слегка обиделась Софья Ивановна.

— Этого я не отрицаю. Не в пример прочим, так сказать...

Сводный брат мужа очень понравился Софье Ивановне. Его сдержанные, обходительные манеры, его музыкальный вкрадчивый голос, какая-то неуловимая женственность во всей его субтильной фигуре, — произвели на нее неотразимое впечатление.

Сидя в театре и дожидаясь начала, Софья Ивановна перебирала в уме подробности встречи с Середой и пожалела, почему не пригласила его сопроводить ее в театр. Засыпая, она слышала певучий голос Середы и видела его жгучие, притягивающие глаза, его темные кудри. Письмо, которое она собиралась написать мужу после спектакля, — первое письмо, — так и осталось ненаписанным.

Спала Софья Ивановна беспокойно, ей было жарко и душно. Видела во сне сводного брата мужа с двумя головами: Собинова и его самого — Середы. Видела также мужа в костюме «Демона» и совсем без головы. Вспомнила кличку мужа: «Всадник без головы» — и подумала: ему так больше идет, а то он такой высокый!... Проснулась она очень поздно. Распахнула окна и полуодетая стала наблюдать оживленное уличное движение. Группа прелестных детишек возилась посреди улицы в песочке. Сердце Софьи Ивановны наполнилось удивлением, — она подумала, что к осени она сама должна стать матерью. Вообще в этот сияющий день все ей казалось таким счастливым и радостным.

За оглушительным звоном трамваев под окнами, она не слышала звонка в передней. Вошла прислуга Марьюшка — добродушная, однорукая инвалидка. — Софья Ивановна, вас там спрашивает этот... вчерашний блондин... Ни свет, ни заря притащился, — ехидно ворчала Марьюшка.

Софья Ивановна вышла в корридор.

— Великодушно извините за такой ранний визит, Софья Ивановна. Я хотел бы узнать адрес Петруши... Ставрополь, а дальше?...

— Адреса Петя я сама не знаю. Мы условились писать до востребования. А что вы зашли, это хорошо, будем вместе пить кофе, — улыбаясь проговорила Софья Ивановна.

Пили кофе. Гость отказался от сливок.

— Тогда может быть с коньяком? — предложила Софья Ивановна

— Благодарствуйте. Я ничего не пью.

— Вы удивительный мужчина. — улыбнулась хозяйка. — Пожалуйста курите, вот папиросы.

— Я не курю.

— Да вы прямо — уник! А я вот привыкла и отстать не могу.

— Что поделаешь, не научился.

Помолчали, украдкой наблюдая друг друга.

— Странное лето, — сказал гость. — Почти совсем не видим солнца, все дожди и дожди.

— Вы правы. Природа нас не балует.

Гость засиделся. После кофе перешли в гостиную, сели у затопленного камин. Курили, вели умные разговоры. Гость обратил внимание на книжный шкаф, полный книг:

— Сколько у вас книг!

— О, да! И я, и Петя любим книги.

— И Петя? Странно, когда это он успел пристраститься?

— Не могу вам сказать, — улыбнулась хозяйка. — Вероятно, уже давно.

— Что касается меня, я обожаю печатное слово. Я завидую только тем людям, которые имеют много книг. Боюсь, что это покажется вам манней. Из писателей-то я предпочитаю тех, которые славились своими книжными сочинениями, например: Руссо, Гюго, Золя, Мопассан, и которые все свое свободное время отдавали чтению. Не правда-ли, странно?

— Ничуть. Я вас понимаю. Я сама испытываю нечто подобное. Вот, Тургенев, например, превосходный писатель, а я чувствую к нему антипатию за то, что он ничем кроме собственных писаний не интересовался, а если что и читал, то ничего не помнил.

Когда эта тема была исчерпана, наступило долгое молчание, не нарушаемое ни единым звуком. Гость сидел, скромно положив руки на колени. Софья Ивановна невольно залюбовалась этими изящными, артистическими руками, такими выхоленными, без единого пятнышка. Середа заметил внимание хозяйки к нему и поспешил переменить тему разговора.

— Какое на вас прелестное платье, — сказал он. — Строгое, выдержанное...

— Простенькое, сама шила. Я для себя все делаю сама.

— А еще говорят, будто жены разоряют мужей.

— Не всякая жена. Простите, Семен Семенович, а вы женаты?

Лицо Середы затуманилось.

— Нет... Я никогда не был женат... То есть, видите ли, два года тому назад я должен был жениться, но с моей невестой случилась трагическая история: она ослепла в самый день свадьбы...

— Как? Совсем ослепла?

— Совершенно. Потеряла зрение на все 100%. Разумеется, мне это не помешало бы любить ее... Но она сама категорически отказалась. Она написала мне письмо, так как ей тяжело было бы меня видеть.

— Бедный, мне вас так жаль... И ее разумеется... Видите, я даже растрогана до слез. Ваша история напоминает мне развязку романа Диккенса: «Тайна Эдвина Друда»... Помните?

— Да, мне эта аналогия также пришла в голову. Разрешите мне откланяться, уже поздно, — сказал Середа после печальной паузы.

— Заходите, будем друзьями...

— Благодарю вас, непременно...

— Марьюшка, подайте гостю пальто и казюхи.

Час обеда уже прошел, но есть Софье Ивановне совсем не хотелось. Она взяла «Современную Утопию» Томаса Мура и погрузилась в чтение. После обеда настроение Софьи Ивановны резко изменилось. Она нервничала, не находила себе места и, чтобы несколько развлечься, решила пойти в балет.

Когда она уже оделась, услышала в прихожей незнакомый голос.

— Где тут помещаться-то? — говорил раскатистый женский голос. — Да разгрузи ты, мать, меня; эти проклятые узлы все руки оттянули. А носильщиков брать не по карману.

— Да вы к кому, гражданка? — спрашивала Марьюшка.

— Здравствуйте! Знаю, к мужу. Ведь здесь Петров живет? Петр Петрович?

— Здесь.

— Так чего же растобаривать. Мне на евоной службе адрес сказали. Ну, и веди прямо в спальню. А то малец совсем измучился. От Ялты дорога не близкая...

У Софьи Ивановны заняло сердце от предчувствия чего-то страшного. Она хотела выбежать в прихожую, но ноги ей не повиновались.

— Ты прислуга будешь? Как звать-то? А, значит тезки, — кричал прежний голос. — Да чего это Петруша-то не встречает?

— Петр Петрович уехати лечиться.

— Вот еще нежности...

Отворилась дверь и на пороге показалась довольно полная, очень бледная, но милостивая женщина, закутанная в вязаный платок и с ребенком на руках. За нею виднелось растерянное лицо Марьюшки.

— Вам что угодно? — дрожа спросила Софья Ивановна.

— Не видишь что? — Хозяйка приехала. Это, значит, столовая? Так... А здесь — спальня? Недурственно, мне нравится. А ты, неужто вторая прислуга? Или жилища? Да, да, помню, Петрушка писал, что съедет комнаты...

— Позвольте... Объясните мне... Кто вы, наконец? — лепетала Софья Ивановна.

— Говорю, хозяйка ваша, Марфа Саввична Петрова, дважды законная жена Петра Петровича: обзагненная — раз, повелчанная для прочности — два. В прошлом году, аккурат в мае, в Ялте с Петрушей обзаконились. А это — наш наследник. Павлушен-ка, скажи: агу!... Слышите, говорит: агу!... Замечательно умный мальчик, весь в отца, а весь только — только полгодика исполнилось. А вас как звать?

— Софья Ивановна... Петрова.. Дело в том, видите-ли.. что я тоже жена.

— Ничего нет удивительного, вы уже на возрасте. Под сорок, поди?

— Жена Петра Петровича — я! — истерично закричала Софья Ивановна. — В мае записались... И документы в порядке...

— А!... Значит, по нынешнему — несколько жен... я не ревнивая. А в документы вапи мне начхать! За мною первенство. Покамест жила я в Ялте, вы тут вазандались, мне же облегчение, а раз явилась к исполнению супружеских обязанностей — скатывайся, ищи себе нового любителя. Эй, Дарьюшка! Ребенку — кашку манную, мне — кофею покрепче, — в момент! Да дай-ка капот какой получше, вот вроде, как на заместительнице-то моей одет, уж больно ладненький.

Софья Ивановна хотела раскричаться, выцарапать этой краснорочей бабе глаза, вытолкать ее в шею за дверь, но ничего этого не сделала. Она заперлась в кабинет мужа, бросилась на диван и впала в жесточайшую истерку.

При новой хозяйке, к полудню того же дня, квартира Петрова изменилась значительно к лучшему, — приобрела более жилой вид. Спальня и гостиная, как флагами расцветились пеленками, развешенными на веревках. В кабинете весело шумели два примуса — с молоком и с кофе. Марфа Саввична в голубом шелковом капоте, который придавал румянец ее милостивому лицу, тут же в столовой занималась постирушкой. Маленький Павлик сидел на диване, в подушках, трепал книги и весело разговаривал сам с собою:

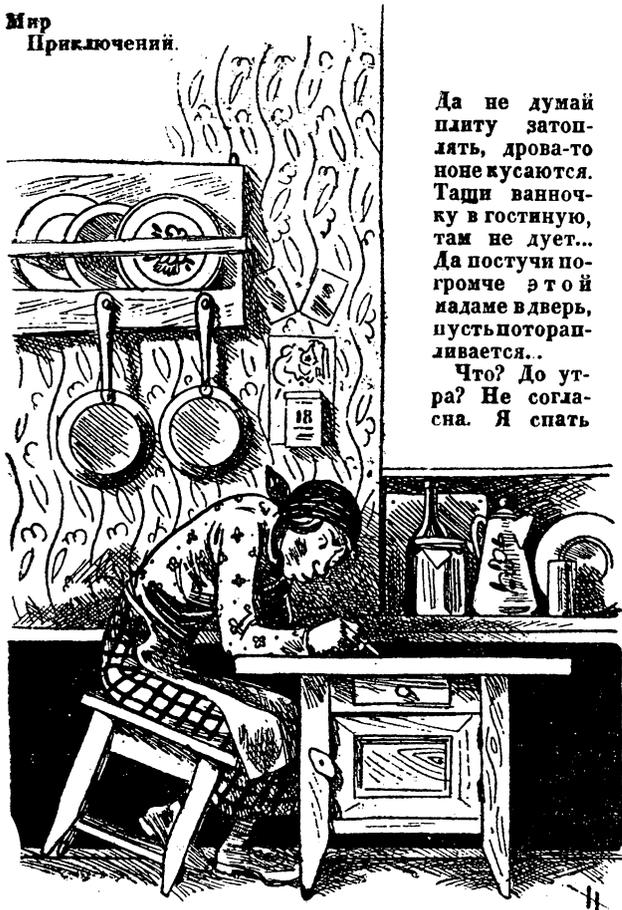
— Агу!... А-гу-а!..

Новая хозяйка деловито покрикивала:

— Марьюшка, подбавь Павлику книжек из шкафа, что покрасивше... Выплесни корыто... Поторопи квартирнику, чтобы выехала, — самим негде повернуться... Не смей форточку открывать, — дует. Пойсыйкай мальчика, он чего-то хочет... Утюги перекакала — разня... Пеленки не трогай, пеленки дело ответственное, я сама... Ванночку нагрей, сейчас Павлика купать будем.

Некто в халате долго вертел бумажки... — Вы не сюда попали...

Марьюшка надарапала телеграмму.

не могу, когда в доме посторонние. Некуда ехать? А что у вас гостиниц разве нет?

Софья Ивановна, так и не выходявшая из запертой комнаты, бледная и подавленная, с распущенными волосами, рыдала, лежа на диване:

— Подлец!... Двоеженец несчастный!... Нет, бежать, бежать от этого позора... Пусть будет счастлив со своей ягтинской выдрой и ее подлым змеенышем...

В двери, с двух сторон, раздавались яростные стук: из коридора — деликатные, совестливые, — это стучала Марьюшка, и из гостиной — громкие, властные — хозяйские.

Из всех способов передвижения самый располагающий к отдыху — пароход. Петров загорел и чувствовал себя превосходно.

— Приеду на место — первым делом на почту, — думал он, — вероятно, от Сонн есть уже письма.

— Скоро этот самый Ставрополь? — спросил он проходящего кондуктора.

— Вторая остановка.

— Вы не знаете, где здесь санаторий имени т. Семашко, Фряжско-Пряжской ж. д.?

— Не могу знать, мы едем дальше, сквозным.

Да не думай пилту затоплять, дрова-то noneкусаются. Тащи ванночку в гостиную, там не дует... Да постучи погромче этой мадаме в дверь, пусть поторапливается...

Что? До утра? Не согласна. Я спать

На станции тоже никто не знал. Верстах в пятнадцать, в горах, была какая-то санатория, но только, кажется, не имени т. Семашко и не Фряжско-Пряжской ж. д. Петров сел на пароходик, сновавший по спокойной горной реченке, и через полчаса высадился возле кокетливой дачки в ложно-классическом стиле. Над приземистым барочным порталом красовалась вывеска:

«Санаторий имени т. Сеченова, Звонско-Бубенецкой железной дороги».

Пониже красовалась латинское убедительное изречение:

«Mens sana sic transit».

Петрову не понравился мрачный вид санатория, однако он зашел в канцелярию и предъявил документы. Некто в халате долго вертел бумажки в руках, наконец, спросил:

— Сколько комиссий проходили?

— Четыре.

— Маловато. Проездом пользуетесь бесплатным?

— Бесилатным.

— Туберкулезом страдаете давно?

— У меня не туберкулез, а вообще.

— Тогда вы не сюда попали. Вам надо к тов. Семашко, а здесь — тов. Сеченов. Вам в Фряжско-Пряжский, а здесь — Звонско-Бубенецкий. Вам на кумыс, а здесь — виноград. Я хотя только санитар, а вижу полное несоответствие пунктов.

Петров поблагодарил собеседника за любезность, похвалил его вдумчивость, похвалил санаторий и пошел тою-же дорогой в город. На почте его ожидали письмо и телеграмма, то и другое от жены. Письмо было пространно, оно гласило:

«Дорогой Петруся!

Скучаю, страдаю, изнемогаю. За два дня истомилась. К концу месяца обязательно сойду с ума. И не возражай пожалуйста! Разве поехать к маме? Как ты посоветуешь? Целую, целую, целую. Твоя единственная Софи».

«P. S. Он уже шевелится»...

Телеграмма была без подписи, но Петров узнал почерк жены:

— «Бесчестный низкий человек желаю быть пристяжкой отрясаю прах переезжаю Москву проклиная тебя Аннибаловым проклятием каждый день бывает середа любит меня безумно синяя борода трепещи моей мести будущий мститель выдарапает глаза твоему змеенышу как я выдарапала этой селедке Марфушке нанавидающая Софья».

Петр Петрович, как пронзенный громом, опустился возле столика и, спросив графин горькой, залпом осушил его. Для него было ясно, что его ненаглядная Софи не выдержала разлуки и сошла с ума.

Какой-же нормальный человек станет уверять, что каждый день бывает середа? Состояние несчастного мужа было неопишимо. Скажем только, что даже сквозь винные пары его неотступно преследовал завуаленный образ той, которую он любил

безумно и которая теперь была сама — безумие. Необходимо было выяснить окружающую обстановку. Петр Петрович подбежал к окошечку, потребовал бланки и лихорадочно настроил две телеграммы: одну — родителям жены в Москву, другую — Марьюшке в Ленинград.

Первая гласила:

— «Москва, Прямоколенный, 13-31. Марьюшке. Заприте парадный. Остерегайтесь посторонних. Черный держите на цепочке. Опасаюсь квартиру. Отвечайте востребования Петрову».

Вторая гласила:

— «Ленинград, Столярный, 22, Петровым. Как дочь? Причина расстройства? Тихое или буйное? Чем пользуют врачи? Случае чего вернусь первого среду. Ответ не скучитесь. Петров».

Полученные ответы способны были привести в отчаяние кого угодно.

Ответ из Москвы.

— «Ваша теща Марья Ивановна непристойности стыдно целочки обрваны квартира давно коммунальная Петровы».

Ответ из Ленинграда:

— «Не дочь сын обжедся халвой справились сами пользовали касторкой буйства больше нет среда не ходит прежняя живет Москве новая везде дрыгает. Марьюшка».

По прочтении этих телеграмм под Петровым завертелась земля. Он не мог решить вопроса: он-ли сошел с ума или все остальное человечество?

Марфа Саввична влетела домой с растрепанными волосами, как львица с разметавшейся гривой. На нее страшно было смотреть. Это было олицетворение ярости, сама карающая Изида. Из глаз сверкали молнии, из разгоряченных уст паром вырывалось дыхание.

— Марьюшка! — закричала она. — Я не позволю над собой издеваться! Я дочь коллежского секретаря, я епархиальную гимназию окончила! Где прячется эта крымская обезьяна? Говори!

— Да что вы, матушка... Хлебните кофейку, успокойтесь...

— Чего ты пишишь, как устрица!.. Со знавайся! Где этот маринованный жолудь, этот ходячий насморк, эта одноглазая камбала?

— Перекреститесь, матушка, обеими руками! О ком вы это?..

— Да все о нем же, об этой чахоточной ялтинской вобле, о муженьке моем, изверге... Говори, где он прячется? Вы вместе меня морочите?

— Простите... не гневайтесь... грех попутал... Только и сообщила про халву, да про касторку, да еще о том, что Павлик — не девочка... А проживает Петр Петрович на фурурте, на станции Старополь, туда и телеграмм давала...

— Не финти! Я сквозь тебя вижу, да еще на три аршина в землю. Что ты мне про Ставрополь мелешь? Самолично видела, как этот твой висельник на Подъяческой

в конку вскочил, на ходу. Я цоп за вагон, бегу, кричу: «Держите, держите, вон того, что в пальтишке на рыбьем меху! Он и есть инквизитор, что от жены и дитяти, как молодой месяд бегаёт! Держите!» А тут откуда ни возьмись малиновая шапка, берет меня под мышки и говорит: «В Ленинграде, гражданка, говорит, скакать на ходу в трамвай не полагается, и гоните полтинник, а то потеряете». За что, говорю, тебе полтинник? А за то, говорит, что это для вас очень выгодное дело, попади вы под вагон — похороны куда дороже вскочат. Я, говорю, трудового происхождения и под мышками меня щекотать ты еще носом не вышел. А он отвечает: пожалуйста в участок, там это дело по иному обмозгуют». Пока мы кантелились — Петрушку Митькой звали. Вот он какой, аспид полосатый! Во-первых от жены дважды законной на ходу в трамвай сигает, во вторых, обеславил меня на всю Ивановскую, как, значит, граждане празднотающие вокруг собравшись, хари свои до ушей паяли и меня отжившим алиментом обзывали, а в четвертых — полтина из кармана так-таки и выскочила, — не тащиться же мне было в окошечко ихний. Говори, Марья, где изменщик скрывается, а то я вас вместе в острог упрячу!..

— На части колесуйте, — не вру. Сидят они на станции кавказской и о дочке своей, что Павликом прозывается, шибко тоскуют. Вот и телеграмм так показывает...

Марьюшка подала телеграмму Петрова № 2. Марфа Саввична сняла с головы ко сынку, прочла и уставилась на нее испытующим взглядом.

— Может он об отродьи «москвички» беспокоится? Говори, Марья, дочь или сына она ожидает?

— Не дано мне разуменья по акушерской части, Марфа Саввична. По простедки я так соображаю, что выяснится это лишь через девять месяцев.

— Так ты к обману не причастна? Сними икону, побожись...

Марьюшка тоскливо обшарила глазами корридор.

— Петр Петрович сами все иконы сняли, боялись — из начальства кто нибудь заглянет.

— Что мне делать? Как мне быть? — заплакала Марфа Саввична, опускаясь возле кровати ребенка, как олицетворение плачущей Немезиды. — Павлушенька, сынок мой ненаглядный, научи, любить ли мне отца твоего, как друга, или мстить ему как врагу?

— Агу!.. — сказал Павлушенька, хватая мать за нос.

— Батюшки! — всплеснула Марьюшка руками — Младенец и тот против отца!

— Вот что! — вскочила Марфа Саввична. Я ему полтинник не прощу! Еще пятерку выброшу, а узнаю, то-ли он по трамваям скачет, то ли на Кавказе сидит. Пиши телеграмму...

Под диктовку Марфы Саввичны Марьюшка надарила телеграмму:

«Ставрополь, востребования, Петрову. Отвечай где ты Ставрополе или Ленинграде, если Ставрополе обнимаю, если Ленинграде прокилинаю, сынок говорит агу, дважды законная жена Марфуша».

В конце Марьюшка украдкой приписала: «Насчет дрызганья пустяки, прежняя живет Середой».

Петр Петрович, который жил на телеграфе, получив эту тел-грамму, решил отправиться к психиатру. В приемной, где было много больных, какой-то молодой человек обратился к Петрову со странными словами:

— Дедушка, подвиньтесь немного...

— Извольте, внучек, — шутливо сказал Петр Петрович.

Молодой человек сел рядом, посмотрел пристально на него и участливо заметил:

— Лицо у вас совсем молодое, а волосы седые. Вам бы покраситься...

Петров бросился к зеркалу и ему стало страшно за себя: на него смотрело чужое лицо, бледное, точно осыпанное мукой, с серебряными волосами. Сердце его остановилось и кровь мгновенно замерзла в жилах. Она бессильно опустилась на ступ. «Какая печальная судьба!» — думал Петров в полумраке приемной. — «Я поседел в одну минуту... Меня преследует злой Рок... А еще говорят, что никакого Рока не существует... Нет, древние мысли глубже нас... Например, вся «Илиада» старика Гомера полна сетованиями на судьбу»...

Доктор, пожилой флегматичный человек, выслушав Петрова, категорически заявил:

— У вас неврастения, психостения, истерия и расстройством волевых импульсов. В соединении с имеющимся на лицо миокардитом, осложненным перикардитом и воспалением околосердечной сумки, картина получается безотрадная. Вы лечились? Какая непростительная беспечность. Это может окончиться весьма плачевно.

— Кроме того, доктор, я почему-то поседел моментально. Час назад, идя на телеграф, я видел свое отражение в зеркале у магазина. Мои волосы были черны, как ночь, а теперь видите...

Доктор был страшно близорук и до крайности утомлен. Он подумал.

— Да, это случается... Иногда люди седеют в одну минуту. Вы к автопегии никогда не прибегали? Жаль, это иногда дает хорошие результаты. У вас на лице все признаки афазии... Да... Так вот что... Я прошу вас санаторный режим, степной воздух, полный отдых и побольше кумыса. Вы не могли бы поехать в Ставрополь?

Петров подскочил, точно его ужалила змея:

— Доктор, ушпипните меня...

— Зачем это вам?

— Это необходимо. Если вам не трудно, ушпипните сильнее.

— Вы правы. Я забыл исследовать вашу чувствительность... Станьте так... Что вы чувствуете?

— Ой, — вскрикнул Петров.

— Все в порядке, — сказал доктор. — Как я и предполагал, все признаки гиперрестезии при общей анестезической конъюнктуры... Так вот, в Ставрополь и никаких...

— Но разве я не в Ставрополе? — несмело спросил Петров.

— Разумеется, вы в Ставрополе, но я подразумеваю Ставрополь Самарский...

Вдруг Середа вплыла глазами
в фигуру удальщика...

— Какой же я осел! — Петров хлопнул себя ладонью по лбу, — на пол посыпались какие-то белые хлопья, как будто просыпали коробку пудры.

— Скажите, больной, давно вы лягаете? — спросил доктор, близоручко всматриваясь в пациента.

— Фальшивая тревога, доктор! — засмеялся Петров. — Посеждение искусственное. Я вспомнил... Возле мучного кабаза грузчик стукнул меня мешком. Ну, а так как я хожу без шляпы, то понимаете?..

Доктор, видимо, не совсем понимал:

— Да, да... Разумеется, если этак ударит из-за угла мешком, то, конечно... Метафорически, понятно... Так вот, спешите исправить вашу ошибку, иначе может кончиться для вас плачевно, — волновался доктор, как истинный сангвиник.

Петров раздумывал, наконец сказал:

— Доктор, а что если вся моя болезнь, так сказать, — искусственное посеждение? Какие меры принять, чтобы вернуть утраченное спокойствие?

— Избегайте ходить там, где таскают мешки... Только и всего, — рассеянно ответил доктор, впуская следующего пациента.

Серeda и Софья Ивановна осматривали Петергофские фонтаны, бродили по парку, любовались многоцветными травами и полной грудью вили живительный воздух. Когда устали, опустились на траву.

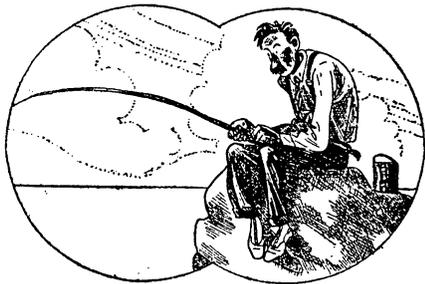
Семен Семенович не спускал с нее очарованного взгляда, ему нравилась ее прозрачная бледность.

— Ты сейчас похожа на мальчика, — сказал он. Эта стриженная головка, эта порывистость движений так к тебе идут.

— Ты находишь? — улыбнулась она.

Солнце только что село. Прямо перед ними в бледно-голубой небе маячил новорожденный серпик луны. Софья Ивановна посмотрела на него и задумалась.

— Ты веришь в лунеты? — спросила она. — Посмотри на лунный серп — совсем

буква С... А ведь меня зовут Софья, а тебя — Семен, да еще Семенович, да еще Серeda...

— А ведь действительно! — вырвалось у Середы.

Неожиданно румяное личико Софьи Ивановны затуманилось. Она вспомнила отсутствующего мужа... Ведь Ставрополь тоже начинается на С...

Чтобы прогнать тяжелые мысли, он сказала.

— Не покатайтесь ли нам на лодке?

— Восхитительно! Я сам хотел это предложить.

Они направились к морю, шумевшему вдали. Когда проходили мимо фонтанов, Софья Ивановна обратила внимание на радугу, висящую над водяною пылью фонтанов.

— Смотри, какая прелесть, — сказала она.

— Это — венец нашего счастья, — сентиментально шепнул Серeda.

Море светилось, как зеркало. Послезакатные сумерки набрасывали на водную гладь неуловимую матовую дымку. Когда лодка отплыла несколько от берега, Софья Ивановна, сидевшая на руле, сказала:

— Не нужно грести. Давай посидим смирно, помечтаем...

Лодка остановилась. Вдали, как чайки, распустившие паруса, скользили призрачные яхточки. Берег был пустынен. Только на одном из валунов, разбросанных по молу, неподвижно сидел одинокий удильщик. Семен Семенович в бинокль обозревал окрестности. Софья Ивановна задумчиво любовалась на свое отражение в воде. Вдруг Семен Семенович вздрогнул и впился глазами в одинокую фигуру удильщика.

— Не может быть!... тихо шептал он побледневшими губами. — «Всадник без головы»...

— Ты что говоришь, Семен?...

— А?.. Разве я что сказал? Нет, нет, тебе послышалось...

Софья Ивановна испытующе на него посмотрела:

— Семен, ты что-то от меня скрываешь... Почему трясется твои руки?.. Почему ты вдруг побледнел? Скажи мне все...

Семен Семенович некоторое время колебался, потом заговорил сбивчиво и взволнованно:

— Соня, дорогая моя, час испытания настал. Ты сейчас должна доказать мне, что ты действительно любишь меня.

— А разве ты сомневаешься?

— Нет, но... Взгляни на этого удильщика.

Семен Семенович передал ей бинокль. Она в недоумении уставилась на одинокого рыболова.

— Ты его видишь, Соня?

— Разумеется, вижу.

— Хорошо видишь?

— Как нельзя лучше.

— Взгляни теперь на меня...

Софья Ивановна повернулась. Серeda был так забавен в своей растерянности, что она невольно улыбнулась.

— В твоей улыбке мое спасение! — воскликнул радостно Серeda. — Значит я тебе больше нравлюсь?

— Какой ты странный, Семен. Какое может быть сравнение? Там сидит какая-то обезьяна, а ты — мой Апполон Бельведерский.

— Счастье мое! — горячо воскликнул Серeda и их уста слились в долгий поцелуй среди необъятного морского простора, залитого лунным светом.

Петров чувствовал, что ему не помогут никакие кумысы, пока он не выяснит положения жены. Он решил ехать в Москву и отправился на вокзал. «А кумыс можно достать и в станционных буфетах» — подумал он. — «Начну как я лечиться немедленно». Он так и сделал. Потребовал сразу две бутылки пива, с удовольствием осушил их и погрузился в забытие.

В Москве были очень удивлены появлением зятя. Жены у тестя не было. Он был сильно раздражен и все время тыкала зятю в нос его «неприличную» телеграмму. Здесь Петров выяснил, что вся неразбериха создалась в результате перепутанных им адресов на телеграммах, так как фамилия тестя была тоже — Петров. Несколько успокоенный Петр Петрович, сломя голову, помыкался в Ленинград.

31 июня, в 10 час. утра, он уже стоял у дверей своей квартиры, откуда доносился детский плач и чей-то сердитый женский голос. Отцовское сердце Петрова дрогнуло и наполнилось приятной теплотой. Он осторожно позвонил. Дверь открыла растрепанная незнакомая женщина. Он хотел войти.

— Куда прешь? — сказала женщина. — Трубы чистить я сегодня не позволю, — маленький болен. Придешь завтра.

— С чего вы взяли, будто я трубочист? — Облицье показывает. Весь, как чорт, в саже.

Петров вытер лицо платком. На платке ясно отпечатались черты его лица. Он вспомнил, что всю дорогу простоял на площадке первого вагона, — это была паровозная колотья.

— Вы — няня? — спросил он. — А как здоровье роженицы?

— Не заговаривай зубы, — сказала женщина и хотела захлопнуть дверь.

Петров просунул между створками ногу.

— Вы с ума сошли! — закричал он. — И муж хозяйки!

— Много у ней таких мужей! — ехидно усмехнулась женщина. — Теперь хозяйка здесь я. Ну-ка, проваливай, налетчик!.

Она коленкой выпихнула Петрова и закрыла дверь на крюк и на замок.

— Вышлите Марьюшку! — кричал Петров, барабана в дверь.

— Будешь ломиться — получишь утюгом по темячку, — донесся спокойный голос. — Коль ты Марьян хахаль, так в рынке ее лови.

Петров решил пока сходить в Управление. Кда он отворил дверь месткома, как пред Безымянный закричал ему:

— Товарищ Петров, вы еще не уехали? Это хорошо. Знаете, в мое отсутствие тут все перепутали. В санаторий следовало направить Петрова из Финчасти, тоже Петра Петровича, а они направили вас. Раз вы не уехали, то дело поправимое.

— Но я уже был на Кавказе...

— Кто говорит о Кавказе? Наш санаторий в Ставрополе Самарском. Гоните сюда направление...

Петров потоптался в местное, потом уныло побрел домой. По дороге вспомнил о лечении кумысом и сейчас же завернул в пивную.

На его опасливый звонок дверь открыла Марьюшка.

— Вот радость-то! — сказала она. — А мы вас завтра ждали. Идите скорее в столовую.

В столовой стоял плач, как на реках Вавилонских. Воинственная женщина рыдала на груди Петрова из Финчасти. Какой-то незнакомый мужчина утешал плачущую Софью Ивановну, а на диване источно заливался шестимесячный ребенок. При виде Петрова все замолчали, даже младенец перестал кричать.

— Петя! — бросилась навстречу Софья Ивановна. — Какое страшное недоразумение!.. Уж я не знаю, как и объяснить тебе...

— Позвольте познакомиться, — сказал мужчина. — Середа, Семен Семеныч. Во всем виноват, хотя и невольно, вот этот «Всадник без головы», мой друг, а ваш тезка по роковому стечению обстоятельств: Петр Петрович Петров. Переписывались мы с ним — на Управление, а своего адреса он, по рассеянности, не сообщил ни мне, ни своей жене, — вот этой милой даме. В Управлении нам указали ваш адрес и вот... Впрочем, остальное вам объяснит ваша супруга...

— Петя... неважный... Если что и было, то самое невинное... Честью клянусь, — плакала Софья Ивановна, пряча свое лицо на груди мужа.

— А я-то вас за трубочиста приняла, — покачивала головой Марфа Саввична. — Как ушли вы, Марьюшка с рынка вернулась, а меня в баню потянуло. Выхожу с шайкой и венником, а мой-то Петрунька тут, как тут, — тоже в баню собравшись. Обрадовались мы — и не до мытья... Вот, по телефону их вызвали из «Москвы», чтобы разобраться.

Середа похлопал Петрова из финчасти по плечу:

— Ну, что, «Всадник без головы», счастлив? Это мы его так в детстве еще прозвали, потому что с ним вечно случались какие-то нелепые недоразумения. Его бы в «Академию Нелепостей» «бессмертным» посадить. Читал я где-то, один миллиардер проектирует такую «Академию» открыть...

— Нет, друзья мои, — грустно сказал Петров из Службы Сборов, — если среди нас и есть «Всадник без головы», то этот «всадник» — я, и первое место в такой «Академии» по праву принадлежит мне...

Рассказ Л. ШАДУРНА

С француз. пер. В. А. РОЗЕНШИЛЬД-ПАУЛИНА

Иллюстрации А. САВВИНА

Помещаемый рассказ представляет собою посмертное произведение молодого французского писателя Луи Шадурна, недавно умершего после продолжительной и тяжелой болезни.

Кроме книги, из которой извлечен этот рассказ, Шадурн написал четыре романа; из них три («Земля Ханаанская», «Где рождаются циклоны» и «Тревожная юность») переведены на русский язык.

Шадурн был знатоком Южной Америки и с необыкновенной художественной силой умел передавать быт и природу этой еще малоизвестной страны.

Охота не дала ничего. Усталые и вспотевшие тюремные надзиратели возвращались к лесному складу, волоча свои дубинки и ругая собак, которые, опустив уши и высунув языки, со смущенным видом плелись за ними, как будто стыдясь того, что не сумели напасть на след дичи. А дичь, которую упустили сегодня, была далеко не простая!...

День выдался тяжелый.

— Чорт возьми!—ругался бригадир Симиони, с которым никто не мог сравниться в искусстве отыскивать беглых каторжников,—надо же, чтобы он оказался таким хитрецом!

— А ведь прибыл с последней партией,—сказал надсмотрщик Фурбелгар.—Всего лишь пять недель! И уж попал в разряд неисправивших!

— Э!—возразил Симиони,—я спокоен за его судьбу. Если он не подохнет в лесу, то его сожрут акулы. Выбор у него есть.

Короткие сумерки спускались над саванной цвета ржавчины. Орлы-стервятники, с лишенной перьев шеей, описывали в небе плавные круги. Последние партии каторжников выходили из леса, смыкавшего вокруг лагеря широкое кольцо из мрака и лиан. Одетые в хаки надсмотрщики, в тропических шлемах и с револьверами у пояса, со всех сторон окружали каторжников в широкополых соломенных шляпах и просторных серых куртках, а некоторых даже полуголых, скованных по три вместе и вызывавших при каждом движении звон железных цепей. В отдаленной части леса, на

болотистой местности, где от земли поднимались вызывавшие лихорадку испарения, расположены были аванпосты каторги, карательный лагерь, знаменитый лесной склад Кован, куда посылались бунтовщики, непокорные и неисправившие. Работать приходилось в кандалах, или без них, по двенадцать часов в сутки, в паровой бане, которую представляли собой джунгли. Резкие свистки собрали вместе отдельные партии и весь отряд направился к баракам.

* * *

В лесу, когда он бежал с работы, ему удалось унести саблю для расчистки пути среди зарослей. Теперь он пробирается сквозь гущу лиан и ветвей. Слышно, как свистит сабля, рассекая воздух справа и слева. Наступает ночь.

Кусок цепи висит на его лодышке, подвязанный обрывком грубых холщевых штанов. Беглец двигается на четвереньках; он должен избежать тропинок и пробираться сквозь чащу девственного леса. Лицо у него испарашано, ноги в крови, пот градом каплет с бритого лба. Это он в течение целого дня сбивал со следу собак; это он, тот зверь, которого так хотели затравить. Теперь ночь раскинула свою сеть, чтобы в свою очередь поймать его.

Но ему удалось выбраться за пределы тех, хорошо известных тропинок, где тюремные надзиратели могли еще искать его, и, преодолев величайшие трудности, он достиг реки.

Укрытая под огромными корнями прибрежных деревьев ждала его заранее приготовленная пирага. Сообщник, бывший каторжник, организатор побегов, спрятал ее здесь вместе с веслами и небольшим запасом провизии. На этой лодке, имея с собою кувшин воды и галеты из маниока, беглый должен был спуститься вниз по реке до самого моря и дальше, уже по морю, добраться незамеченным прибрежными постами до владений какого-нибудь другого государства. Тогда он был-бы свободен.

Долго и труден был путь по реке. Разнообразные опасности ежеминутно грозили ему, но, наконец, он выплыл на морской простор и полной грудью вдохнул наполненный солеными испарениями воздух. Тогда он стал грести изо всех сил, чтобы поскорее удалиться от берега. Но к этому времени запас провизии подошел к концу, а горло стало пересыхать от жажды.

Море было спокойное, но длинные волны вздымались утлое суденышко, и весла один раз из двух прорезывали только воздух.

Потом ему пришлось испытать беспредельный ужас мрака; вокруг него был хаос фосфоресцирующих волн, бороздивших океан целых холмов воды с беловатыми гребнями на вершине. Волны увлекали лодку и захлестывали ее хрупкие борта и руки беглеца были бессильны бороться с относившим его течением. Одна из волн, более сильная, чем другие, вырвала плохо закрепленное весло. Кувшин с водой был пуст, и беглец понял, что его попытка была безумной; море поиграет с ним еще несколько часов, а потом наступит конец: или он утонет, или наступит агония от жажды.

Он уснул. Лодка вертелась в зеленоватых водоворотках, отдавшись течению и унося одуревшего от усталости человека.

Обжигавшие ему затылок горячие лучи разбудили его. Солнце уже высоко стояло над горизонтом. Он подумал о начинавшемся дне, о длинных часах среди жары в беспредельном просторе, о предстоящей медленной смерти. От голода и страха желудок его судорожно сжимался. Летящие рыбы, как молнии прорезывая желтоватую и колеблющуюся поверхность моря, выскакивали из воды. Он пытался поймать одну из них на лету, но лодка чуть не опрокинулась. Струя справа от лодки привлекла его внимание.

— Акула! — подумал он.

Через некоторое время струя появилась слева.

— Они следят за мной. Они больше не упустят меня.

Ему когда-то рассказывали, с каким верным инстинктом и как упорно акулы следовали за потерпевшим кораблекрушение.

Если бы только мимо прошел корабль!.. Но никакого корабля не было. Прикрыв глаза ладонями от яркого света, беглец оглядывал пустынную поверхность моря. Поверхность океана была совершенно гладкой и ее однообразный вид нарушала лишь

наносная грязь, испещренная черноватыми водорослями, липкая, горячая, без единого, цветного пятна, точно громадная лодань, где бродили протоплазмы, споры, клеточки, словом все, что составляет плодородие теплых морей.

Машинально он снова начал грести своим единственным веслом. Это может быть заставит удалиться акулу. Но, делая эти бесполезные усилия, беглец не может ни бороться, ни даже забыться. Он зовет, выкрикивает свое отчаяние бесконечному простору, невидимому и немому врагу, настойчиво следящему за этой неразумной лодкой. Но кругом только тишина... тишина... одна тишина.

Под вечер на горизонте, точно на краю зеленоватого озера, появился небольшой дымок. Беглец сорвал свои лохмотья, привязал их к концу весла и стал размахивать этим флагом отчаяния. Но дымок исчез за горизонтом и море, цвета ежевики, медленно поглотило солнечный диск.

А когда наступила ночь, беглец понял, что значит ощущение Великого ужаса.

Как бы угадывая чутьем тайну ветра и волн, рождавшихся из глубин, он понял, что должно что-то случиться. Со всех сторон горизонта собирались темные массы, изборожденные медно-красными и желтыми как сера полосами и замыкали зеленоватое озеро, сохранившее еще свой чистый химерический блеск. Как раз над беглемом сверкала звезда. Инстинктивно он поднял голову и увидел, как черная, точно сажа, завеса закрыла и озеро, и звезду.

Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Над морем царил такая тишина, что, казалось, будто жизнь замерла во всем мире. Под удушливым покровом темноты на небе погас последний отблеск света.

Но вдруг послышался отдаленный свист, как будто откуда-то вырвались пары, затем какой-то страшный шум, точно разрывали сразу тысячи аршин шелка и, наконец, раскаты грома.

Лодка понеслась по вертикальной плоскости и беглец увидел перед собою громадную стену фосфоресцирующей воды. Можно было подумать, что море поднялось на дыбы.

Беглец открыл глаза.

Он лежал на склоне небольшого холма из красной глины. В нескольких согнутых метрах от него пенились волны прибоя. Берег был усыпан рыбами, водорослями, разными обломками, раковинами и широкими плоскими медузами, сверкавшими на солнце. Черная масса какого-то большого морского животного также сверкала на влажном песке. Беглец был весь опутан скользкими водорослями. Нахлынувшие на берег волны принесли его сюда и, отхлынув, оставили на песке вместе с мертвыми дельфинами и медузами. Все его тело было покрыто снысками, а рана на ноге наводила на мысль, что его порядочно ударило о прибрежные камни.

Понемногу он начал вспоминать все, что произошло. Обрывок цепи, болтавшийся на

лодыжке, напомнил ему, что он продолжал еще быть беглым каторжником и что лучше было бы очутиться в пасти акулы, чем снова попасть в руки тюремных надзирателей. Но куда же, все-таки, выбросило его море? И не сообщено ли уже о нем?

Окружавшая его местность была ему совершенно незнакома. Он был так истощен, что едва волочил ноги. Группа кокосовых деревьев к счастью дала ему возможность утолить жажду. Он тут же и умер бы на месте, если бы не проглотил немного влаги. Собрав раковин, он настолько подкрепил силы, что мог доползти до вершины холма.

Он находился на лесистом и обитаемом острове. Сквозь зелень виднелись какие-то жадкие хижины, крытые сверкавшим на солнце толем. Но не было никаких признаков культуры, никаких звуков, говоривших о работе. Деревня казалась погруженной в сон. Беглец решил не двигаться с места до наступления темноты.

Когда опустели сумерки, он осторожно дошел до леса, а затем пробрался через него и очутился на лугу, покрытом высокой, колеблемой ветром травой. Над сделанным из ветвей шалашем поднимался небольшой дымок. Этот дымок указывал на пристанище и ужин. Беглец был голоден, полугол и совершенно истощен. Если бы в нем сохранилось хоть немного силы, он составил бы план нападения. В шалаше можно найти ружье, порох, тафия¹, а этого достаточно, чтобы сохранить жизнь. Но он чувствовал себя слабым, как ребенок, мускулы его были парализованы, желудок пуст и мучительно ныл. Лежа в густой траве, он ждал, не выйдет ли кто-нибудь из шалаша. Оттуда вышла высокая негритянка, одетая в лохмотья, с головой, повязанной выцветшим мадрасским платком и, бросив взгляд на лужайку, подкинула несколько сухих ветвей в огонь, после чего скрылась в шалаше.

Беглец осторожно подошел к шалашу. Он увидел подвешенный к двум колыям гамак и женщину, которая качалась в нем, подложив руки под голову и посасывала кусок сахарного тростника, равнодушная к мраку, к опасности и беззащитная. Последние от блески вечерней зари погасли на саванне.

¹ Тафия—туземная водка.

Беглец подумал: «Напасть разве на нее? Нет, у меня не хватит на это сил». К тому же в шалаше ничего не было, кроме небольшого количества маниока и разбросанных лохмотьев.

Шалаш был освещен лишь огнем костра. Беглец встал и сразу очутился в полосе красного света, худой, истощенный, с блуждающим взглядом. Женщина даже не шевельнулась и лишь устремила на белого свой взгляд. Он схватил ее за плечи.

— Не бойся! Я не сделаю тебе никакого зла. Дай мне поесть.

Она продолжала лежать неподвижно.

— Послушай!— сказал он. Ты понимаешь? Есть!

Она засмеялась и ткнула его пальцем в грудь.

— Ты каторжник, беглый?

— Да,— ответил он с раздражением,— беглый... Море выбросило меня сюда. Куда я понал? Я голоден...

Его глаза сверкали, как у волка, но в руках не было никакой силы. Женщина резким движением высвободилась из его рук, выскочила из гамака и, скрестив руки на груди, крикнула:

— Каторжник! Беглый!

— Довольно!— сказал он.— Дай мне есть, слышишь!

Она протянула ему несколько галет из маниока. Беглец с жадностью съел их, выпил из тыканной бутылки и повторил:

— Где я?

Вместо всякого ответа негритянка рассмеялась и в этом смехе было что-то такое странное и неприятное, что беглец невольно вздрогнул и оглянулся.

Ночь звучала диками. Шум прибоя служил аккомпаниментом к металлическому

треску насекомых. По временам раздавался крик ночной птицы или похоже на мычание кваканье лягушки-вола. Беглецу припомнились жаркие ночи на каторге, в душевой казарме, и он невольно подумал:

— Предаст она меня или нет?

Она протянула ему кожаную фляжку.

— Тафия, — сказала она, — пей. — Он выпил большой глоток.

— Уф! — воскликнул он, забирая грудью воздух. — Еще!

Голова его опустилась на грудь.

— Ты... спать здесь, — сказала женщина и указала на гамак.

— Где я? — повторил беглец.

— Ты разве не знаешь?

Он едва держался на ногах от усталости.

Она подтолкнула его к гамаку.

— Ты спать. Ты оставайся здесь. Ты больше отсюда не уйдешь.

— Отчего? — слабым голосом спросил он.

— Ты оставайся здесь, — повторила она.

— Мне нужно спастись. Мне нужна лодка!

— Здесь нет лодки! — засмеялась женщина.

«Она смеется надо мной» — «она предаст меня» — подумал он, — и схватил ее за горло.

— Скажи мне, куда я попал? — Говори! Или я задушю тебя!

Она старалась высвободиться из его рук, но он сильнее сжал пальцами ее шею. Тогда она до крови укусила его в плечо. Лицо

Но он уже спал. Она подкинула хворосту в костер и, усевшись на траву, стала глядеть в темноту.

* * *

Проснувшись на следующее утро, беглец увидел негритянку, которая жарила бананы на костре. Она не предала его. Поев, он почувствовал прилив какой-то нежности.

— Послушай, — стал он умолять ее, — скажи мне, где я?

— Лучше не знать, — ответила женщина, после чего добавила, ворочая белками глаз:

— Ты никогда не уйдешь отсюда, красавец мой!

Подкрепленный едой и сном, беглец чувствовал, как к нему возвращаются силы.

его исказилось от боли и он выпустил ее. Она же закричала:

— Ай! ай! Ты уже отмечен, ты гнилой, ты умрешь, красавец мой!

И, продолжая смеяться, показала ему свои розоватые, изъеденные проказой пальцы.

В нескольких милях от берега, отмеченный постоянно горящим огнем и отдаленный от остального мира, среди илстых вод, где кипят акулы, возвышается, точно залитый кровью, остров Красного Холма.

Остров Красного Холма принадлежит Проказе.

Беглец снова направился к морю. Бригадир Симони оказался хорошим пророком.

ЖЕНЩИНА „СИНЯЯ БОРОДА“

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ИЗ ВРЕМЕН ЛЮДОВИКА XIV. — А. В.

Предлагаемый здесь рассказ о женщине — «Синей Бороде» не является досужим романтическим вымыслом. Он целиком основан на подлинных рапортах, донесениях и других документах полиции французского короля Людовика XIV и, в сущности, автором повествования в значительной степени, — как признает это и сам А. В., напечатавший этот рассказ, — является заведывавший архивом полицейской префектуры в Париже, г. Пешэ. Этот усердный чиновник, стоявший во главе архива с 1780 г. до 1800 г., известен, как усердный и бескорыстный работник, отличавшийся между прочим полным отсутствием воображения. Он был машиной, стремившейся только к тому, чтобы собирать и классифицировать бесчисленные дела, с которыми сталкивалась полиция в дни королевского режима.

Все документы, подобранные Пешэ и свидетельствующие о чудовищной развращенности нравов королевского двора, дворянства и всех, кто следовал их примеру, не могут быть здесь напечатаны целиком. В досье содержатся ужасающие, отвратительные подробности.

Но рассказ интересен не только своей фабулой. Он так характерен для королевской Франции, для нравов той эпохи, и действующие лица его — все исторические. Лекок несомненно был главным агентом, — или *touchard*, как презрительно звали в те дни сыщиков, — Ла-Рейни, первого лейтенанта парижской полиции. Брат короля, власть которого была почти не меньше власти самого монарха, назывался кратко «Мосье», а два его друга, вмешательство которых окончилось так трагически, были дворяне, славившиеся своими интригами и приключениями.

Кто на самом деле была княжна Ябируска, позднее известная как лэди Гайльфорт, — никто, повидимому, никогда не узнал. Несомненно одно, что она была англичанка, хотя и долго жила во Франции. Портрета ее не сохранилось, но описание, данное главным действующим лицом драмы, сыном Лекока, прозванным Лэвельр, достаточно ярко.

Надо помнить, что в семнадцатом веке закон и порядок только что стали возникать из хаоса. Правосудие можно было всегда купить, а полиция закрывала глаза, или отворачивалась, если беззаконие совершалось дворянином. Зато кары были жестоки и безжалостны, если обидчик оказывался рядовым скромным гражданином.

Во времена Людовика XIV уличного освещения в Париже не существовало вовсе и каждый пешеход пробирался по улицам с собственным фонарем. Единственной защитой, дарованной королем населению Парижа против шаек грабителей и убийц, был «*Le guet*», т. е. караул. Но любовные похождения развратного двора делали службу караула очень неблагоприятной. Горе караулу, если он арестовывал аристократа, приняв его за простого горожанина.

Ла-Рейни, фаворит при дворе, действовал почти как ему вздумается и большею частью пользовался своими людьми для собственных надобностей. Должность на-

чальника полиции была прибыльной, и хотя он и делал вид, что борется с бандитами, но те из них, которые могли подкупить караул и платить за то, чтобы к ним отнеслись снисходительно, продолжали без помехи свою разбойничью жизнь.

От времени до времени, чтобы умиротворить граждан, какое-нибудь незадачливое существо публично отправлялось палачом к праотцам. Судебного разбирательства в сущности не бывало. В теории нельзя было подвергнуть смертной казни человека, не попавшегося с поличным или не признавшего себя виновным. Но признания добивались всегда, когда это требовалось. Смерть

была предпочтительней продолжительным мучкам «допроса». Допрос этот часто обозначал... жесткую кожаную трубку, насилино вставленную в горло жертвы грубым помощником палача. В эту трубку вливалась вода, ковш за ковшем.

Таков был Париж в славное царствование Людовиков. Но хотя население и приучили страдать молча, наступило время, когда возмущенные крики, раздавшиеся в городе, достигли даже до золоченого Версальского дворца. Бесследно исчезли сыновья более чем двадцати богатых парижских купцов. Каждый раз передавали одно и то же. Покрытые золотом и драгоценными камнями, молодые люди выходили из дому в погоне за флигельными приключениями и больше не возвращались. Наконец, столько семей стали оплакивать исчезновение своих сыновей, что ужасная тайна сделалась единственной темой разговоров. Она обсуждалась во всех кафе и винных лавках. Родители выпускали своих сыновей на улицу только в сопровождении вооруженных слуг и королю была послана настоятельная петиция.

Кончилось тем, что Ла-Рейни был вызван к королю и получил строгий выговор за неумение укротить злоумышленников. Он вернулся в Париж в сильном волнении и тотчас же призвал на совещание Лекока, ловкого сыщика, только недавно взявшего на себя начальство над новой полицейской бригадой. Результатом был продолжительный и горячий разговор. Лекок заявил, что его патрули постоянно разбегаются по улицам, что не произошло ни одного убийства, о котором он не знал бы, и что пропавшие юноши, вероятно, стали жертвами любовных приключений. В конце концов Лекок, который был страшно жаден, сдался на уговоры Ла-Рейни, обещавшего ему богатое вознаграждение и почетное отличие, если он узнает, что произошло с молодыми людьми.

— Я вижу только один способ.— У меня есть сын. Ему восемнадцать лет. Он очень умен и красив. Он — все, что осталось у меня после смерти жены, но я никому другому не доверяю. Он будет приманкой, потому что я убежден, что тут дело женских рук.

— Так идите, — сказал Ла-Рейни, делая таинственный знак, дававший агенту неограниченную власть. — Идите и объясните все вашему сыну. Если ему удастся поймать женщину и ее сообщников, будущее его обеспечено.

Лекок ушел со вздохом. Богатство и положение были соблазнительны, но он любил своего сына Экзюпера, которого соседи прозвали Лэвельэ, т. е. «Живчик». До сих пор молодому человеку разрешалось ходить по Парижу только в сопровождении одного или двух сыщиков. Но было очевидно, что эта женщина-убийца, в существование которой Лекок твердо верил, была очень хитра. Никто никогда не видел ее, да и никто не помнил, чтобы исчезнувшие юноши разговаривали на улице с какой-

нибудь женщиной. Сыну его, если он захочет играть роль приманки, придется идти на некоторый риск.

Наедине с сыном, который разделял любовь отца к профессии сыщика, Лекок дал ему самые подробные инструкции. Он оставил сына спрятать в карманы пары отличных пистолетов и скрыть под одеждой шпагу, которая полагалась в те дни только дворянину. Вооруженный и богато разодетый, Лэвельэ пустился в путь.

Несколько дней он безрезультатно бродил возле Палаэ Ройаль, в Люксембургских садах и других модных местах. Много томных женских взглядов провожало его стройную фигуру, но ни одна из этих женщин, по его мнению, не принадлежала к типу убийцы исчезнувших молодых людей.

Лэвельэ уже начинал терять терпение, когда однажды внимание его обратила на себя прекрасная девушка. Ее сопровождала пожилая женщина, повидимому, служанка или гувернантка.

Блестящие черные глаза девушки и ее грациозная походка заставили его круто повернуть, чтобы не потерять обеих из виду. Дважды он, как ни в чем не бывало, обгонял женщин, разглядывая их из-под полей шляпы, делая вид, что стряхивает пыль со своих нарядных манжет. Он не ошибся. Девушка, которой было не больше 25 лет, была очаровательна. Повидимому, он возбудил ее интерес, потому что она остановилась, сказала что-то своей спутнице и потом медленно пошла дальше. Служанка же следовала за ней.

У Лэвельэ не было недостатка в смелости, но отец предупредил его, чтобы он ни с кем не заговаривал первый. Женщина, которую они ищут, несомненно сама делает первые шаги. Лэвельэ сел поэтому на одну из многочисленных скамеек, — они находились теперь на набережной Сены, — и ждал, глядя на изящную женскую фигуру. К его огорчению, она быстро повернула назад и он готов уже был следовать за ней, когда увидал, что к нему направилась ее служанка. С видом полного равнодушия к его присутствию, женщина села на скамейку рядом с ним.

Лэвельэ приподнял с поклоном шляпу и пробормотал какую-то вежливую фразу. Женщина ответила, незаметно разглядывая его, точно желая определить его общественное положение.

Лэвельэ глубоко вздохнул и произнес с печальным видом:

— Увы, мадам, как грустно быть одиноким и чужим в этом большом городе. Будь у меня тут друзья, я бы без сомнения нашел кого-нибудь, кто представил бы меня очаровательной девушке, вероятно, вашей хозяйке. Но я никого не знаю.

При этих словах женщина с живостью обернулась.

— Так вы не парижанин? Сколько времени вы здесь живете?

— Всего несколько дней, — бойко гнул Лэвельэ. — Мой отец — богатый фермер в Ле-Мане. Он послал меня в Париж изучать

право. Но хотя он и дал мне полные карманы золотых гуидоров и эти прекрасные часы, цепочки и кольца, они не утешают меня в моем одиночестве. Я много бы дал, чтобы познакомиться с вашей хозяйкой. Кто она?

— Если вы желаете встретиться с ней, это можно устроить. Она дочь польского князя, имя ее княжна Ябируска, хотя князь, вернувшийся на родину, чтобы получить разрешение на брак, и умер прежде, чем успел жениться на ее матери, которая была простолюдинкой. Грустная история! — старуха притворно смахнула слезу. — К счастью, верные слуги князя передали ей все огромное состояние ее отца. Счастлив человек, который заслужит ее любовь. Она так же прекрасна, как и богата.

— Вы заставили меня еще больше желать встречи с ней. Что я должен сделать?

— Вы встретитесь со мной сегодня в десять часов вечера у церкви Сен-Жармен Локзероа, — наклонившись к Лэвельэ зашептал женщина. — Ваша благородная внешность произвела сильное впечатление на мою хозяйку. Она тоже одинока и послала меня узнать, кто вы. Но вы не должны иметь при себе шпаги. Отец ее умер от меча врага, и вид этого оружия ненавистен княгине. До свидания, до вечера. Не забудьте украсить себя всем, что у вас есть. Много дворян старались победить ее, и вы должны произвести хорошее впечатление.

С этими словами женщина встала, и не успел Лэвельэ решить, что ему делать, как она уже исчезла за множеством будок уличных торговцев. Тайственное поведение женщины, ее интерес к его богатству и одиночеству, убедили Лэвельэ, что он, наконец, встретил свирепого вампира, погубившего столько молодых жизней. Лэвельэ торжествовал. Он сейчас же отправился к отцу и подробно рассказал ему все, что произошло.

Лекок разделял мнение сына. Он немедленно вызвал двенадцать самых надежных из своих агентов и сделал нужные приготовления, чтобы захватить незнакомку.

Несмотря на предупреждение женщины, Лэвельэ взял с собой шпагу и два пистолета. На шею ему повесили серебряный свисток.

Люди Лекока привыкли выслеживать незаметно. Им было приказано занять позиции в темных аллеях и развалившихся домах возле церкви, чтобы быть готовыми кинуться на помощь молодому человеку при первом же звуке его свистка.

Задолго до назначенного часа, как и полагалось нетерпеливому поклоннику, расхаживал Лэвельэ взад и вперед перед мрачным порталом церкви. Ночь была темнее обычного. Тучи закрывали луну и звезды, и резкие порывы ветра заставляли мигать огни фонарей прохожих.

Лекока и его агентов не было видно. Это было хорошо, потому что Лэвельэ чувствовал, что за ним наблюдают. Он уже стал

думать, что женщина испугалась, когда вдруг мимо него прошла фигура, закутанная в плащ с капюшоном. Фигура схватила его за руку и прошептала:

— Следуйте скорей за мной!

Это была служанка красавицы.

— Тут опасно оставаться, — продолжала женщина. — Помните, что честь княжны не должна пострадать. Или идите со мной, если хотите ее видеть, или оставайтесь. Я не могу задерживаться.

Притворяясь недовольным этой будто бы изишней тайственностью, молодой человек пошел рядом с женщиной. На углу улицы она остановилась и резко сказала:

— Вы, конечно, понимаете, что моя хозяйка не может вас принять в своем дворце. Там всегда на чеку толпа поклонников и слуг. Она приказала мне завязать вам шарфом глаза.

На этот раз Лэвельэ нашел нужным выказать некоторую решимость.

— Мой отец предупредил меня о таких штуках до моего отъезда в Париж, — сказал он. — Я очень хочу встретиться с княжной, но вы должны положиться на мою честь. Я чужой в этом огромном городе и уже поэтому никогда бы не нашел снова дороги к тому дому, куда вы меня ведете. Я уже и теперь не имею понятия, где мы находимся.

Женщина пробормотала какое-то проклятие и, ухватив юношу за рукав, потащила его за собой. Торопливо проходили они улицу за улицей. Наконец они остановились перед облупившимся, угрюмым домом в узком переулке.

Женщина вытащила из рукава огромный ключ, отперла дверь и втокнула в нее своего спутника. Дверь сразу захлопнулась за ними. Лэвельэ очутился в непроглядном мраке и уже раскисал в своей необдуманности. Нет сомнения, что именно так погибли все те молодые люди, — думал он.

Каждое мгновение, спотыкаясь на ступенях ветхой лестницы, по которой его вела служанка, Лэвельэ ждал удара по голове или петли на шею. Он судорожно сжимал свою шпагу и готовился к отчаянной борьбе. Но ничего не произошло, и вскоре у ног его заблестел свет и странно мускулистая рука втокнула его в большую, роскошно обставленную комнату.

После мрака на лестнице Лэвельэ ослепил свет канделябр, стоявших у зеркала в глубине комнаты. Но все же он сразу заметил восточные ковры и занавеси, украшавшие пол и окна. Стол и стулья были инкрустированы слоновой костью, а широкий, большой диван у стены был покрыт вышитыми китайскими шелками. Незнакомый одуряющий аромат наполнил воздух.

Первое мгновение Лэвельэ думал, что он один, но когда он обернулся, чтобы посмотреть, что сталося с его проводником, на диване раздались шуршание шелка, покрывало было откинута и Лэвельэ увидел поднимавшуюся медленными, кошачьими движениями, девушку, которую встретил утром на прогулке.

Он увидел, что на ней были прозрачные, сверкающие одежды, сквозь которые тело ее сияло, как прекрасная жемчужина. Ему никогда и не снилось такое совершенство. Глаза, черные, как ночь, скрывали в своей глубине какой-то дремлющий огонь. Черты лица были тонки, нежны. А губы, полные и чувственные, неудержимо притягивали его. Мгновение он стоял очарованный, забыв про свою цель, беспомощный, прикованный к видению красоты. Сам того не сознавая, он великолепно разыгрывал роль неуклюжего провинциала.

Серебристый смех вернул его к действительности. И все же, когда девушка поднялась и бесшумно скользнула к нему, он едва мог вершить, что она была жестокой убийцей.

Поражение его завершил опьяняющий аромат, исходивший от шелковистых волос девушки, и две белые руки, обнявшие его за шею.

Не владея больше собой, он покрывал поделуями белые плечи, так соблазнительно близкие. Но блаженство было грубо нарушено. Он вдруг заметил, что ее ловкие пальцы не были заняты ласками. Пока он стоял во власти ее чар, как глупый школьник, она быстро завладела его кошельком, часами и, что было хуже всего, его свистком. Слишком поздно попытался он схватить коварное существо. Она снова засмеялась, выскользнула из его рук и исчезла в замаскированной стене двери.

Самообладание понемногу возвращалось к нему. Он предвидел, что она может вернуться каждую минуту в сопровождении убийц, которые, вероятно, находились где-то поблизости. Ему нужно во что бы то ни стало подать знак отцу. Лэвельз весь похолодел, когда увидел, что в ножнах у него не было больше шпаги, а в карманах — пистолетов. Это уж было работой служанки. К счастью, в это мгновение раздался тихий свист на улице, где ждал Лекок с агентами. Это немного ободрило юношу. Он торопливо стал искать дверь, через которую пришел, но не мог найти и следов ее. Трясущимися руками нащупывал он стены. Голубые пары ароматов одуряли его, а страх лишил его сил.

Наконец, руки его нащупали массивную стеклянную ручку. Он отчаянно стал дергать ее, напрягая всю силу. Вдруг замок с треском поддался, но перед ним была всего только ниша. Язык его стал свинцовым, зубы стучали, и с нечеловеческим криком отчаяния Лэвельз отскочил назад и медленно опустился на пол, не в состоянии отвести от ниши глаз.

Там перед ним было больше двадцати бескровных мертвых лиц. Двадцать шесть годов, балзамированных по восточному способу, и каждая на серебряном блюде. Эти головы были все, что осталось от несчастных молодых людей, исчезнувших так таинственно. Лэвельз хотел крикнуть и не мог. Вся его жизнь перешла в его глаза. Наконец, он отвел их от ужасного зрелища.

Бесцельно, бессмысленно оглядываясь он кивнул. Вдруг, к его ужасу, тяжелые за-

навеси зашевелились, они распахнулись, и в это мгновение порыв ветра потушил свечи. Но теперь на стенах запылали странные, мигающие огни и при их неверном свете он увидел, как скользнула в сторону потайной дверь и через нее вошла девушка с тремя мужчинами, вооруженными саблями. В то время, как в мозгу Лэвельз пронеслась мысль, что скоро голова его будет лежать в ужасной нише, раздался стук разбиваемых ставней.

Дикие вопли, крики злобы и торжества, топот тяжелых ног и красный свет факелов превратили кошмар в хаос, и Лэвельз со стоном упал в обморок.

Когда он открыл глаза, над ним склонился отец, а его агенты крепко держали женщину и ее убийц. Появление отца и агентов, проникших через окна, и заставило Лэвельз упасть в обморок.

Дом немедленно обыскали, и за потайной дверью нашли старую служанку, которая оказалась известным вором-карманником. Полиция давно пыталась его захватить. Но он до сих пор ловко увертывался, скрываясь под седым париком и женским платьем.

Пятеро убийц были отвезены в тюрьму Гран Шатле, и неделю спустя весь Париж толпился перед мрачным замком, чтобы увидеть, как отрубят мужчинам головы. Княжна Ябиурска заявила на допросе судьям, что ее настоящее имя лэди Гайльфорд и что она англичанка. Она отрицала свое участие в убийствах и, так как надеялись от нее узнать имена главаря шайки и тех ее членов, которые продолжали скрываться, ее перевели в Бастилию.

Дважды ее ввели в «пылающую камеру» — комнату пыток, где она подверглась «простому допросу», находящемуся в пределах шести кварталов воды. На втором допросе женщина призналась, что она сама была главарем шайки убийц, которые только исполняли ее приказание. Она очаровывала молодых людей своей красотой, заманивала их в страшный дом, где обирала их и затем отдавала своим людям, которые убивали их. После этого признания ее тоже приговорили к смерти. Парижане дрожали от ужаса, когда все это стало известно, и на Лекока и его сына посыпались почести и богатство.

Но судьба решила, что лэди Гайльфорд не умрет от руки палача. Ужасная история со всеми ее отвратительными подробностями обсуждалась как-то раз вечером в присутствии короля и его свиты. Фаворитка мадам де Монтепан громко выражала свое отвращение к женщине-убийце, но Мосье, брат короля, повидимому, находил описание преступницы начальником полиции Ла-Рейни необычайно завлекательным.

Когда король удалился, Мосье отозвал в сторону двух придворных и предложил им освободить лэди Гайльфорд и отвезти ее в дом одного из своих приятелей в Версале, где они поужинают в ее обществе и заставят ее снова рассказать все свои похо-

ждения. У Мосье было несколько незаполненных lettres de cachet¹, подписанных королем, и одно из них было превращено в приказание начальнику Бастилии. Повелевалось немедленно передать опасную преступницу подателю этого ордера для перевезения в ужасную крепость Пиньероль.

Начальник Бастилии, обманутый этой хитростью, передал связанную лэди Гайльфорт в руки заговорщиков, которые тотчас же уехали. Во время долгой поездки в Вер-

Мгновение Лэвель стоял очарованный. Нельзя было поверить, что эта очаровательная девушка была страшным убийцей.

саль, придворные любовались красотой своей пленницы и с характерной для того времени жестокостью, забавлялись ее ужасом и отчаянием.

Женщина воображала, что ее везут на новые пытки, предшествующие казни. Рот ее был завязан, но стоны и слезы яснее слов говорили про ее отчаяние. Наконец,

эгоистический страх, что женщина, в конце-концов, потеряет сознание, заставил Мосье снять повязку с ее рта. Он даже вытер ей слезы и сказал несколько ободряющих слов.

В полумраке кареты лэди Гайльфорт не могла хорошенько разглядеть черты своих спутников, но шуршание их шелковых одежд, их утонченная речь и легкий аромат, исходивший от их волос, сказали ей, что это не чиновники, исполнители закона. Что они увезли ее из Бастилии, — доказывало их могущество и знатность, и ей должно было прийти в голову, что она будет служить развлечением для каких-то пресыщенных вельмож королевского двора. Женщина сейчас же стала соображать, как бы воспользоваться неожиданным счастливым случаем и спастись бегством.

Когда карета остановилась перед боль-

¹ Королевский приказ

шим зданием, стоящим среди обширного сада, поведение женщины сразу стало тихим и скромным. Дальнейшие события показали, что в ее голове уже созрел план. Три заговорщика в молчании провели ее по нескольким темным корридорам и затем ввели в красивую комнату, освещенную ароматными восковыми свечами. На столе уже ждал изысканный ужин.

Женщина, вероятно, была поражена, когда узнала брата короля и его двух спутников, кавалера де-Лоррэна и сына маркиза д'Эфия.

Трагический конец этого приключения заставил Ла-Рейня лично вести следствие и, хотя несколько страниц его отчета и потеряны, но все же он был присоединен к архивам Пешэ, который с помощью различных донесений умело восстановил последовавшую в Версале сцену. Нет сомнения, что брат Людовика XIV впал в немилость и был временно выслан именно из-за этого похождения.

Некоторое время трое мужчин усердно спаивали женщину вином и наперыв старались заслужить ее благосклонность. Они искали в томных взглядах закоренелой преступницы остроту, которой давно уже не находили их пресыщенные нервы. Но Мосье, суеверному по природе, скоро стала неприятной женщина, о преступлениях которой он не мог забыть, и брат короля ушел, взяв с приятелей слово, что они убьют это чудовище, которое было надлено, вероятно, самим дьяволом, такой роковой красотой.

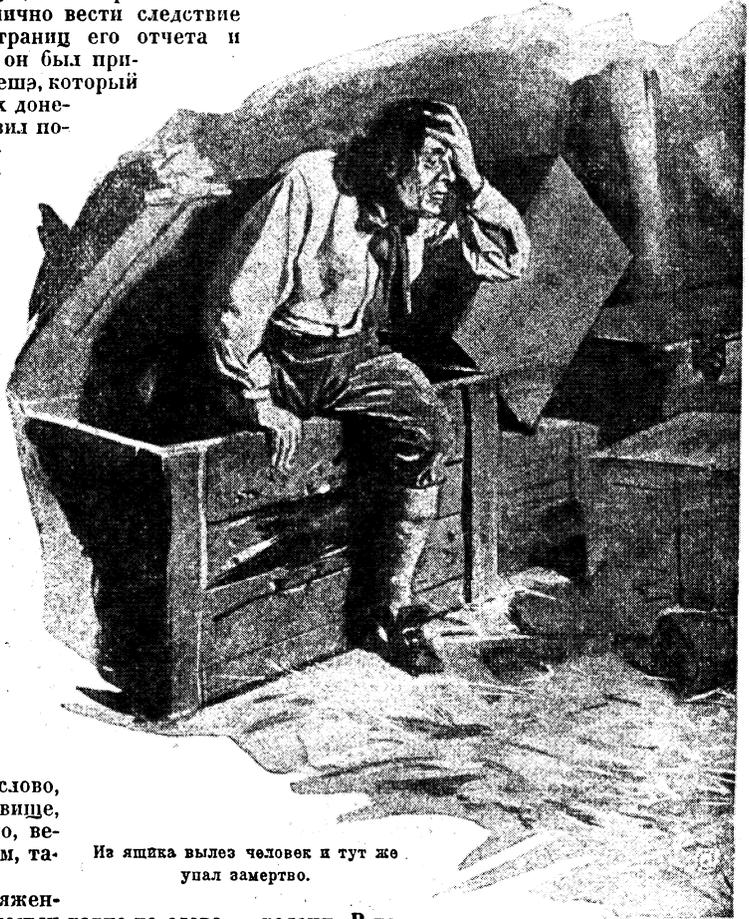
Очевидно, до напряженного слуха женщины дошли какие-то слова, относившиеся к ее судьбе. Как только царственный распутник удалился, она оставила всякую нерешительность и быстро повела события к концу. Время уже близилось к рассвету, утром же ей нужно было быть далеко от Парижа, если она хотела спасти свою жизнь. Каждому из оставшихся с ней мужчин она внушила мысль, что только присутствие другого мешало ей упасть в его объятия. С дьявольской хитростью разожгла она пламя ненависти и страстей, и кавалер де-Лоррэна, пьяный и уже не владеющий собой, схватил на руки лэди Гайльфорд, чтобы унести ее из комнаты. Его приятель тотчас же преградил ему дорогу шпагой.

— Убейте его, — шепнула женщина на ухо де-Лоррэну. — Я буду тогда ваша.

Шпаги скрестились, недавние еще друзья свирепо дрались. Женщина только этого и желала. Змеей скользнула она за портьеру и, когда один из мужчин оказался к ней спиной, толкнула его вперед изо всех сил.

Раздался крик смертельного ужаса и шпага де-Лоррэна вонзилась в сердце его друга.

При виде безжизненного тела, де-Лоррэн очнулся и с рыданиями опустился на

Из ящика вылез человек и тут же упал замертво.

колени. В то же мгновение хлопнула дверь, повернулся ключ, и кавалер остался пленником наедине с трупом. Крепкая дубовая дверь не поддавалась отчаянным ударам его рук и ног, окна были закрыты тяжельми ставнями, а кричать он не решался.

Его собственное показание кончается здесь, но его, вероятно, освободил хозяин дома. Скрыть смерть сына маркиза д'Эфия было невозможно. Убийца его бежал в Брюссель. Полиция принялась усердно за розыски женщины, но она скрылась, и в книги Бастилии были внесены вымышленные сведения, сообщавшие о смерти лэди Гайльфорд в Бастилии. Но она не поки-

нула Франции. Несколько недель спустя Ленок, а потом его сын Лэвельэ нашли под своей дверью письмо.

Пешэ передает текст письма, полученного сыном:

«Шпион и коварный обманщик. Вы поймали меня один раз своим глупым лицом, теперь будет мой черед. День и ночь помните, что лезвие найдет ваше сердце. Ябируска».

Сначала Лэвельэ испугался. Он еще не забыл отрезанных голов и теперь стал выходить только в сопровождении вооруженных людей. Со временем он решил, что женщина отказалась от плана мести и, вспоминая свой первый блестящий успех в роли сыщика, стал искать случая снова отличиться.

Внимание его обратила шайка контрабан-

дистов, смелость которой причиняла много неприятностей Ла-Рейни. Он решил показать королю, что добьется успеха там, где терпят поражение другие. Лэвельэ, вероятно, громко заявил о своих намерениях, потому что как-то раз вечером к нему явился таинственный посетитель и предложил за крупную сумму свести его в дом, где контрабандисты держали свои товары.

Лэвельэ обрадовался неожиданной удаче и тут же уплатил посетителю деньги. Таинственный человек сообщил, что полиции легко будет поймать контрабандистов, но он посоветовал Лэвельэ сначала пойти вдвоем с кемнибудь и забрать ящики

с бесценными шелками и кружевами. Никто об этом не узнает, а Лэвельэ разбогатеет. А так как контрабандисты не приходят туда до утра, Лэвельэ успеет расставить своих людей.

Лэвельэ, как и его отец, был жаден и решил послушаться совета незнакомца. Но

все же он из предосторожности доверился отцу. Лекок ничего не сказал ему о своих опасениях, но когда сын отправился вместе со своим другом, за ними незаметно пошел отряд полиции.

Склад контрабандистов находился на отдаленной улице вблизи Сены. Проводник быстро открыл ключом дверь, указал на ряд ящиков, стоявших у стены, и молча удалился, оставляя молодых людей вдвоем. Они осторожно пробрались к ящикам и стали разглядывать их. Друг Лэвельэ схватил приятеля за руку.

— Ты заметил? — шепнул он. — Три больших ящика со множеством маленьких дырочек. В них сидят люди. Я сейчас же громко скажу, что мы идем за повозками. Потушим фонари. Хлопнем дверью и будем ждать.

Так друзья и сделали и стали ждать в темноте с пистолетами наготове.

Десять минут прошли в полной тишине, потом раздался заглушенный голос.

— Их что-то напугало, Пьер. Надеюсь, что они вернутся и отвезут нас в дом сына Лекока...

— Не беспокойся! — ответил другой голос. — Этот шпион — жаден. Да и остальные наши люди соберутся сюда к полуночи. Мы возьмем их неожиданностью, даже если они вернутся с полидейскими.

Лэвельэ шепнул приятелю:

— Когда я зажгу фонарь, стреляй в ящики.

Молодые люди с криками разрядили свои пистолеты по трем подозрительным ящикам. Ответом были стоны; крышка одного ящика поднялась и из него вылез страшного вида человек, тут же свалившийся на пол. Когда открыли два другие ящика, люди, прятавшиеся там, тоже были мертвы.

Сильные удары потрясли в это время дверь. Она поддалась под напором многих плеч и в помещение ворвался перепуганный Лекок вместе со своими людьми. При виде мертвых бандитов они столпились возле них, чтобы разглядеть кто они. Лэвельэ же остался один у открытой двери. Это мгновение было для него последним. Из мрака блеснуло лезвие и, когда оно пронзило ему грудь, бумажка слетела на землю.

Убитый горем, едва соображая, что он делает, Лекок поднял бумажку и прочел:

«Так я в конце концов расплатилась с вами за все, коварный, жадный шпион. У меня был готов не один план. Попробуйте найти меня теперь, если можете. Ябируска».

Любопытный отчет кончается кратким сообщением, что женщину, называвшую себя этим именем, так и не поймали.

Пешэ просто добавляет:

«Кто была эта женщина — Синяя Борода и куда она скрылась, — не узнали никогда. Также и парижанам никогда не сообщили истинных фактов. Только король и Ларейни знали, что она не умерла в заключении в Бастилии».

ЖИВОН МЕТАЛЛ

Научно-фантастический роман А. МЕРРИТА.

Иллюстрации ПОЛЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ I—XIX, НАПЕЧ. в 10, 11—12 КНИЖКАХ „М. ПР“ за 1928 г. и в 1-й за 1929 г. Американский профессор Луис Сорнтонг, уже побывавший в Тибете, снова отправился туда вместе с инженером Дреком. В горах они наблюдают замечательные световые явления и находят загадочный гигантский след на скале, оставленный точно каким-то невероятным чудовищем. В разрушенной крепости, помнящей времена Александра Македонского, путешественники встречают Мартина Вентнора с его прекрасной сестрой Руфью. Брата и сестру преследуют воины, похожие на древних персов времен Ксеркса. В решительную минуту появляется странная женщина Норхала, по приказанию которой тысячи маленьких металлических предметов—чисто геометрических фигур—принимают форму многорукого чудовища и разбивают войско персов. Шары, кубы и пирамиды из живого металла исчезают, затем огромные кубы перекидываются, как мост, через пропасть, и несут на себе Норхалу и путешественников. Последние начинают таинственное, полное странных физических и магнитных явлений путешествие. В кратком содержании невозможно передать многочисленные и причудливые формы встречающихся чудовищ, состоящих однако из знакомых всех форм—кубов, шаров и пирамид. Путешественники попадают в новый мир, в металлический мир, где они видят живые, вертящиеся купола и арки, и башни, точно тающие в каком-то брожении. Летя на кубах, они проходят области ультрафиолетовых лучей, рентгеновских и других, наукою неисследованных. Друг другу путешественники кажутся скелетами. Один световой феномен меняет другой. Они прилетают к колоссальному светящемуся металлическому диску необычайной красоты, заливающему могучую и созвездную силу. Руфь подтянута к диску. Вентнор выстрелил, но в него полетела молния—стрела зеленого пламени. Вентнор упал, диск обследовал его и по просьбе Норхалы подарил ей путешественников в качестве „игрушек“. Норхала перевезла всех в свой круглый дом, похожий на блестящий пузырь сапфировых и бирюзовых оттенков. Интересные главы посвящены описанию самой Норхалы, ее жилища, ее слуги евнуха Юрука, встретившего чужеземцев враждебно. Большой Вентнор, оторванный от реальной действительности, первый начинает понимать, что металлические предметы высасывают свои силы из солнца, что их кровь—молния, что их разум—думающий кристалл, что у них гигантское групповое сознание, действующее в знакомых человечеству и в неизвестных ему сферах колебаний энергии, силы электрической и других. Очень любопытную гипотезу строят едва пришедшие в себя от пережитого путешественники, объединяя последние завоевания науки для объяснения деятельности металлического народа. Юрук рассказывает всякие басы о Норхале и старается уговорить путников уйти к Черкису, предводителю преследовавших их потомков персов. Попытка евнуха заигноризировать ненавистных пришельцев оканчивается неудачей. Профессор и Дрек отправляются в металлический город.

ГЛАВА XIX.

Хаос звуков в тумане.

Мы вместе с Руфью сделали беглый осмотр окрестностей дома Норхалы. Дом этот точно был вставлен в узкую часть песочных часов. Отвесные стены шли к дому от скалистых ворот, образуя как бы нижнюю часть часов. За домом они расходились под большим углом. Эта верхняя часть песочных часов была заполнена лесом, напоминавшим парк. Милых в двадцати от дома лес этот загоразивался скалами. Я спрашивал себя, как прорывалась через эту скалистую преграду тропа, которую Юрук указал мне? Вела ли эта тропа через скалы или они были пробурованы туннелем, и почему не нашли ее вооруженные люди?

Пространство, в котором находился дом, было долиной, не больше, чем в милю ширины. Она была похожа на сад, усеянный душистыми лилиями. В центре долины стояло голубое полушарие—жилище Норхалы.

Нам некогда было изучать его красоты. Несмотря на последних наставлений Руфи—и мы пошли по серой дороге.

Едва мы сделали с десяток шагов, как раздался крик Руфи:

— Дик! Дик!

Он побежал назад и обнял девушку.

— Дик,—просила она,—возвращайся ко мне скорей!

Когда Дик догнал меня, голова его была опущена и он продолжал путь молча.

Мы прошли небольшое расстояние и обернулись. Руфь все еще стояла на пороге странного дома и смотрела нам вслед. Она помахала нам рукой и исчезла в дверях.

— Я рад за вас, Дрек,—сказал я.

— Я полюбил ее с первого взгляда,—Дик схватил меня за руку,—а она говорит, что полюбила меня. Она сказала, что если я ее действительно люблю, ей легче будет бороться в наше отсутствие с этим, как она называет, пятном внутри ее. Пятно! Пятно на этом ангеле. Но, все же, она ужасно боится чего-то, что теперь будто бы есть в ней. Конечно, все это глупости!

Я не находил слов успокаивать его, потому что вовсе не считал страхи Руфи вообразимыми. Ее ужас был слишком искренен, описанные ею симптомы слишком ясны, чтобы быть галлюцинациями. Разве нельзя допустить, что Дик ввел ее в общение с собой и со своим народом? Что она подверглась какому-то процессу магнитизации, вовсе не зловещему, который сделал то, что она стала понимать и его волю, и мысли.

Среди нам подобных существует эта восприимчивость—умы, настроенные в унисон друг с другом, не нуждающиеся в стимуле,—произнесенном слове. А другие умы совсем не созвучны, так что даже через произнесенное или написанное слово наша

мысль не может в них проникнуть. Что это за волны, по которым летят эти молчаливые послания?

Только нечто подобное могло объяснить общение Норхалы с металлическим народом. Руфь, которой это было чуждо, конечно, могла счесть эту большую чувствительность за какое-то пятно. Но нам это могло быть очень полезно, а ей не принести вреда, если только, если...

Я отогнал от себя ужасную мысль.

Скалистые стены ворот сошлись совсем близко. Скучная растительность у подножия их прекратилась. Дорога углубилась в ущелье. Там, где обрывались скалистые стены, была туманная завеса. Когда мы подошли ближе, мы увидели, что это больше похоже на туманный свет, чем на туман от воды. Он дылся странно определенными полосами, как частицы кристаллов в растворе.

Мы бок о бок вошли в этот туман. Я сейчас же понял, что чем бы ни были эти завесы, сыростью они не были. Воздух, которым дышали мы, был сухой и насыщенный электричеством. Я ощутил что-то ободряющее, какое-то щекотание в каждом нерве, почти легкомысленную веселость. Мы совершенно ясно видели и друг друга, и скалистый пол, по которому шли. В этом световом тумане не было слышно никаких звуков. Дрэк повернулся ко мне и губы его зашевелились. Он склонился к самому моему уху, говоря что-то, но я не слышал ни звука.

Мы вышли в открытое место и уши наши вдруг наполнились высоким, резким свистом, таким же неприятным, как вой песчаного урагана. В шести футах направо был край кряжа, на котором мы стояли. За ним был крутой отвес куда-то в пространство, пропасть, высланная туманами.

Но не эта пропасть заставила нас ухватиться друг за друга. Нет! Из пропасти поднималась гигантская колонна из кубов. Она высылалась футов на сто над уровнем нашего кряжа и низ ее уходил в глубины. Головой колонны было огромное, вращающееся колесо. Это колесо вспыхивало зеленым пламенем и со страшной быстротой бороздило скалу.

Над колонной был как бы колпак из какого-то светло-желтого металла, прикре-

пленный к скале. И этот-то навес, отделяя туманный свет, точно огромный зонтик, и образовывал зону света, в которой мы стояли.

Мгновение огромное колесо продолжало вертеться, визжащая скала таяла под ним и стекала как лава. Потом колесо вдруг сразу остановилось, точно получило какое-то приказание. Оно склонилось на бок и посмотрело на нас сверху вниз. Я заметил, что внешний край колеса был весь усажен пирамидками, а что кончики этих пирамид были снабжены чем-то, показавшимся мне гранеными драгоценными камнями.

Колонна склонялась; колесо приближалось к нам...

Дрэк схватил меня за руку и потащил назад, в туман. Мы пробирались в этом тумане шаг за шагом, воображая, что мы чувствуем, как за нами крадется огромное лицо — колесо. Мы боялись оглянуться, чтобы не подойти слишком близко к невидимому обрыву. Мы медленно покрывали ярд за ярдом. Вдруг туман поредел и мы вышли из него.

Кругом нас был хаос звуков, звон миллионов наковалень, грохот миллиона кузниц. Гремели громы, ревели тысячи ураганов.

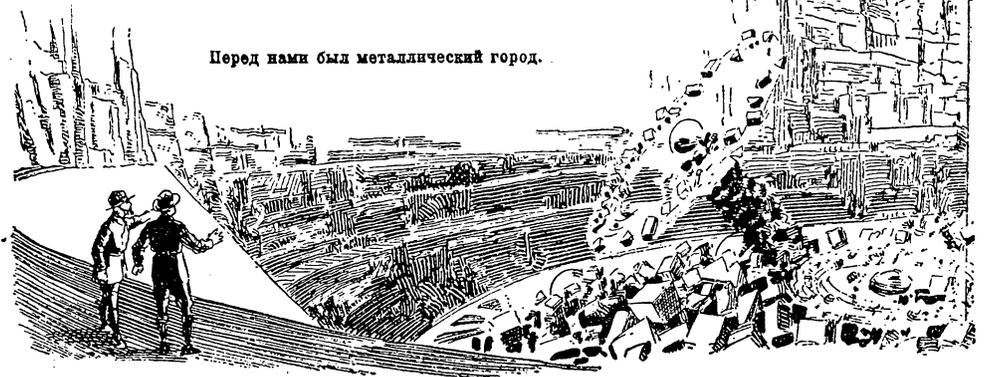
Невообразимый рев бездны несся на нас, как тогда, когда мы лежали в глубине моря света.

Грохот этот порождался силой. Это была Сила, собранная в фокусе. Оглушенные, ослепленные ею, мы закрывали глаза и уши.

Вдруг грохот замер, оставляя на смену себе какую-то испуганную тишину. Потом тишина стала пульсировать каким-то жужжанием и это жужжание прорвало журчание, точно текла река из бриллиантов.

Мы раскрыли глаза и трепетный страх сжал нам горло, точно рукой.

Мы стояли на самом краю широкого кряжа. Мы смотрели вниз, в огромный колодезь овальной формы, длиною миль в тридцать, половиною этого в ширину, и окаймленный пропастями.

Перед нами был металлический город.

Мы находились в верхнем конце этой долины и на вершине ее оси. Дно ее уходило футов на пятьсот вниз. Облака туманного света, затемнявшие прошлой ночью эту бездну, теперь исчезли, воздух был кристально чист, каждая мелочь выступала со стереоскопической отчетливостью.

Мои глаза прежде всего остановились на широкой полосе фосфоресцирующего аме-

тиста, огибающей всю скалистую стену над нами. Она опоясывала скалы на высоте десяти тысяч футов и с этой-то сияющей зоны и спадали завесы светящегося тумана, загадочные, уничтожающие звук пары. К северо-западу они трепетали, точно свет восходящего солнца, и, как этот свет, пронизывались радугами, спектрами, многоцветными сияниями. Но все это проходило в известном порядке, с геометрической точностью. Как будто бы огромные и движущиеся призматические кристаллы быстро пролетали к самому краю завес, и с такой же быстротой мчались назад.

ГЛАВА XX.

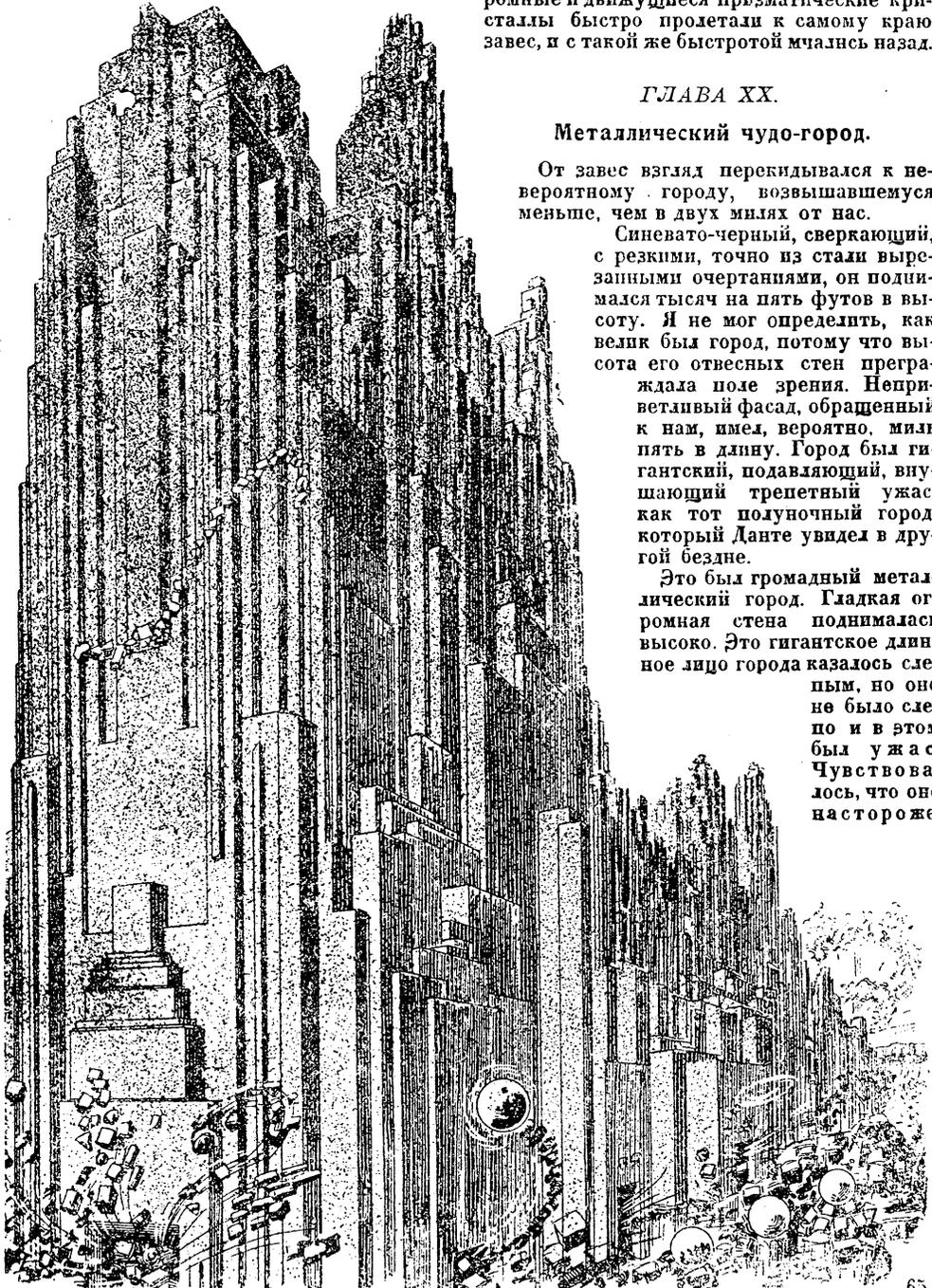
Металлический чудо-город.

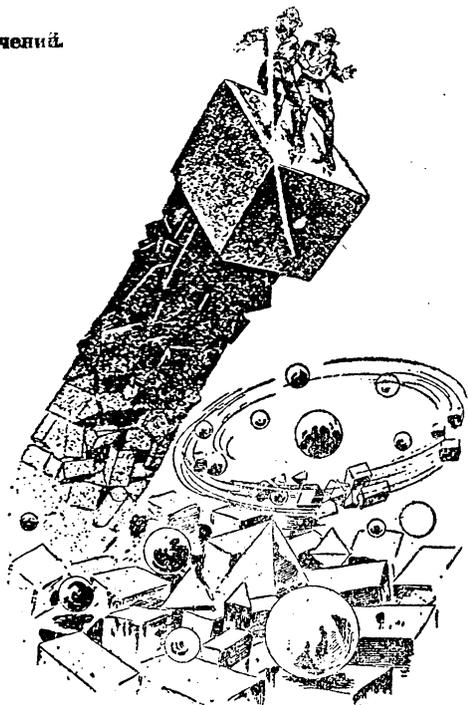
От завес взгляд перекидывался к невероятному городу, возвышавшемуся меньше, чем в двух милях от нас.

Синевато-черный, сверкающий, с резкими, точно из стали вырезанными очертаниями, он поднимался тысяч на пять футов в высоту. Я не мог определить, как велик был город, потому что высота его отвесных стен преграждала поле зрения. Неприятный фасад, обращенный к нам, имел, вероятно, миль пять в длину. Город был гигантский, подавляющий, внушающий трепетный ужас, как тот полудночный город, который Данте увидел в другой бездне.

Это был громадный металлический город. Гладкая огромная стена поднималась высоко. Это гигантское длинное лицо города казалось сле-

пым, но оно не было слепым и в этом был ужас. Чувствовалось, что оно настороже.

Колонна наклонилась. Дно долины поднялось
нам навстречу.

Казалось, что оно уставилось на нас так, точно на пространстве каждого фута на нем был часовой, невидимые глазу стражи, чья бдительность улавливалась каким-то скрытым чувством, более тонким, чем зрение.

Это был металлический город, огромный и... блестящий..

У подножия его были большие отверстия. Вероятно, городские ворота,—подумал я. Через эти порталы и вокруг них кружилась металлическая рать, двигаясь туда и сюда, выходясь из ворот и вливаясь обратно, образуя узоры у отверстий.

От огромного города пораженные глаза снова обращались к бездне, в которой был расположен город.

Дно ее было совершенно гладкое, его не прерывала никакая неровность почвы. На нем не было никакой растительности—ни деревьев, ни кустов, ни травы.

Казалось, само дно жило какой-то своей, жуткой жизнью. Оно было оживлено каким-то брожением, настолько же расчитанным, насколько оно было механическим, брожением симметричным, геометричным, в высшей степени урегулированным.

Это было движение металлической рати.

Они двигались под нами, эти загадочные существа, бесчисленным войском. Они наступали и отступали батальонами, полками, армиями. Далеко на юге я видел гигантские формы, напоминавшие движущиеся пирамидальные горы, украшенные зубчатыми башнями. Они кружились одни вокруг других с невероятной быстротой, точно оживленные плывущие пирамиды Хеопса, увенчанные башнями. Из башен вырывались яркие молнии и вслед гигантским пирамидам катилось эхо отдаленного грома.

Нами играют..

С севера мчался эскадрон обелисков, на вершинах которых пламенели вращающиеся колеса, кажущиеся на расстоянии крутящимися огненными дисками.

Волнующееся море Предметов образовывало тысячи невероятных форм, угловатых, округлых и заостренных, и быстро переходило в другие, такие же странно-правильные формы. Я следил, как Предметы образовали нечто вроде палатки, высотой с небоскреб. Они висели так мгновенно, потом сформировали десяток страшно длинных ног, которые ушли, точно гигантские тарантулы без головы и без туловища, шагами в двести футов длиной. Я смотрел, как полосы этих Предметов в милю длиной сворачивались в кольца, в ромбы, в пятиугольники, потом поднимались колоннами и со страшной быстротой мчались по воздуху.

А когда движение металлической рати давало нам возможность, мы увидели, что дно долины было покрыто всевозможными узорами, огромными четырехугольниками, ромбами, параллелограммами, кругами и спиралями. Это было нечто гротеско-футуристическое. И все же во всех этих узорах был какой-то порядок, точно это была страница с какими-то непереводаемыми письменами из другого мира.

От сверкающих складок завес на самом юге перекинулась через долину к востоку широкая полоса бледно-зеленого нефрита. Линия ее была не прямая, но со множеством пэгибов. Точно фраза, написанная по-арабски. Окаймлена эта полоса была сапфирно-синим. Лента эта была соединена множеством блестящих хрустальных арки. Но это не были мосты. Даже на этом расстоянии я понял, что это не мосты. С них доносился хрустальный шопот.

Нефрит? Этот поток нефрит? Но тогда это растаявший нефрит, потому что я уловил его быстрое и ровное течение. Но это был не нефрит. Это была на самом деле река, река, заключенная среди этих похожих на письма узоров из металлических Предметов на дне долины.

Я взглянул вверх—к крутящимся вершинам. Они подобно огромному венцу высоко поднимались к яркому небу. По цвету они были похожи на огромные, пестрые цветы, с бесчисленными каменными лепестками. По очертанию это было кольцо крепостей, построенных каким-то фантастическим, могучим существом. Вершины эти поднимались высоко, образуя купола, арки, заканчиваясь пирамидально или остроконечно. Лазоревые иглы поднимались от бастионов цвета киновари, обелиски—цвета индиго; пурпурные башни; золото с ржавым рубином: сторожевые башни оттенка пламени.

Среди них были разбросаны сверкающие изумруды ледников и огромные снеговые поля.

Горы точно двадемой окружали овальную долину. Склоны гор охватывало кольцо све-

тящегося аметиста с его туманами утренней зари. А ниже тянулось обширное и узорчатое дно, живущее странным движением. Горы точно охраняли сине-черную металлическую массу Города.

С края, на котором мы стояли, шел спуск. Но он был так крут и поверхность его была такая гладкая и полированная, что мы не могли бы воспользоваться им. Мы стояли в раздумьи, когда вдруг из тумана выглянул блестящий куб. Он остановился, точно оправился, и завертелся, как будто каждая из шести сторон этого куба хотела нас разглядеть.

Потом меня и Дрэка какая-то невидимая сила подхватила и перенесла на куб. Куб унесся от края и одно мгновение качался в воздухе. Под нами, точно мы парили в воздухе, раскинулась долина. Потом наш куб утвердился на другой поверхности. Я посмотрел вниз и увидел, что наш куб стоит на огромной, стройной колонне из кубов.

Несмотря на то, что крутящееся колесо исчезло, я сразу же узнал, что это была та самая колонна, от которой мы с Дрэком бежали и колесо которой бороздило скалу. Куб был ее посланцем. Он отыскал нас в тумане, поймал и отдал ей!

Колонна наклонилась. Дно долины поднялось нам навстречу. Все ниже и ниже склонялась колонна. Мы испытали легкое сотрясение и стояли на дне бездны.

От колонны стали отрываться кубы. Они летали вокруг нас и мигали своими глубоко сидящими блестящими точками глаз.

Потом меня снова что-то подняло и перенесло на поверхность соседнего куба. Крошечные глазки куба ошупывали меня. Потом меня перебросило на другой куб. Я увидел, что и Дрэк перелетает по воздуху.

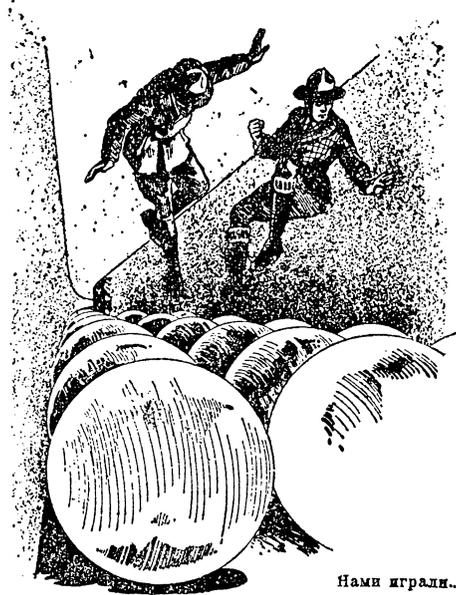
Темп игры ускорялся. Я отлично сознавал, что это была игра и чувствовал себя хрупким, как стеклянная кукла в руках небрежных детей.

Несколько кубов соеилились, образовало обелиск, который перебросил меня на сто футов расстояния. Когда я лежал, я увидел, что мы стали центром огромного скопления металлического народа. Их угловатые и закругленные поверхности сверкали сталью.

К нам летел огромный шар. Он вдруг сразу остановился. Меня потянуло вниз, к шару. Какая то неведомая сила держала меня подвешенным в воздухе, в то время, как шар крутился подо мной, разглядывая меня.

Потом меня перекинуло к поджидавшему меня кубу, а шар умчался. Невдалеке от меня, на земле стоял, покачиваясь, весь бледный Дрэк. Вдруг куб, на котором я находился, притянул меня к себе так сильно, что я беспомощно упал на его поверхность. Прежде чем я упал, тело Дрэка притянуло на мой куб, точно его тащили на лассо. Он упал рядом со мной.

Потом, как шаловливый ребенок, куб помчался прямо к открытому portalу го-

Нами играли...

рода. Яркий голубоватый свет ослепил нас и, когда свет этот угас, я увидел рядом с собой скелет Дрэка. Потом он быстро снова оделся плотью.

Куб остановился. Невидимые руки подняли нас и осторожно поставили на землю. Куб умчался.

Вокруг нас раскинулось зало, в котором высоко горели бледно-золотые солнца. Среди огромных колонн двигались металлические рати, но уже не торопливо, а спокойно, уверенно.

Мы были в городе — как говорил нам Вентнор.

ГЛАВА XXI.

Живой город.

Совсем близко возле нас была одна из диклопических колонн. Мы пробрались к ней и присели у ее основания. Мы чувствовали себя муравьями среди этих бесчисленных ратей оживленных кубов, пирамид и шаров. Среди них были гиганты размером до тридцати футов и более. Они не обращали на нас никакого внимания, и некоторое время спустя количество их стало уменьшаться, остались отдельные группы, потом одиночные предметы и, наконец, зало совсем опустело.

— Скажите, — обратился ко мне Дрэк, — вам не кажется, что вы весь насквозь наперчены?

— Я чувствую необычайную силу, — ответил я.

— Взгляните-ка сюда, профессор, — предложил Дик, — как вам это нравится?

Я не понял, на что указывал Дрэк рукой.

— Глаза! — сказал он нетерпеливо. Разве вы не видите в колонне глаза?

Я взгляделся. Столб был металлического синеватого цвета, слегка темнее, чем сам

металлический народ. Он был весь усеян мириадами крошечных кристаллических точек. Но они были тусклы и безжизненны. Я дотронулся до колонны. Она была гладкая, прохладная, — совершенно отсутствовала горячая жизненность, пульсировавшая в металлическом народе. Я покачал головой.

— Нет, — сказал я, — сходство есть, но тут нет силы, нет жизни.

— Может быть — дремлющая, — заметил Дрэк.

— Это совершенно невозможно! — воскликнул я и удивился собственной горячности.

— Кто знает, — он с сомнением покачал головой. — Может быть, но... идемте же дальше.

Дрэк останавливался у каждой колонны и окидывал ее ищущим взглядом. Но я больше интересовался освещением зала. Я видел теперь, что освещался он шарами, неподвижно висевшими в воздухе. Исходящие от них лучи были также совершенно неподвижны. Но, несмотря на это, в них не было ничего, напоминавшего твердость или металл. Они были воздушны, мягки, как огни, появляющиеся временами на мачтах кораблей, эти жуткие посетители из невидимого океана атмосферного электричества.

Когда они исчезали, что происходило постоянно, это делалось с какой-то поразжающей окончательностью. И тотчас же рядом с исчезнувшими так же неожиданно выплывали другие шары, иногда большего размера, чем угасший, иногда группы меньших шаров.

Что это могло быть такое? — думал я. — Как они укреплены и где источник их света? Могут ли они быть продуктом электро-магнитных течений, или не породило ли их взаимное проникновение таких течений, проносящихся над нами? Такое предположение может объяснить их исчезновение и появление снова: перемена течений меняла контакты. Беспроволочный свет? Если так, то вот идея, которую может разработать человеческая наука, если мы когда-нибудь вернемся на...

— Куда же теперь? — прервал мои мысли Дрэк. Мы прошли зал и стояли у пустой стены, которая уходила вверх, в туман, скрывавший потолок помещения.

— Я думаю, что мы шли по тому же пути, что и они, — смущенно произнес я.

— Я тоже. Но мы, вероятно, кружили. Они не могли пройти через стену, если только...

— Если только что?

— Если только стена не раскрылась и не пропустила их, — сказал Дрэк, — Разве вы забыли про эти огромные овалы, которые открывались в других стенах?

Я забыл. Я снова посмотрел на стену. Конечно, она была совершенно гладкая.

Это был ничем не прерывавшийся фасад из полированного металла. Внутри его точки света были еще более тусклы, чем в колоннах, их почти не было видно.

Мы пошли налево вдоль стены. Мы пришли к какому-то отверстию. Это был вход в тоннель, в котором свет резко отделился от шафранового света в зале. В тоннеле было мрачно и серо. Мгновение мы стояли в нерешительности, потом вошли. Стены, крыша и пол были из того же вещества, что и колонны, и стены большого зала. В них так же сидели тусклые, мигающие точки — глаза.

— Как странно, что в этих местах все угловатое, — заметил Дрэк, — они очевидно не пользуются в своей архитектуре идеей шара. Я вспомнил, что, действительно, не видел тут никаких закругленных линий. Везде были математические прямые линии вверх, книзу и пересекающиеся. Это было странно... но мы еще мало видели.

В тоннеле было тепло, в воздухе чувствовалась какая-то перемена. Становилось все теплее, жара была сухая, более ободрающая, чем гнеущая. Я дотронулся до стен. Тепло исходило не от них. Но жара становилась все сильнее.

Тоннель сделал поворот под прямым углом и продолжался корридорм, вдвое меньшим по объему. Далеко впереди появилось бледно желтое свечение, вставшее столбом от пола к потолку. Свет его делался все ярче. В нескольких шагах от него мы остановились. Свет лился через широкую щель в стене. Мы очутились в туннеле. Отверстие в стене было недостаточно широко, чтобы мы с Дрэком могли проникнуть через него. Странная жара шла вместе со светом из щели.

Мы заглянули в щель. Сначала мы могли разглядеть только пространство, залитое сиянием шафранного цвета. Потом вырвались огоньки, точно сверкающие драгоценные камни, крошечные стрелы и копыя, извергаемые изумрудами, рубинами и сапфирами, вспышки лилового пламени.

Неожиданно появляется Норхала.

В сияющем тумане выплыла фигура Норхалы.

Она стояла, окутанная только волосами, блестящими, как шелковые нити. Странные глаза ее были широко раскрыты и улыбались. Кругом Норхалы кружились бесчисленное множество металлических маюток.

От нее и исходили огни, похожие на сверканье драгоценных камней. Все эти оживленные математические предметы то окружали ее сверкаю-

щими хороводами, то, превращаясь в пылающие диски и звезды, вертелись вокруг чуда ее тела в виде разноцветных живых огней. С дисками и звездами были перемешаны крошечные крестообразные формы, сияющие угрюмым густым багрянцем или дымчатым оранжевым цветом.

Потом на Норхалу волной налетели маленькие металлические предметы и окутали

ее сверкающим облаком. Я услышал смех Норхалы, нежный, золотой и далекий.

— Это их малютки!—прошептал я.

— Это детская,—тоже шепотом ответил Дрэк,—детская металлических малюток.

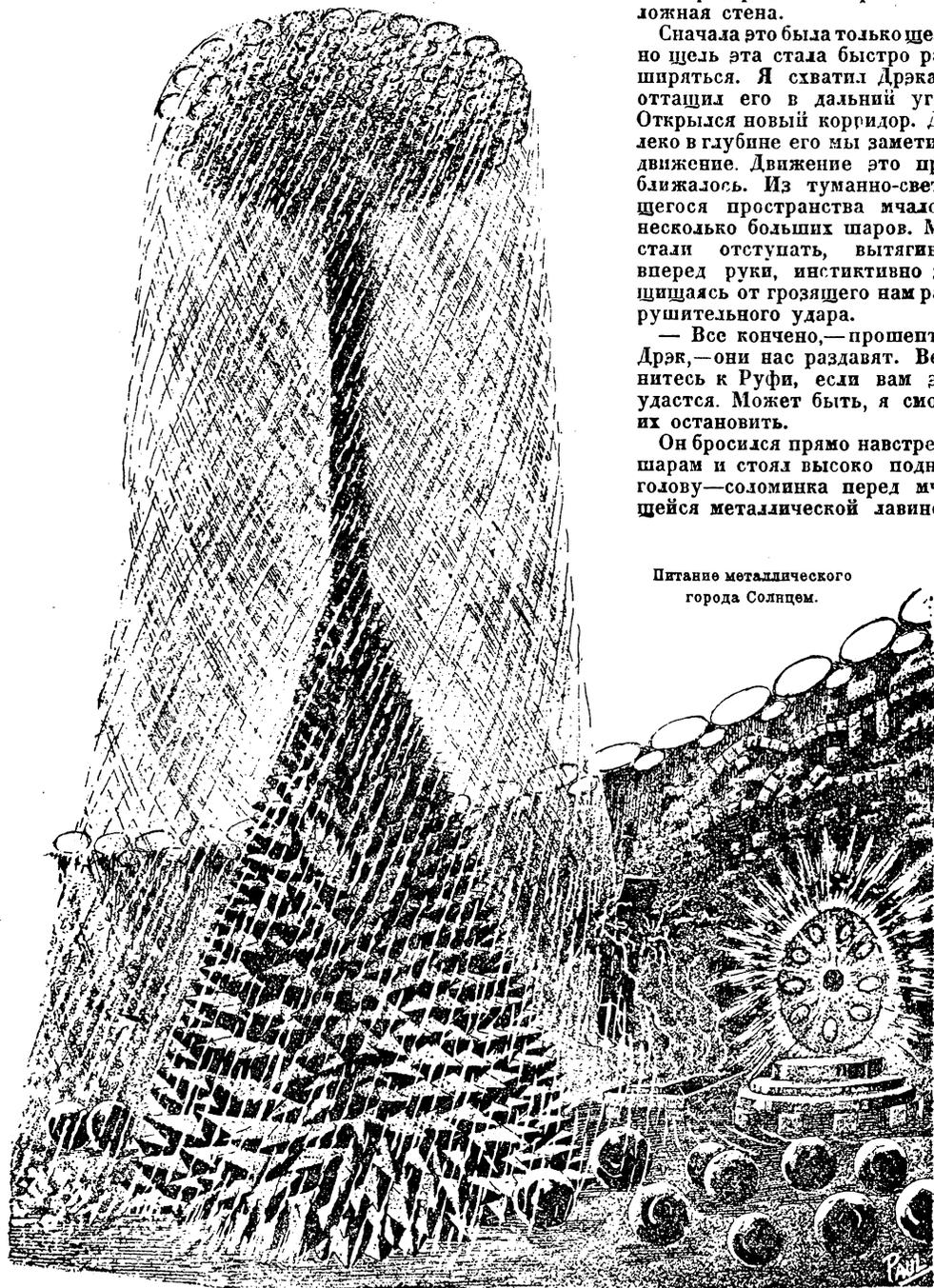
Норхала скрылась. Скрылось и светящееся помещение, в которое мы заглянули. Перед нами была гладкая стена. Щель в стене закрылась с такой быстротой, что мы даже не успели этого проследить.

Но раскрывалась противоположная стена.

Сначала это была только щель, но щель эта стала быстро расширяться. Я схватил Дрэка и оттащил его в дальний угол. Открылся новый корridor. Далеко в глубине его мы заметили движение. Движение это приближалось. Из туманно-светящегося пространства мчалось несколько больших шаров. Мы стали отступать, вытягивая вперед руки, инстинктивно защищаясь от грозящего нам разрушительного удара.

— Все кончено,—прошептал Дрэк,—они нас раздавят. Вернитесь к Руфи, если вам это удастся. Может быть, я смогу их остановить.

Он бросился прямо навстречу шарам и стоял высоко подняв голову—соломинка перед мчащейся металлической лавиной.

Питание металлического
города Солнцем.

Но шары остановились в нескольких футах от него, как раз в тот момент, когда я догнал Дрэка. Они разглядывали нас с видимым удивлением. Потом повернулись друг к другу, точно совещаясь. Затем медленно стали приближаться. Нас подняла какая-то сила, которую я могу сравнить только с тысячами невидимых рук. Блестящие изгибы спин шаров покачивались под нами. Шары завернули за угол и помчались по тому корридору, который привел нас сюда из зала. Когда последний шар выкатился из-под нас, мы мягко встали на ноги и стояли покачиваясь.

Нас охватила бессильная ярость. Глаза Дрэка горели.

— Дьяволы! — Он сжал кулаки.

Мы посмотрели вслед шарам.

Становился ли корридор уже? Кончался ли он? Корридор стал на моих глазах сужаться, стены бесшумно приближались одна к другой. Я толкнул Дрэка в открывшийся новый проход и бросился вслед за ним.

За нашими спинами была теперь непрерывная стена, закрывавшая все пространство, на котором мы только что стояли.

Неудивительно, что нас охватил ужас и что мы сломя голову побежали по открывшемуся проходу, все время ожидая, что и эти стены сомкнутся и раздавят нас, как мух.

Наконец, мы остановились, задыхаясь от бега. И в это мгновение я содрогнулся дрожью того, кто встал лицом к лицу с непостижимым и знает, наконец, что непостижимое существует.

Стены, потолок и пол вдруг замигали бесчисленными глазами. Точно с них сняли какую-то пленку, точно они проснулись. Мирнады светящихся точек засверкали на голубоватой поверхности, и точки эти разглядывали нас, издевались над нами.

Маленькие сверкающие точки, которые были глазами металлического народа.

Это не было корридорм, пробитым в инертной массе механическим искусством. Раскрылся он не с помощью скрытого механизма. Он был живым существом. Стены, крыша, пол его были самой металлической ратью. А то, что корридор раскрывался и закрывался, — было сознательным, согласованным и добровольным действием живых стен. Действие, которое покорялось и направлялось общей волей, которая, подобно разуму улей и муравейника, оживляла каждую частичку этих стен.

Мы были поражены тем, что открылось нам. Если это правда, тогда эти колонны огромного зала, его высокие стены — весь этот город был одним живым строением. Невероятным строением из бесчисленных миллионов оживленных тел. Тонны этих тел образовали гигантские глыбы, каждая часть которых была разумна.

Теперь я понял, почему нам казалось, что странный город наблюдал за нами глазами Аргуса. Он, действительно, наблюдал за нами.

Город, который видел!

Город, который был живым!

ГЛАВА XXII.

Корридор нас извергает.

Я думаю, что одно мгновение мы были сумасшедшими. Помню, что мы побежали, держась за руки, как испуганные дети. Потом Дрэк остановился.

— Провались это место, — сказал он, — а я дальше не побегу. Мы же мужчины, в конце концов! Пусть они нас убивают, но клянусь, что я не побегу.

Его мужество вернуло мне спокойствие. Как будто бросая вызов, мы пошли дальше ровным шагом. Сверху, снизу, со всех сторон на нас смотрели тысячи мигающих глаз.

— Кто поверил бы, — бормотал Дрэк, — их здесь целое гнездо, чудовищное живое гнездо.

Гнездо? Я ухватился за это слово. Что оно напоминало? Да, гнездо воинствующих муравьев, город муравьев, которых Вильям Биб изучал в Южно-американских джунглях. Был ли этот город более чудесен, более невероятен, чем тот город муравьев, образовавшийся из живых тел так же точно, как металлический город из тел кубов.

Как говорил Биб: «дом, гнездо, очаг, детская, брачный покой, кухня, кров и стол воинствующих муравьев». Построенный и обитаемый слепыми и глухими маленькими дикими насекомыми, которые, руководствуясь одним только обонянием, выполняют самые сложные действия. Откуда и как получали муравьи приказания, на которые они отзывались? А металлический народ? Откуда стимул, движущий ими, стимул, на который они отзываются? И тут, и там — тайна...

В мои мысли ворвалось сознание, что я двигаюсь с все увеличивающейся быстротой. Одновременно какая-то сила подняла меня с пола корридора и помчала вперед. Я посмотрел вниз и увидел пол в нескольких футах под собой.

— Корридор смыкается за нами, — пробормотал Дрэк, — они нас выгоняют.

Было, действительно, похоже на то, что корридору надоело наше медленное продвижение, и он решил поторопить нас. Стены сближались за нашей спиной, мы же мчались все быстрее; казалось, что нас мчит какой-то поток. Ощущение было удивительно приятное, разнеживающее... как это говорила Руфь?... чувство единства со стихией, чувство какой-то свободы. Сила, которая нас несла, как будто одновременно исходила и из стен, и из пола, и из потолка. Она была равномерна и в ней не чувствовалось усилий. Вперед нас стены расступались, образуя корридор, так же точно, как они смыкались за нами.

Кругом поблескивали точки.

Глубже и глубже погружалось мое сознание в это странное спокойствие. Быстрее и быстрее мчались мы вперед.

Вдруг впереди блеснул дневной свет. Мы вошли в него. Сила, поддерживавшая нас, ослабела. Я почувствовал под ногами

почву. Я стоял, прислонившись к гладкой стене.

Корридор выбросил нас и сожмулся.

Перед нами была фантастическая картина, какая вряд ли представлялась зрению человека с самого начала времен.

Мы увидели кратер огромного размера. Над ним был белый и сияющий круг неба, в центре которого пылало солнце. Прежде, чем взор мой охватил всю эту панораму, я понял, что мы в самом сердце Металлического Города.

Взглянь по краю всего кратера были расположены тысячи вогнутых дисков, ярко зеленых, огромных. Они были похожи на гизатские плиты, и внутри каждого сиял ослепительный цветок пламени—отраженный лик солнца. Под этой сверкающей ладемой висели группы других дисков и в каждом из них также висело плененное отображение дневного светила.

Футах в ста под нами было дно кратера.

Оттуда кверху поднимался высокий лес бледносветящихся конусов, ошметнившихся, ужасных. Они карабкались ярус над ярусом, фаланга над фалангой. Все выше и выше, пирамидально, они вытягивали множество своих заостренных вершин.

На высоте двух тысяч футов они тесно сгруппировались у подножия огромной стрелы, уходящей на полмили в высь. Верхушка этой стрелы была срезана, и от нее радиусами расходилось множество длинных и тонких спиц, поддерживавших колесо в тысячу футов в окружности. Это колесо состояло из бледно-зеленых дисков, вогнутая поверхность которых, в противоположность гладкой поверхности дисков, окружающих кратер, была покрыта странной гранью.

На полпути между краем кратера и его дном начинались металлические рати. Оживленными фризами выступали они на закругленных стенах, стенах, которые, я это знал, были такие же живые, как и они. Они извивались веревками, свисали гроздьями, шары и кубы, густо утыканные пирамидами. Стройные колонны из шаров поднимались навстречу этим свисавшим гиляндам. Металлические предметы мелькали перед нами во всевозможных сочетаниях, то загораживая собой, то снова открывая гору из конусов.

Они перемещались с невероятной быстротой, то образуя арабески, готические рисунки, кружевные фантазии с стиле ренессанса, невыразимо странные, невыразимо прекрасные, но всегда геометрически правильные.

Движение их вдруг прекратилось, металлический народ точно одел собою огромную чашу кратера какой-то невероятной тканью, усеял ее драгоценными камнями невообразимой красоты.

По дну кратера к конусам скользнул бледносветящийся шар. По виду такой же шар, как и другие, он был весь проникнут какой-то странной силой. Вслед за ним пылыли две большие пирамиды, а дальше еще десять шаров.

ГЛАВА XXIII.

Питание металлического народа.

— Повелитель металла!—шепнул Дрек.

Металлические предметы докатились до основания из конусов и остановились.

Блеск, точно от взорвавшегося метеора—и шар превратился в то великолепие самодетных огней, перед которым витала Норхала, и я снова увидел сияющие сапфировые овалы на золотом фоне диска. Расцвела роза с пламенными лепестками, сердцем которой был раскаленный рубин.

Две пирамиды, стоявшие по обе стороны диска, превратились в звезды-близнецы, ослепительно-сверкающие фиолетовым светом. И один за другим меньшие десять шаров растянулись в пламенные орбиты.

Раздался тихий вой. Далекий сначала, он все приближался.

— Они голодны! — прошептал Дрек. — Они голодны!

— Дрек!—я с ужасом посмотрел на него. — Дрек, вы сошли с ума!

— Но я чувствую, — ответил Дрек, — что эти проклятые предметы голодны.

Вой все усиливался. Легкий трепет прошел по всему кратеру. И теперь я так же, как и Дрек, ловил быстрое и жадное пульсирование.

— Голодны,—шепнул Дрек, — точно львы, к которым пришел укротитель и принес мясо.

В поле нашего зрения, к пламенному диску поднялся огромный куб. Соединение красоты и силы, которое Дрек назвал Повелителем металла, было высотой с трех рослых мужчин. Куб закрыл его собой. Синевато-черный, он не только скрыл своим массивом пламенный диск, но точно тень от него упала и на весь кратер.

Но затемняющая глыба одно только мгновение стояла перед диском. Новая вспышка метеора и там, где был куб, мы увидели огромный, огненный крестообразный предмет, стоящий кверху основанием. Верхняя часть его была вдвое длиннее нижней и боковых. Теперь он закрывал не только диск, но и почти всю поверхность двух звезд. Предмет этот был высотой футов в восемьдесят. Он пламенел и мердал злобным, дымчатым огнем, то с мрачными оражжевыми, то с серно-желтыми оттенками. В его огне не было многоцветного великолепия, как в сверкании диска, не было и следов пульсирующей розы, ни тени торжествующего сапфира, ни ласкового, нежного зеленого отблеска, ни прелестных оваловых тонов.

Крестообразный предмет горел только злым, дымным красным огнем с отблесками охры, и в этом свете было что-то жуткое и жестокое.

Снова весь кратер сотряс жадный трепет. Крестообразный предмет повернулся. Он скользнул в сторону от диска и его звездных охранителей. И все эти предметы повернулись, точно глядя ему вслед.

И тут мне стал ясен механизм того процесса, посредством которого шары превра-

щались в овальные диски, пирамиды в четырехконечные звезды и кубы в перевернутые кресты.

Металлический народ был полый внутри. В их оболочках заключалась вся их жизнь, вся их сила, сами они. И эта оболочка была всем, чем они являлись.

Когда овальные диски складывались, они превращались в шары. Четыре конца звезды и четырехугольник, от которого они расходились, в закрытом виде представляли пирамиду. Шесть плоскостей куба были в раскрытом виде перевернутым крестом. И эти подвижные стены не были массивны. Они даже были хрупкими по сравнению с размерами металлического народа. Стенки огромного крестообразного предмета, на который я теперь смотрел во все глаза, были не больше чем в фут толщины.

Сбоку тело Повелителя металла казалось вогнутым, и поверхность его была гладкая, как будто слегка просвечивающая.

Крестообразный предмет стал наклоняться, его длинная верхняя часть опускалась вниз, как на шарнирах. Все ниже и ниже склонялась эта часть, точно в каком-то гротескном, страшном поклоне. Теперь верхняя часть стала под прямым углом к горизонтальным крылам крестообразного предмета.

Предмет стал снова склоняться, на этот раз в шарнире, прикреплявшем вытянутые крылья к основанию. Теперь это была огромная фигура в виде буквы Т, из вытянутых в сторону частей которой стали появляться извивающиеся щупальцы. Они были серебристо-белые, но отражали злобный огонь, которым горела скрытая теперь от меня поверхность предмета. Извивающиеся щупальцы исходили как будто из каждого дюйма крыльев и под ними было нечто вроде доски, огромной и светящейся. Щупальцы двигались по этой доске, нажимали, ударялись о доску, толкали, производили какие-то движения.

По горе конусообразных предметов в центре кратера вдруг прошла дрожь. Дрожь эта усилилась, каждый из конусов стал быстрее вибрировать. Послышался слабый гуд—точно отдаленное эхо бури.

Вибрация становилась все быстрее и быстрее. Острые очертания конусов стали расплываться, исчезли. Гора стала могучей пирамидой, излучающей бледно-зеленый свет, стала огромным, бледным пламенем, языком которого была ее стрела. Из дискообразного колеса полились потоки света.

Щупальцы крестообразного предмета задвигались с невероятной быстротой. Колесо кружилось все быстрее и быстрее.

Из его пламенного круга к небу устремился столб бледно-зеленого света. С поражающей быстротой, плотный, как вода, сконцентрированный, — он ударил вверх, прямо к лику солнца.

Он мчался вверх с быстротой света. С быстротой света? Мне пришла в голову мысль, которая мне самому показалась невероятной. Мой пульс обычно семьдесят в минуту. Я пацунал его и принялся считать.

— Что с вами?—прошептал Драк.

— Выньте мои очки,—пробормотал я,—спички в кармане. Закоптите стекла. Хочу посмотреть на солнце.

Он удивленно покорился.

— Подержите очки перед моими глазами,—приказал я.

Если я правильно считал, прошло четыре минуты. Вот оно, то, что я искал. Через закопченные стекла я совершенно ясно видел это в самой северной части солнца. Большое солнечное пятно этого лета,—больше всех, которые когда-либо отмечала астрономия, циклон раскаленных газов, огромное динамо, изливующее свои потоки электромагнетизма на все кружащиеся планеты. Солнечный кратер, который, как мы теперь знаем, был в своем максимуме в сто пятьдесят тысяч миль в диаметре.

Прошло пять минут. Не было смысла держать у глаз стекла. Даже, если мысль моя была верна, даже, если этот светящийся столб мчался к солнцу через пространство с быстротой света, все же должно было пройти от восьми до девяти минут, пока он только достигнет солнца.

Да и не была ли моя мысль, в конце концов, совершенно невозможной? Но если и нет — на что могла надеяться металлическая рать? Стрела была так мала по сравнению с мишенью. Какое действие мог иметь на солнечные силы такой слабый металловый снаряд? И все же—равновесие природы так чувствительно, значительные происшествия могут явиться последствием малейшего изменения в ее бесконечно чувствительном, бесконечно-сложном равновесии. Могло быть.. могло быть..

Прошло 8 минут. Если я был прав, стрела коснулась теперь солнца. Десять минут.

— Что это такое? — испуганно крикнул Драк.—Что происходит? Взгляните на конусы! Взгляните на Повелителя металла!

Пирамидальное пламя, бывшее горой из конусов, осело. Столб света не уменьшился, но механизм, бывший его источником, осел на много ярдов.

А Повелитель металла? Огни его потускнели, величие его угасло. И все бледнее становился фиолетовый блеск сторожащих звезд.

А крестообразный предмет — хранитель конусов? Не опускались ли все ниже и ниже его крылья, не двигались ли его щупальцы все слабее?

У меня было такое ощущение, точно из всего окружавшего меня была вытянута сила. Точно вся жизнь города истощилась, точно из него высосали всю жизненность. Истощилась, чтобы отдать силы этой стреле, мчащейся к солнцу.

Вся рать была бессильная, неподвижная. Живые колонны склонились на бок. Живые гроздья обвисли.

Двенадцать минут...

Несколько колонн свалилось. Позади нас сверкающие глаза стен померкли, умирали...

Нас стало охватывать ощущение, похожее на тот ужас одиночества, каким дышала проклятая долина у развалин.

Населенный кратер изнемогал. Великолепие Повелителя металла угасало все больше и больше...

Четырнадцать минут...

— Соритон, — шепнул мне Дрэк, — жизнь уходит из них. Уходит вместе с этим столбом света. Что это значит? Зачем они это делают?

Пятнадцать минут...

Щупальцы Хранителя бессильно шевелились. Вдруг пылающая пирамида потемнела и погасла.

Шестнадцать минут...

Вдоль всего края кратера какая-то невидимая рука точно подняла вверх щиты.

Семнадцать минут...

Я бросил свой пульс, схватил очки и поднес их к глазам. Мгновение я ничего не видел, потом белая раскаленная точка засияла на нижней части большого пятна. Она засверкала так ослепительно, что на нее было трудно смотреть даже через закопченные стекла.

Я протер глаза и снова посмотрел. Точка горела так ярко, что как иглой пробуравливала глаз. Но очертаний пятна точка не меняла. Она как будто бы сверкала высоко над ним.

Я молча передал Дрэку очки.

— Вижу! закричал он. — Соритон... пятно... оно увеличивается!

Я выхватил у него очки и снова стал смотреть. Но я по сегодняшний день не знаю, видел ли Дрэк, как пятно увеличивалось. Мне казалось, что оно не меняется... и все же... может быть... кто знает, не открылась ли шире рана солнца под этим перстом силы, под этой стрелой света, посланной металлической ратью?!

Быть может солнце не устояло...

Я не знаю этого до сих пор. Так или иначе, ослепительная точка все продолжала сиять. И для меня уже это было достаточным чудом.

Двадцать минут... сам не отдавая себе отчета, я считал... двадцать минут...

На краю кратера, где поднялись вверх щиты, стал собираться светящийся туман. Прозрачный, аквамаринно-нежный и аквамаринно-светлый. В одно биение сердца он сгустился в широкое кольцо, сквозь спящую толщу которого на каждом диске ясно отражалось солнце, как бы видимое через облака прозрачных атомов аквамариннов.

Щупальцы Хранителя снова задвигались. Щиты вокруг кратера, как один, повернулись вниз. Сгушавшийся туман становился все более и более сверкающим.

Снова, как один, завертелись щиты. С каждой вогнутой поверхности, с поверхности всех огромных кругов под ними, вырывались потоки зеленого огня, зеленого, как огонь самой зеленой, цветущей, жизни. Сотканные из бесчисленных, мчащихся, ослепительных понов, сильные лучи устремлялись к тысячефутовому колесу, увенчанному конусу, и привели его в движение.

Сверху образовалось прозрачное облако сверкающего тумана. Откуда появились эти сверкающие туманности? Казалось, щиты вытянули из воздуха какую-то невидимую, ритмическую энергию и превратили ее в видимый блистающий поток.

Потому что теперь это был поток. Сопромного колеса вниз лился поток, водопад зеленых огней. Он каскадом заливал конусы, топил их.

Под этим потоком конусы стали расти. Они совершенно отчетливо увеличивались в размере, точно объедались светом. Выше и выше поднимались их вершины, точно жаждали получить пищу от вертящегося наверху колеса.

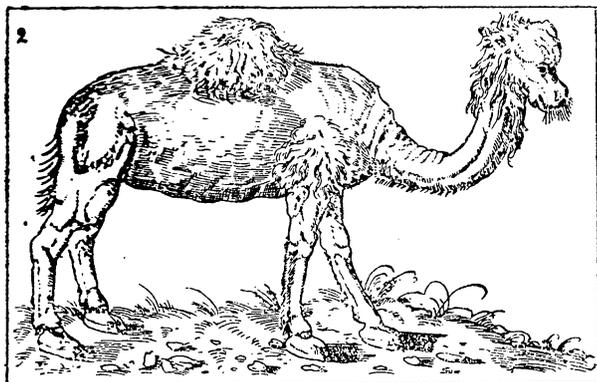
Щупальцы Хранителя извивались. Щиты на кратере снова повернулись кверху. Они посылали снопы зеленого света в огромную впадину, точно полили металлическую рать.

Кругом нас был трепет жизни, усиление биения ее пульса. Он бился ритмично, все сильнее. Это был невероятный трепет жизни, чудовищно могучий.

(Продолжение в № 3 „Мира Приключений“).

БРЭМ

и ЗООЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Лев—зверь такой горячей природы, что думают, что он всегда в лихорадке. 2. Верблюд. Горб верблюда, распушенный в воде, целебен для больных сердцем. 3. Лесной чорт. Правда, его никто не видел,—гласят старые книги о животных. 4. Какова была с виду обезьяна в 1500 году.

2-го февраля нынешнего 1929 года исполнилось 100 лет со дня рождения Альфреда Брэма, чье знаменитое сочинение «Жизнь животных» стало одной из самых распространенных во всем мире книг. Без преувеличения можно сказать, что всякий, кто любит животных и интересуется ими, слышал об этой книге, если уж не мог лично заглянуть в нее.

Чем же объясняется такая мировая популярность именно «Жизни животных» Брэма? Ведь столько зоологов до него, да и после него описывали все виды животного царства.

Брэм с детства любил животных и быть может, страсть к наблюдению перешла к нему по наследству от отца его, пастора и известного орнитолога. Брэм интересовался не только внешними признаками животных, но глубоко и пристально изучал образ их жизни, психическую деятельность, их чувства, привычки, все то, что в своей совокупности составляет жизнь. Любя животных, он и

приручал их. Возбуждавшая всеобщее удивление его ручная львица «Бахида» спала с ним на одной кровати, терлась о него, как кошка; его ручного крокодила таскали, как бревно, он откинулся и шел на зов Брэма и, по свидетельству биографов Брэма, охотно переносил от своего хозяина все, кроме одного: табачного дыма, когда ему дули им в поздри. Стая ручных ибисов всюду следовала за Брэмом.

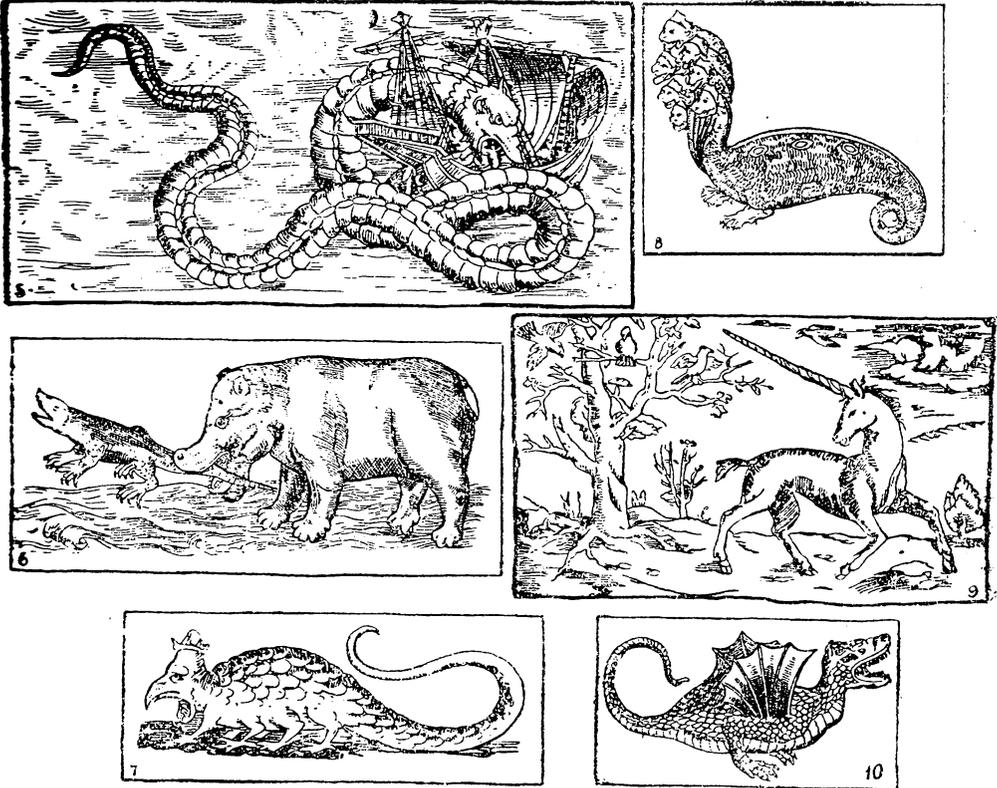
Увлекательный лектор, он и в «Жизни животных» прекрасный рассказчик, добросовестно сообщаящий и свои личные наблюдения, и свидетельства других. Брэм извездил не только экзотические страны, в 1876 г. он совершил и большое путешествие по русской Сибири, изучая богатства ее фауны.

Вот в этой-то любви Брэма к животным и кроется тайна его проникновения в жизнь их, а вместе с тем делается понятным исключительный интерес, популярность и обаяние его труда.

«Вестник Знания» П. П. Сойкина ознаменовывает столетнюю годовщину рождения знаменитого биолога и путешественника, выпуская заново переработанную, в соответствии с последними данными науки, «Жизнь животных» Брэма в своей серии приложений к жур-

А. Е. БРЭМ, «Жизнь животных» которого любимая книга всего мира.

5. Морская змея, ужас древних и средневековых мореплавателей. 6. То, что поймал этот гиппопотам, не крокодил, а «водяная крыса». 7. Василиск. Таково было с виду ужасающее чудовище, перед взглядом которого трепетало все средневековье. 8. Семиголовая змея. Ужас всех мореплавателей древности. 9. Единорог, самый грациозный из всех скачущих зверей. 10. Детеныш дракона. Из зоологической книги 1589 года.

налу, параллельно с книгами «Природа и Люди».

Конечно, было бы большой ошибкой утверждать, что прежние зоологи только сухо-научно описывали животных. Наоборот, естественное стремление человека познать чуждые ему виды животного царства всегда плетало воображение, но старые описания, скрепленные печатью научных титулов, нередко представляли собой занятные фантастические сказки — не более. Не только нравы, привычки, но даже самый вид животных являлся продуктом глухих рассказов и пылкой фантазии, под которыми ставили свое имя авторитетные во времена средневековья предстатели будто бы научного знания.

Рекомендуем познакомиться с воспроизводимыми здесь старинными, резанными на дереве гравюрами, и с описаниями некоторых животных, существующих и в существующих.

Как теперь прибегают к Брэмю, так за 350 лет было с Гесснером и Конрадом фон Мегенбергом. В те времена естественная история заключала в себе все, что требовалось читающему человеку: ларику, медицину, описания путешествий, юмор, рецепты поваренного искусства и благочестие.

Первая полная естественная история была составлена высокоученым профессором Конрадом фон Мегенбергом. Написана она была в 14-м столетии и до 16 века было выпущено ее до семи изданий.

Эту естественную историю заменил в области зоологии труд величайшей авторитетности профессора Гесснера. Название этого труда так длинно, что тянется чуть ли не на километры. Вот, что можно найти в книге Мегенбурга, вышедшей в 1300 г.

«ЛЕВ. — Лев царь всех других животных. В нем нет ни коварства, ни хитрости. О мужественности льва нам говорят его чело и его хвост. У него такая горячая природа, что думают, что он всегда в лихорадке. Львица, самка льва, приносит в первый раз пять щенят, затем четырех, в третий раз трех, затем двух и в пятый раз — одного. Когда лев спит, глаза его бодрствуют, когда он идет, он замечает свой след, чтобы его не нашли охотники. Некоторые говорят, что лев умирает от собственной злобы, так она бывает горяча. Когда лев болеет, он доит обезьяну и пожирает ее, чтобы выздороветь. Когда лев начинает сердиться, он бьет хвостом по земле, и когда злоба его растет, он бьет себя самого по спине. Кости льва так твердые, что из них выбивают огонь. Летом льва

лихорадит, лихорадит его и от взгляда человека».

А вот, что говорит про льва, двести лет спустя, умевший уже вперед Гесснер: «Лев свободный, благородный, отважный, сильный, мужественный зверь. У него, повидимому, очень острое зрение, по причине чего он не может долго выносить блеска солнца, и также острый нюх, так как он узнает про прелюбодеяние львицы с леопардом. Ходит он шаг за шагом, так, как описано в истории верблюда. В Мавериктанни львы, как говорят, понимают язык туземцев.

«Лев великодушен! — утверждает путешественник — исследователь, географ, профессор Дашпер, побывавший около 1600 г. в Африке, Ливии и Берберии. — Его великодушие, — пишет Дашпер, — выражается главным образом, когда он в опасности. Он тогда пренебрегает не только всяким оружием и долго один защищается, но, наконец, не из-за опасности, но из благородного великодушия, прорывается в открытое поле через всех охотников и собак, чтобы его все могли видеть...»

Кроме того, человек будто бы терял разум, если касался шкуры льва.

Медицинская книга 16 века говорит:

— «Мясо всех хищных животных сухого рода, делает кровь меланхоличной. Но мясо льва горячительнее других и полезно при задержке мочи».

А первая германская женщина-врач, святая Гильдегарда, дает следующие рецепты: «львиную кожу — от головных болей; львиное сердце в воде при плохом пищеварении; правое ухо льва — для глухих; закопанное львиное сердце — против ударов молнии.

ЕДИНОРОГ И ДРУГИЕ МАЛО ВЕРОЯТНЫЕ ЗВЕРИ. Кроме льва старая наука давала свободный вход в естественную историю и единорогу. Сам Гесснер осматривал экземпляр рога и говорит:

«Спереди и назад до конца рог окружен узенькими полосками».

Один такой рог сохранялся в сокровищнице польского короля. Один же рог был преподнесен Гренландской Компанией какому-то дарю, но был отвергнут, потому что лейб-медик заявил, что это зуб какой-то рыбы.

Во всяком случае, единорог был странное существо. Он страдал от своих размеров. Поэтому он и не получил места в Ноевом ковчеге и должен был плыть за ним. С тех пор он жил уединенно, душился мушкетом и оказывал такое внимание молодым женщинам, что забывал в их присутствии всякую дикость, клал им на колени голову и его таким образом ловили.

«О размерах этого животного, — говорит одна зоологическая книга, — писатели расходятся: Плиний приписывает ему кроме оленьей головы, ног слона, свиного хвоста,

рога длиной в два локтя, туловище лошади Страбон же говорит, что единорог почти совершенно похож на лошадь...»

Если ученые сомневались в существовании животного, потому что у него был один рог, что должны были они сказать про чудовище, у которого «шея вдвое длиннее туловища». И тут Гесснер свидетельствует: «Это удивительно редкое животное подарено туредкому султану в Константинополе. По немецки называется жираффой».

Нельзя умолчать про невероятное чудовище, «у которого страшно вытянутый длинный нос. Он его употребляет вместо рук; и два длинных клыка, такие крепкие, что они служат в домах столбами». Гесснер называет зверей «гелефантами». Понятно, здесь речь идет о всем ныне известном слоне.

Ч У Д О В И Щ А — Все упомянутые выше звери кажутся шуткою по сравнению с гигантами древности: василиском, грифом и драконом.

Василиск выполз из яйца черной курицы, которое высидела жаба. Он напоминал змею, на голове его была корона и пасть его дышала ядовитыми газами. Но самое ужасное были его глаза. Поэтому все охотники на василисков брали с собой зеркало и ловко держали его перед зверем. Василиск при виде себя умирал от отчаяния.

В 1474 г. в Базеле была публично казнена курица, которую поймали на месте преступления, когда она клала яйцо с василиском.

С О В А — возбуждает в господине профессоре фон Мегенберге глубочайшее отвращение.

«С этой птицей, — говорит он, — ловят других птиц, и она тот самый грешник, который открыто грешит и приводит других людей ко греху. Она выпивает яйца голубки, пожирает мышь и охотно живет в дерьвах и выпивает масло из лампад...»

Гесснер судит мягче.

«Горная сова, — говорит он, — как я ее видел, больше гуся. Голова у нее размером с кошачью голову и по обе стороны ее торчат, как двое ушей, черные перья... ноги покрыты ярко-красными перышками. Говорят, что с кровью, взятой у молодой совы, можно сделать, чтобы вились волосы. Пепел от ее сожженной головы, смешанный с мазью, помогает от болей в селезенке, пепел от ее сожженных глаз, смешанный в мазь, делает глаза живыми и ясными.

— К ночи, — говорит еще Гесснер, — сова поет отвратительно тоскливо. Днем она прячется в старых стенах, в необитаемых домах.

Таким образом и животный мир прошел за 400 лет путь всего земного и отдал дань современности: от суеверия он пришел к просвещению, от мистики к психологии, от волшебного зеркала Калностро к трюкавому фильму и к культурной работе.

3 ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНКУРСА

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ „МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ 1929 г.

I. Систематический Литературный Конкурс.

В отличие от 1928 года ежемесячные задачи будут заключаться: 1) не только в сочинении окончания к помещенному рассказу, но и 2) в написании всего рассказа, когда дана только последняя глава его, 3) в создании самостоятельного повествования на основе напечатанных без текста одних иллюстраций. Последние два вида задач дадут большой простор и фантазии, и литературным способностям читателей. Кроме того, в 4) параллельно будут помещаться небольшие задачи самых разнообразных форм и содержаний, от изысканно литературных до простых и доступных любому внимательному читателю.

Соглашаясь с многочисленными высказанными пожеланиями, Редакция даст возможность получать премию за литературную работу не одному только лицу по каждой задаче, а нескольким. Первая премия всегда будет денежная—от 150 рублей за $\frac{1}{2}$ печ. листа (20.000 букв), и до 25 руб. за малые задачи. Некоторые премии поощрительного характера будут выдаваться в виде полных собраний сочинений известных писателей и различного рода художественных книг и сочинений по искусству, в том числе наиболее популярных Историй искусств.

II. Конкурс на лучший рассказ „ЗА РАБОТОЙ“.

Строительство Союза Республик, наши культурные достижения и устремления, любовь к труду должны найти свое отражение в художественной литературе. За лучший, живой и действенный рассказ на фоне фабричных и заводских производственных процессов, попутно освещающий обстановку и быт рабочих, или за рассказ, знакомиющий с важной и интересной, но подчас незаметной работой скромных тружеников, заслуживающей, однако, по особым условиям ее, пристального общественного внимания, будет выдано 3 премии: в 250 р., 200 р. и 150 р.

Рассказ должен быть в пределах от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ печатного листа (от 20.000 до 30.000 типографских знаков). Присланные на Конкурс, но не удостоенные премии, однако годные к печати рассказы могут быть приобретены Редакцией по соглашению с авторами. СРОК ПРИСЫЛКИ РАССКАЗОВ НА ЭТОТ КОНКУРС, ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ ПРОДЛЕН ДО 1 МАЯ 1929 г.

III. Конкурс на лучший рассказ „НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ“,

художественно изображающий жизнь и быт на фоне сравнительно мало известной своеобразной природы и условий окраин необъятного Союза Республик. Рассказ также должен быть размером от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ печатного листа. За лучшие рассказы будут выданы 3 премии: в 200, 150 и 100 р. Непремированные рассказы могут быть напечатаны по соглашению с Редакцией. СРОК ДОСТАВКИ РАССКАЗОВ НА ПРЕМИЮ ТАКЖЕ ПРОДЛЕН ДО 1 МАЯ 1929 г.

Во всех трех Литературных Конкурсах могут участвовать все личные подписчики «Мира Приключений», члены их семейств, а также все коллективные подписчики (учреждения).

При работе Жюри, в состав которого, в зависимости от тем доставленных рассказов, приглашаются известные специалисты, будет обращено особенное внимание на литературно-художественные достоинства разбираемого произведения, на интерес фабулы, на соответствие ее действительной жизни, на динамичность в развитии сюжета.

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА.

КОНКУРС НА ПРЕМИИ № 11.

Надо решить три помещенных здесь задачи №№ 40, 41 и 42. Качество решений оценивается очками, согласно указаний в заголовках самих задач. Еще под-очка дополнительно может быть прибавлено за тщательность и аккуратность в выполнении решений, при соблюдении, конечно, всех требуемых условий. Те участники конкурса, которые соберут в сумме наибольшее число очков, премируются следующими 10 премиями (при равенстве очков вопрос решается жребием):

- 1-я премия. Художественное иллюстрированное издание „Демон“ М. Лермонтова.
- 2-я премия. Пластическое искусство.

3-я премия. „Саломея“ Оскара Уайльда.

4-я премия. Танцы, их история и развитие.

5-я—10-я премии. Любые из имеющихся изданий П. П. Сойкина на сумму до 2 рублей.

Все решения по конкурсу должны быть вложены на отдельном листе, сверху коего должны быть указаны фамилия, адрес и № подписного билета (или взамен того наклеен адрес с баадевроли, под которой получается журнал). На конверте нужно сделать надпись „В отдел задач“.

Срок присылки решений — 4 недели после отправления этого № журнала почтой из Ленинграда.

Шесть вол-ов.

Задача № 40—до 3 очков.

В пустых клетках фигуры надо расставить буквы,—в каждой клетке по одной,—чтобы в горизонтальных строках получились бы слова. Желательно, чтобы это были имена существительные, нарицательные, в единственном числе и именительном падеже (слова иностранных нежелательны).

В	О	Л					
В	О	Л					
	В	О	Л				
		В	О	Л			
			В	О	Л		
				В	О	Л	
					В	О	Л

Голуби в океане.

Задача № 41—до 4 очков.

Для ускорения сообщения между Европой и Сев. Америкой вводится такой прием. На океанских пароходах делается оборудование для вмещения самолетов. Самолет с почтой, и может быть с несколькими пассажирами, вылетает из исходной гавани после от-

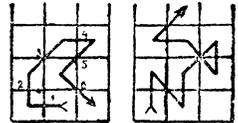
правления парохода, нагоняют его в океане и принимаются на борт. А с приближением к конечному пункту, самолет высылается с парохода захода вперед, тоже

со срочной почтой и пассажирами. Пример. Путь от Нью-Йорка до Гамбурга хорошие океанские пароходы проходят ровно в шесть суток (пусть вся дистанция—7200 км). Как съэкономить с помощью самолета во всем путешествии 35 часов (сравнительно с указанной нормой), если постоянная летевая скорость самолета равняется 170 км в час и если при приеме самолета на борт и при отправлении его с борта парохода приходится затрачивать каждый раз по пол-часа. Найдите арифметическим подсчетом (или графикой), сколько часов будут длиться оба конечные рейса самолета и какую дистанцию спешная почта будет идти на пароходе?

Обойдите чередом.

Задача № 42—до 4 очков.

Надо обойти квадрат из 6×6 клеток непрерывной системой прямых и косых ходов. Прямым ходом называем движение на смежную клетку по прямым рядам (в любую сторону), а

косым ходом—движение на соседнюю клетку в диагональном направлении (так ходят вперед в шахках). Чередую каждый раз такие ходы, надо обойти все 36 клеток по возможности всеми доступными способами (интерес представляют те фигуры обходов, которые не обратимы путем поворачивания фигуры или отражения ее в зеркале).—Для ясности приведена схема правильных ходов (справа) и неправильных (слева: ходы 1 и 2 оба прямые, а 3 и 4—оба косые: это недопустимо).—Каждую клетку можно проходить только по одному разу.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 7.

Хотя, в виду перебоа в выходе книжек-журнала, срок присылки решений был отложен до конца января с. г. (см. № 10, стр. 80 внизу), на конкурсе откликнулось всего 6 подписчиков: С. С. Ватуев (Сернухов), Г. Бе-

нетевич (Ленинград), В. В. Замбрицкий (Ленинград), Г. А. Ныркоу (с. Себино), В. В. Смирнов (Одесса) и В. Н. Тацьевский (Евпатория).—Конкурс признан не состоявшимся.

Как полетится?

Если пропускная способность всех кранов в каждом отдельном случае будет различная и всегда больше нуля (т. е. без закрытых кранов), то есть лишь шесть возможностей, которые нетрудно разобрать по следующей таблице (цифры означают величину пре-

Задача № 27.

пускной способности крана за тем же номером; стрелки по бокам букв означают, что вода льется через кран). Для примера поясним, что в 4 случае в сосуд В воды поступает через кран 2 больше, чем выливается в сосуд С через кран 3, а через последний кран воды

переходит больше, чем прибывает из крана I; тогда наибольшее переополнение будет в сосуде B, где вода пойдет через край, а в сосуде A, где прибыла воды

ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ДЕБЕТ КРАНОВ.	УРОВЕНЬ В СОСУДАХ		
	A	B	C
1) $1 > 2 > 3$	$\downarrow \alpha \downarrow$	$\downarrow \beta \downarrow$	$\downarrow \epsilon \downarrow$
2) $1 > 3 > 2$	$\downarrow \alpha \downarrow$	- c -	$\downarrow \epsilon \downarrow$
3) $2 > 1 > 3$	- б -	$\downarrow \beta \downarrow$	$\downarrow \epsilon \downarrow$
4) $2 > 3 > 1$	- б -	$\downarrow \beta \downarrow$	$\downarrow \epsilon \downarrow$
5) $3 > 1 > 2$	$\downarrow \alpha \downarrow$	- c -	$\downarrow \epsilon \downarrow$
6) $3 > 2 > 1$	- c -	- e -	$\downarrow \epsilon \downarrow$

меньше убыли, уровень не поднимется выше линии бб в сосуде C во всех 6 случаях вода будет идти через край). — Предлагаем самим читателям разобрать все

комбинированные частные случаи, когда величины 1, 2 и 3 могут быть равны нулю или когда между ними будет равенство общее или попарно.

Наиболее полно разобрал задачу Г. Бенешевич.

Обойдите чередом.

Задача № 28.

Задача эта, в измененном виде, дается на новых конкурсах.

Ловкие ножницы.

Задача № 29.

Способов есть несколько. Напр., разрезав сперва полоску по длине пополам, наложить одну часть на другую и сложить их вместе попереки: пополам и еще раз пополам; последнюю фигуру разрезать ножницами параллельно последней складке, в расстоянии от нее на одну треть длины фигуры (т. е. $1/3$ длины всей полоски; найти место разреза можно дальнейшим складыванием на 3 части).

ИТОГИ КОНКУРСА № 8.

Картина без слов.

Задача № 30.

Все говорит в пользу того, что часы показывают неверное время (либо стоят, либо сильно врут). Огненное дерево и костюмы прохожих свидетельствуют о том, что время года — либо поздняя осень, либо ранняя весна. Светлое небо и положение теней не оставляет сомнений в том, что время дня (для средних широт) будет недалеко от полудня (от 0 до 3 часов в обе стороны). При этих условиях не может быть ни 7 ч. утра, ни 7 ч. вечера.

Некоторые читатели допускали возможность того, что картина относится к 7 часам утра, на основании именно теней. Но при низком положении солнца тени бывают гораздо длиннее (на рисунках тени не превышают высоты предметов), а на изображенном перекрестке их не должно быть вовсе, так как солнце восточнее слева домами.

Задача из домино.

Задача № 31.

Если все 28 косточек домино разложить в виде изображенной здесь лестницы, то из рассмотрения ее станет ясным, что все возможные решения задачи лежат по ступенчатым поясам этой фигуры; это потому так, что каждая косточка имеет общую цифру очков с любой смежной с ней косточкой, и суммы очков у всех смежных косточек взаимно различаются на одну единицу. Верхний марш фигуры (ступенчатый пояс I — I состоит из 13 косточек: 1) 0-0; 2) 0-1; 3) 1-1; 4) 1-2; 5) 2-2; 6) 1-3; 7) 2-3; 8) 3-3; 9) 0-4; 10) 1-4; 11) 2-4; 12) 3-4; 13) 4-4; 14) 0-5; 15) 1-5; 16) 2-5; 17) 3-5; 18) 4-5; 19) 5-5; 20) 0-6; 21) 1-6; 22) 2-6; 23) 3-6; 24) 4-6; 25) 5-6; 26) 6-6.

тый пояс I — I состоит из 13 косточек: 1) 0-0; 2) 0-1; 3) 1-1; 4) 1-2; 5) 2-2; 6) 1-3; 7) 2-3; 8) 3-3; 9) 0-4; 10) 1-4; 11) 2-4; 12) 3-4; 13) 4-4; 14) 0-5; 15) 1-5; 16) 2-5; 17) 3-5; 18) 4-5; 19) 5-5; 20) 0-6; 21) 1-6; 22) 2-6; 23) 3-6; 24) 4-6; 25) 5-6; 26) 6-6. Начиная последовательно с первых семи косточек, мы получим здесь семь решений (кости от 1-й до 7-й,

от 2-й до 8-й, от 3-й до 9-й, от 4-й до 10-й, от 5-й до 11-й, от 6-й до 12-й и от 7-й до 13-й).

Самый нижний из маршей, включающий не менее семи косточек, обозначен на фигуре цифрами IV — VI и тоже выделен по краям жирными линиями, тут явно только одно решение (0-3, 4-4, 1-4, 1-5, 2-5, 2-6, 3-6). И также ясно, что ниже этого марша решений быть не может; значит три косточки в самом углу (0-5, 0-6 и 1-6) ни в одном решении участия не принимают.

Осталось подсчитать решения между взятыми маршами I — I и IV — VI. Здесь нетрудно обнаружить два ступенчатых марша. Марш II начинается костью 0-1, направляясь последовательно вниз и вправо до кости 5-6; здесь 11 костей дают 5 решений. И марш III, начинаясь с кости 0-2, передвигается с маршем IV, давая 9 своими косточками 3 решения. Итого, значит, 16 решений (7 + 5 + 3 + 1).

Большинство читателей правильно дали все решения, причем некоторые обосновали их и анализом (И. В. Темнов, В. В. Семанов, Т. И. Виноградов, В. В. Замбржский, С. Кричевцов, А. Д. Кукаркин, С. С. Батуев, В. Е. Дольский, Мохов и другие). Несколько участников, выкинувшим почему-то косточку 0-0, зачтено по $2/3$ очка, а тем, кто предусмотрел менее 15 решений — по 2 очка.

Льдина в море.

Задача № 32.

По закону Архимеда вес морской воды, вытесненной льдиной, должен равняться весу самой льдины. Последний вес составляет 0,9 тонны, и этому весу должно равняться произведение из 1,04 на объем погруженной части льдины. Но объем этот, при основании параллелепипеда 1 кв. метр, выражается цифрами высоты погруженной в воду части льдины. Значит, последняя высота равняется частному $0,9 : 1,04$ (в метрах). А возвышение льдины над уровнем воды = $1 - (0,9 : 1,04) = 0,1346$ м. = около $13 1/2$ см.

Задача решена многими, но при наличии одного ответа (без решения) давалась оценка лишь в 1 очко.

Ребус.

Задача № 33.

Язык док и Ева доведет. — Язык до Киева доведет.

Задача легко решена всеми.

В конкурсе приняли участие 67 подписчиков, из коих только 7 чел. решили менее 3 задач. При оценке взачет получили: 33 чел. по $9 1/2$ очков и 27 чел. от 6 до 9 очков.

(Продолжение см. на след. стр.).

ПРЕМИИ РАСПРЕДЕЛЕННЫ ПО ЖРЕБИЮ:

1-я премия. „Мужчина и женщина“ — 3 тома в роскошных перепл. (ценность 40 руб.)—В. Е. Дольский (Воронеж). 2-я премия. Альбом художественных произведений К. А. Сомова (ценность 10 руб.)—И. В. Темнов (Омск). 3-я премия. Бесплатное получение в течение 1929 г. „Вестника Знания“—С. Л. Кричевцов (Глухов). 4-я премия. „Гений и творчество“ проф. С. О. Грузенберга—Ю. К. Диденко (станция Гучково). 5-я—10-я премии. Издания из числа перечисленных в условиях конкурса: 5) А. Петухов (Владивосток); 6) А. Д. Кухаркина (Москва); 7) Э. Г. Форрат (ст. Орехово-Зуево); 8) А. В. Максимов (Краснодар); 9) А. И. Владимиров (завод В. Уфалей); 10) Г. И. Варшалавич (Скотоватое, Донбасс). В жеребьевке на премии еще участвовали: 11) В. Н. Ватенин (п/о

Понежукаевское); 12) Н. Д. Немировский (Одесса); 13) А. А. Баглей (Чернигов); 14) В. Тодстоухов (Гудауты); 15) В. В. Замбрицкий (Ленинград); 16) Т. А. Соколенков (Одесса); 17) Е. Н. Драган (Николаев); 18) В. А. Коломенский (Клин); 19) М. А. Коваль (ст. Славянская); 20) М. С. Лопотт (Ташкент); 21) Т. И. Виноградов (Зиновьевск); 22) А. З. Дружинина (Новочеркасск); 23) А. М. Сметков (Ростов н/Д); 24) В. Н. Тацневский (Евпатория); 25) И. В. Горбачев (Новочеркасск); 26) В. В. Семанов (Свердловск); 27) М. А. Борковский (п/о Мильковск); 28) С. С. Батуев (Серпухов); 29) Н. В. Успенский (Тула); 30) С. А. Рабинович (Тульчин); 31) Д. Задеренко (Харьков); 32) Г. Анисимов (Усолье); 33) Мохоз (Москва).

Еще одно литературное воровство.

Редакции очень многих ленинградских и московских журналов за последние годы нередко становятся жертвой отвратительного, низкого обмана. Общей участи не избежали и мы.

15-го минувшего сентября в нашем издательстве был получен почтой, со штемпелем «Хабаровск», рассказ «За подлинник». В тот же день рассказ был занесен в регистрационную книгу с именем его автора и отправителя. На внешне безупречной машинописи, на тонкой папиросной бумаге, свидетельствующей о переписке с конями, значилась подпись: «А. Кан.» и воспроизводимый здесь адрес.

г. Хабаровск.
18 июля 1928 г.

А. КАН.

г. Хабаровск.

Штаб полка
писарь строевой части Ал-др Владимирович
КАННАБИХ-СКВОРЦОВ.

Мы опускаем подробное и точное наименование полка, указанное в оригинале. Этнографический очерк, по языку только-только удовлетворительный в отношении чисто литературном, сюжетно представлял известный бытовой интерес. Заглавие было признано неудачным, так как не охватывало суть рассказа и перемещало естественный психологический центр тяжести его, и было заменено другим: «По примеру отцов». Сомнений и подозрений очерк и его автор не возбуждали. Письмо было из Хабаровска, для нас далекого северного города, но близкого к месту действия рассказа. Почетное в Республике Советов воинское звание, выставленное автором, само по себе располагало к доверию. Наконец, и литературные погрешности, лишь отчасти исправленные нами для печати, как бы подтверждали литературную незрелость неизвестного нам и пробующего свои силы человека, поставленного судьбой в условия, благоприятные для живого и непосредственного наблюдения жизни на далекой окраине.

Очерк был напечатан в № 11—12 «Мира Приключений» за 1928 г., а теперь мы получили от читателей три письма, сообщающие, что Александр Владимирович Каннабих-Скворцов дословно переписал свое сочинение с очерка А. Осипова «За подлинник», напечатанного в приложениях к «Ниве» за 1897 год, т. е. 32 года назад.

Благодарим искренно наших корреспондентов. Конечно, они правы, что ни одна редакция не может знать все, что было когда-то и кем-то напечатано. Они оказали нам услугу, разоблачив еще одного литературного вора, которых разведет теперь, к сожалению, так много. Суд общественного мнения вынесет свой справедливый приговор гр. Каннабих-Скворцову. Во всяком случае, его «литературная» карьера окончена.

Но в этой грязной истории есть еще одна плохая сторона — для людей ни в чем неповинных: для начинающих и неизвестных лично авторов. Как трудно относиться к ним с благожелательным доверием, когда существуют и действуют десятки прозаиков и поэтов Каннабих-Скворцовых!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Рукописи, присылаемые в Редакцию, должны быть написаны четко, набело, чернилами, а не карандашом (а еще лучше — напечатаны на машинке), подписаны автором и снабжены его точным адресом. Переводчики должны прилагать иностранный оригинал. В случае необходимости, рукописи подлежат сокращениям и исправлениям. Рукописи, присылаемые без обозначения условий, оплачиваются по норме Редакции. Письменные ответы для Редакции не обязательны. На возврат рукописей необходимо прилагать марки. Непринятые рукописи хранятся 3 месяца и потом уничтожаются. Личный прием в Редакции по понедельникам от 2—5 ч. дня.

НЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РАССКАЗЫ:

„Корабль сокровищ“ — „Встреча с медведем“ — „Корреспондент“ — „Солнце с Запада“ — „Шайтаны Сеита“ — „Руамари“ — „Бой под Дурьстаном“ — „В контр-разведке“ — „В стенах Узбекистана“ — „Саквож Розиты Ринальто“ — „Пол-уиракы“ — „Исчезновение профессора Эванса“ — „Воль помог“ — „Чертов ковер“ — „Проводы“ — „Память 1905 г.“ — „Погибшая семья крестьянина“ — „Тяжелая жизнь“ — „Детство“ — „Кровь коммунаров“ — „Борец тяжелого времени“ — „Весна“ — „Проводы“ — „Василий“ — „На ошоловом шаре“ — „Восторженный человек“ — „В трущобах Икогамы“ — „Хунхуа“ — „Тысяча километров“ — „Закон крови“ — „Медведь“ — „У дивих берегов“ — „Записки доисторического человека“ — „Сокровище Маригуаны“ — „Конец мира“ — „Человек-зверь“ — „Остров Гэно“ — „Жемчужное ожерелье“ — „За работой“.

Многим авторам. — За последнее время к нам чересчур часто стали обращаться с просьбами, в случае непринятия рассказа, переслать его в то или другое, а нередко — в те или другие, по нашему усмотрению журналы. При этом авторы обычно даже не прилагают марок для пересылки. Этих комиссионных операций мы себя не можем. Самое большее, что мы возвратим рукопись автору, если он прислал для этого достаточное количество знаков почтовой оплаты.

Подполковнику Ю. В. Ф. (Вагу). Ваше желание, чтобы Редакция давала в числе конкурсных рассказов и произведения сатирические и юмористические, вполне понятно и законно, но ведь такие вещи мы уже помещали и предлагаем печатать и впредь. Что касается стихов, то в ближайшее время не можем изменить план журнала.

СЕРИЯ КНИГ ПОД ОБЩИМ ЗАГЛАВИЕМ

ПРИРОДА и ЛЮДИ

ВСЕ КНИГИ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАНЫ ФОТОГРАФИЯМИ, РИСУНКАМИ, КАРТАМИ и ЧЕРТЕЖАМИ.

Цена каждой серии **ШЕСТЬ** руб. с пересылкой.

Отдельно каждая книга **75** коп. с перес.

СЕРИЯ ПЕРВАЯ (изд. 1927 г.)

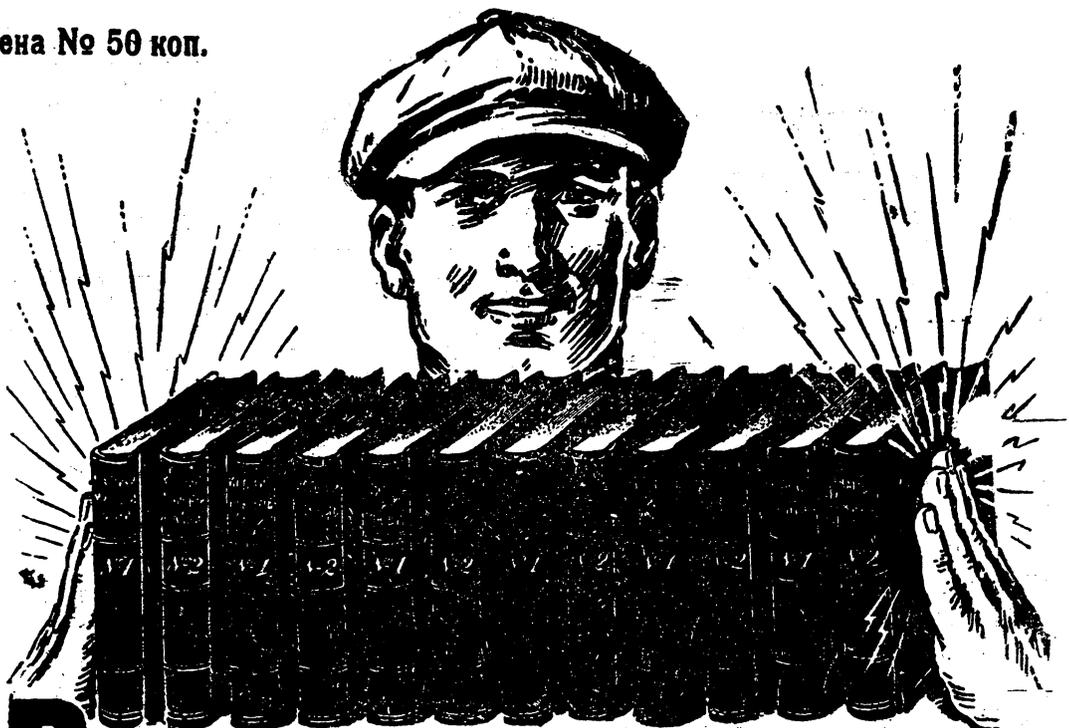
ЖИЗНЬ ДРАКОНА. В. Тан Богораз. Повесть из жизни первобытных людей.
ПО СЛЕДАМ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА. Р. Эндрюс. Описание экспедиции в Центральную Азию ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ. В. Д. Никольский. Научно-фантастический роман.
ОТ ПОЛЮСА ДО ПОЛЮСА. Свен-Гедин. Описание путешествий в разные части света.
БЕССЕДЫ ОХОТНИКА ЗА РАСТЕНИЯМИ. К. К. Серебряков.
ПОД МАСКОЙ АРАВА. Э. Клиппель. Путешествие по Аравии.
ДНИ В ДЖУНГЛЯХ. Вильям Биб. Из дневника натуралиста.
ЧЕРЕЗ ТРИ ОКЕАНА. А. Ингверсен. Путешествие трех датчан на моторной лодке из Шанхая в Копенгаген В ЛЕВСТВЕННЫХ ЛЕСАХ АМАЗОНКИ. Альберт Денца.
В СТРАНЕ КАНИВБА. ЮВ. (Новая Гвинея). Мерлан Моор. Повесть.
ИЗ КАМЧАТКИ В АМЕРИКУ. И. Стодлер. Перевозческое путешествие на американский материк.
СОСЕДИ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА. Э. Микельсен. Новая колония в Гренландии.

СЕРИЯ ВТОРАЯ (изд. 1928 г.)

В СЕРДЦЕ АЗИИ. Акад. Н. К. Козлов. Монголо-Тибетская экспедиция (1923—26 гг.).
СРЕДИ ТЮНЕНЕЙ и БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ. Фритиоф Нансен. Иллюстрирована самим автором.
ПОД ПАРУСАМИ ЧЕРЕЗ ОКЕАНЫ. Д. А. Духманов. Первое советское заокеанское плавание на парусном судне „Товарищ“.
В СТРАНЕ ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ. М. Д. Комарский и Артур Бергер. Природа и люди Гавайских островов.
НА БЕРЕГАХ ТИХОГО ОКЕАНА. Проф. И. Ю. Шмидт.
КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ. (Ч. I и II. Цена 1 р. 50 к.) Проф. Н. А. Рыбин.
НА КРАЮ СВЕТА. Вильям Биб. Экспедиция на Галлапагосские острова 1923—24 гг.
У КАРЛИКОВ МАЛАЙЦЕВ. Р. Шебста. Путешествие 1924—25 гг.
ЗАВОЕВАНИЕ ЛЕДЯНЫХ ПУСТЫНЬ. В. Е. Львов.
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК Н. М. Пржевальский. Акад. Н. К. Козлов.
ПО СУДАНУ. А. Радклифф Дугмор. Дневник путешественника.

Серия I или II высылаются с налож. платежом только по получении задатка в размере 2 руб. за каждую серию.

Цена № 50 коп.

Вот что получают подписчики „Вестника Знания“

в 1929 г.

— в качестве приложений

Журнал „ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“

без приложений:

24 книги—журнала 6 р.

Журнал „ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“

с приложениями:

АБОНЕМЕНТ № 1

24 книги „Вестник Знания“ }
12 книг „Классики Мировой Науки“ } 12 р.
12 книг „История Искусств“ }

АБОНЕМЕНТ № 2

24 книги „Вестник Знания“ }
12 книг „Природа и Люди“ } 12 р.
12 книг „Жизнь Животных“ А. Брема }

АБОНЕМЕНТ № 3

24 книги „Вестник Знания“ }
1 том „Вселенная и Человеч.“ в перепл. } 15 р.
1 том „Народы Мира“ в переплете }

БЕСПЛАТНО = ВСЕМ =

Кто подпишется (или вышлет деньги) непосредственно в Гл. Конторе журнала

„ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“

Ленинград, 25, Стремянная. 8.

Подробное иллюстрированное объявление о подписке на журнал „ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“ на 1929 год высылается бесплатно.